

Российский колокол

2023

Журнал № 5–6

Московская городская организация
Союза писателей России

Российский колокол № 5–6 (41) 2023

Литературно-художественный журнал

Аннотация
Российский колокол. № 5–6 (41) 2023 г
Слово редактора
Современная поэзия
  Алишер Сираджев
    Речь русская – мелодия небес
    Великий шёлковый путь…
    Сила слова
    Давным-давно в краях далёких…
    Я сына одного лишь вижу
    В кого же мы переродились?
    Прижав к груди родной комочек…
    Любимой доченьке
    Ложь во имя жизни
    Хромой котёнок
    Сердца любимых берегите
  Анна Батчева
    Рыцарь и Принцесса
    Донецкие маки
    За кадр до вечности

Александр «Сэро» Коньков
«В пластиковом Граале мутнеет квас…»
«Разбушевался гром, постигай азы…»
«Любит группу «Немного нервно»…»
«На аватарке свадебное фото…»
Любить дракона
Москва – Петербург
Костёр
Пронесу
Гениям
Печать
Дарья Мисюра
«Мы мечтали вдвоём – разобьём на участке сад…»
«Кровавое солнце встаёт над зелёной сельвой…»
«Я вижу сад – он полон красоты…»
Иван Нечипорук
Если мы выживем
Ветер
Лицом к…
Царство пуганых фазанов
Усталость. Горловский сонет
Дантова осень
Октябрь
На заре

Не резон. Горловский сонет
Кровавый вторник
Ночь с апреля на май. Горловский сонет
Горловская весна
Пришёл июнь
Жди
Эта боль
С чёрствою душою
Стена. Горловский сонет
Не унывая
Виталий Шейченко
Вспоминая Владимира Семёновича…
Моё подражательство
В общежитии любви
Эх, Надька, Надька…
Эстафета красоты
Современная проза
Альфред Бодров
Юная партизанка Лара Михеенко. Очерк
Дмитрий Воронин
Честная служба
Ирина Горбань
Галинкина война, или Монолог из подбитого автобуса
Владимир Крупин
Игра в «военку»

Украинский расчёт
Что спасёт Россию?
Кучкар Наркабил
Неожиданная развязка. Рассказы
Любовь актёра
Вряд ли будут читать…
Надежда Середина
Двадцать лет спустя. Роман в трёх частях
Часть I
1. Возвращение полковника
2. Девушки в Москве. 1953 год
3. В глубинке
4. Белая сирень
5. Полковник купил дом
6. Дипломат и помощник
7. В деревне
8. Полковник
9. Профессор и аспирант
10. Приезд в Москву
11. Салон Киры
12. Знакомые незнакомцы
13. Помощник в ЦДЛ
14. Горбатый мост. 1991
Детская литература
Наталья Каратаева
Ворон

Любовь Менты. Сердце трав и цветов
Прощание с лесом
Язык музыки
Листопад
Вечереет
Книга о радости
Культурология
Людмила Лазебная
Моя малая родина
Литературоведение
Владимир Голубев
Главы из книги «Загадки литературной сказки». Часть II
Недолгая сказка Ореста Сомова
Глава 3. Прогулка с Феей Сказочника. Николай Петрович Вагнер
Вместо послесловия

Аннотация

Новый номер «Российского колокола» объединяет яркие и значимые произведения как в прозе, так и в стихах.

Поэзия обращается к истории и культуре, природе и любви, насущным вещам и самому главному, о чём очень трудно говорить, но и не говорить невозможно.

В разделе «Современная проза» заметна сосредоточенность на событиях настоящего, в том числе и тревожных, печальных, в то время как другие произведения обращены в прошлое или проводят параллели между делами минувших дней и днём сегодняшним.

Детская и сказочная литература повествует о том, что не теряет своей важности никогда, – любви, красоте, благодарности.

Раздел «Культурология» включает притчевое повествование о старинной мордовской деревне, проникнутое фольклорными мотивами, а «Литературоведение» полностью посвящено истории русской авторской сказки.

Российский колокол
№ 5–6 (41) 2023 г

Ежеквартальный журнал художественной литературы

Издаётся с 2004 года

© Интернациональный Союз писателей, 2023

Слово редактора

Здравствуйте, дорогие читатели!

Благодарю вас за интерес, проявленный к журналу «Российский колокол».

Существует мнение о кризисе современной литературы. Возможно, такая тенденция есть. Но когда видишь произведения наших авторов, обращаешь внимание на темы, поднимаемые ими, появляется уверенность: будущее литературы в безопасности.

Рубрику «Современная поэзия» открывает цикл стихотворений Алишера Сираджева о культуре, богатстве русского языка, народных традициях и обычаях, взаимоотношениях в семье.

Пронзительно, на разрыв о серьёзных вещах пишут поэты Анна Батчева, Дарья Мисюра, Иван Нечипорук.

Об известных поэтах-предшественниках, природе, а также с иронией о любви рассуждает Виталий Шейченко.

Александр «Сэро» Коньков метафорично повествует о насущном: бытовые проблемы, межличностные конфликты, размышления об ис-

тине, жизни и смерти в виде сказок и притчей.

В разделе «Современная проза» вы найдёте не менее значимые произведения.

Скрупулёзная исследовательская работа Альфреда Бодрова о героях Великой Отечественной войны отражена в очерке, посвящённом 80-летию подвига юной партизанки Лары Михеенко.

Поднимают тему войны автор из Калининграда Дмитрий Воронин — в его «Честной службе» проводятся параллели между событиями прошлого и настоящего; Ирина Горбань из Макеевки с произведением «Галинкина война, или Монолог из подбитого автобуса». Также заботит происходящее в мире Владимира Крупина в произведении «Украинский расчёт».

Кучкар Наркабил — автор из Ташкента — в своих произведениях «Любовь актёра» и «Вряд ли будут читать…» подчёркивает, как важно ценить тех, кто рядом, делить с ними самые яркие моменты жизни, искренне относиться к занятиям друзей и близких.

Начало романа Надежды Серединой «Двадцать лет спустя» — семейная сага на фоне общественных событий в стране.

В каждой строчке прозы Натальи Каратаевой сквозит любовь к природе. Например, «Так непо-

нятна эта другая жизнь, другие существа, люди, птицы. И так понятна благодарность, наверное, всем» в рассказе «Ворон». Или трогательное повествование «Любовь Менты» про чувства Плутона и нимфы в легенде о появлении мяты. «Язык музыки», «Листопад», «Вечереет» или «Книга о радости» — какую историю ни возьми, каждая наполнена красочными образами.

Завораживающая сказка-притча кандидата филологических наук Людмилы Лазебной «Моя малая родина» — история об одной из мордовских деревень и местности вокруг.

«Литературоведение» целиком и полностью отдано Владимиру Голубеву с избранными главами из новой книги об истории развития литературной сказки в творчестве русских писателей XIX века.

Дорогие читатели, уверена, в этом сборнике каждому из вас отзовётся какое-нибудь из произведений.

Анна Боровикова,
прозаик и поэт, член Союза литераторов РФ

Современная поэзия

Современная поэзия

Российский колокол

Алишер Сираджев

Алишер Сираджев (псевдоним — Алишер Зиё) родился в 1953 году в городе Нукусе Республики

Каракалпакстан. Проживает в Ташкенте. Будучи по специальности инженером-энергетиком и экономистом, он посвятил сорок девять лет государственной службе в области строительства объектов энергетики и социальной сферы в Узбекистане, пройдя путь от монтажника до заместителя министра энергетики и электрификации Республики Узбекистан.

Наряду с трудовой деятельностью Алишер Сираджев увлекается поэзией, пишет на русском языке, хотя владеет также узбекским и таджикским языками. Основным мотивом творчества называет желание делиться с подрастающим поколением жизненной мудростью предков.

Лауреат и обладатель Гран-при многочисленных международных литературных конкурсов. Книги Алишера Сираджева на русском языке изданы в Узбекистане, России, Южной Корее, Турции, США, на Украине.

Речь русская – мелодия небес

Речь русская загадочна, чудна,
Ласкает слух, пронзает сердце, душу.
Дорога к овладению трудна,

Но я иду вперёд «и в зной, и в стужу».

Речь льётся, как мелодия с небес…
Божественные словосочетанья…
Картину представляю: русский лес —
Берёзок белоствольных очертанья.

Богатства познавая языка,
У берега оказываюсь Волги…
Течёт без края русская река,
Подобно языку, пленив надолго!

Сомнения развеять я не смог.
Река и речь – два чуда! Что же краше?
С могучим языком реки поток
Величием как будто спорит даже.

В понятие вникаю не спеша,
По сути, речи одухотворенье:
Загадочная русская душа —
Планеты уникальное явленье!

P. S. По вере – мусульманин я, таджик,
Традиции впитал, уклады с детства.
Но русской речи бьёт во мне родник,
Двух вер являя доброе соседство.

Великий шёлковый путь…

Познанье нравов и религий,
обычаев и языков,
Различья этносов, традиций,
общенья мирного ростков
Народы Азии, Европы
сумели вместе обрести
Им предначертанной судьбою
в Великом шёлковом пути.
Из Рима, Петры, Византии,
через Багдад и Анкару
В Афрасиаб, Лоян, Карачи,
пересекая Бухару,
Тянулись караваны с грузом,
неся богатые дары,
Соседство мирное являя
для той воинственной поры.

Культуру древнего Востока
Великий путь всем открывал,
Учёных, зодчих и поэтов

трудам мир должное воздал.
В гравюрах – рядом с Авиценной
стоят Гален и Гиппократ,
«Канон» с почтением читают,
наук врачебных фолиант.

Вверг астрономов в восхищенье
правитель, гений Улугбек,
А мысли мудрецов Востока
поныне излучают свет.
Эпоху процветанья края
Тимур с народом созидал,
Расцвет империи могучей
Клавихо миру описал.
И ныне наш народ уверен
в грядущий возрожденья век,
Поэты блеском слов-жемчужин
вновь затмевают лунный свет,
К народам стран Земли взывая —
священный край открыт для всех,
Кто к нам мостит дороги мира —
путей великих новых вех.

Сила слова

Весна… На людном перекрёстке
Сидит слепой в обносках нищий.
В руке видна монеток горстка,
Купить немного хватит пищи.

Листочек с надписью «Слепому
подайте» многие читают.
Но люди редкие чужому
Несчастью всей душой внимают.

В людском потоке шёл психолог,
Проникся чувством состраданья.
Путь размышлений был недолог —
Добром явил свои познанья:

Монету дав, он очень быстрым
Движением листок расправил.
Изящным росчерком волнистым
Слова какие-то добавил.

И каждый, фразу прочитавший,
Не оставался безразличным.

Немного мелочи подавший
С настроем дальше шёл отличным.

Слепой в растерянности… Странно,
Простой листок стал амулетом.
У сердца ночью постоянно
Хранит его… Настало лето.

Два новолунья миновало,
Любой прохожий был радетель.
И денег подано немало
Слепому. Бог тому свидетель.

С лихвой хватило на леченье,
И чудо в жизни совершилось:
Пришло желанное прозренье —
Ночная темень расступилась.

Увидев свет, он первым делом
Листок дрожащими руками
Достал, расправил и несмело
Прочесть пытался, но глазами,

Залитыми от чувств слезами,
Не смог. Поднёс его поближе.
Пред ним слова вдруг всплыли сами:

«Сейчас весна, но я не вижу».

Всего шесть слов, но силы сколько!
Любому, вникшему во фразу,
Насквозь пронзала сердце колко,
Меняя взгляд, по сути, сразу.

Инстинкт вбирать чужое горе
Заложен в людях изначально.
Но только он у многих вскоре
Исчез, как это ни печально.

Пусть в нашем мире состраданье,
Добро, участие к больному
Рождают чуткость и вниманье
И проявляются к любому.

А скептик, притчу прочитавший,
Изменит взгляд на силу слова.
Слепой, о зренье не мечтавший,
Весну увидел с нами снова!

Давным-давно в краях далёких…

Давным-давно в краях далёких

Среди царей и шахов многих
Властитель жил одной державы.
Ему владений было мало.

Расширить захотел границы
И войско шлёт с соседом биться.
Огромный город завоёван.
Народа дух, считает, сломлен.

Велит всем жителям собраться,
Его приказам подчиняться.
Гуманность проявить желает
И посему повелевает:

Всем женщинам, девицам, дочкам
Даёт возможность за ночь, срочно:
Что на себя они поднимут,
Ту ценность слуги не отнимут.

Еда, одежда, злато, живность…
На всё распространялась милость.
И пусть уносят то, что смогут,
Но без какой-либо подмоги.

Встаёт довольный царь под утро,
Считает, поступил он мудро.

(Останутся мужчины в царстве
Приумножать его богатство.

И в окруженье были рады,
Что лишних ртов кормить не надо.)
Но смотрит и глазам не верит:
Мужья на спинах, старцы… Вперив

Свой взгляд, он видит на дороге,
С трудом переставляя ноги,
На плечи водрузив, девица
Отца несёт. (Ему не снится.)

И дочка, боль превозмогая,
Идёт… Отца не оставляет.
Мужчина плачет от бессилья:
«О боже! Ей мои бы силы».

Бредёт старушка еле-еле,
На посох опираясь телом.
Такую ветерок шатает…
К груди ребёнка прижимает.

Несёт беременная деда…
Во все века кто б видел это?!
Дед просит: «Брось! Своё я прожил».

И слёзы… слёзы льются тоже…

Властитель… женщиной рождённый,
Поник, душою потрясённый.
Взглянул на новые владенья
И видит страшные виденья:

Пред ним раскинут город-призрак,
Нет ни души – могилы признак.
В домах ни звука, ни движенья,
На рынке нет столпотворенья.

Пустыней-городом он правит,
Печаль вот-вот его раздавит.
Он чуть не падает от страха,
Тоска пронзила падишаха.

Ведь столько лет прожил и правил,
Но мудрости он не прибавил,
Что, кроме золота и власти,
Есть в жизни истинное счастье.

Семья, любовь и чувства, дети —
Суть бытия на этом свете!
Шах сломлен был, но рассужденья
Уму явили озаренье:

Семья – вот главное богатство!
Иные мысли – святотатство.

Я сына одного лишь вижу

Журчит ручей на горном склоне,
И веет от него прохладой.
На сказочно красивом фоне
Кувшины наполняют влагой

Три женщины из сёл неблизких.
Хозяюшки сосудов этих
Сидят у выступов скалистых,
Играют рядом с ними дети.

Три мальчика – стройны, красивы —
Резвятся… юность так чудесна!
Кругом деревья, горы – диво…
Им всё на свете интересно.

Старик подходит к ним – не местный.
Водой из ручейка напившись,
На деток смотрит с ними вместе…
Одна из женщин тут, решившись,

Сказала: «Сына голос просто
Прекрасен, душу он волнует».
Вторая молвит: «Мой подросток
В посёлке лучше всех танцует!»

А третья женщина молчала…
Её спросил о сыне старый,
На что та скромно отвечала:
«Мой сын – обычный добрый малый».

Но тут наполнились кувшины.
На плечи ношу водружая,
Выходят мамы в путь. За ними
Наш старец, молча наблюдая,

Встаёт. Один сынок буквально
У мамы ношу отнимает,
Других обходит моментально
И гордо впереди шагает.

Его друзья: один танцует,
Пластичны мальчика движенья.
И душу мамочки волнуют
Второго рифмы-песнопенья.

Вновь та же мама вопрошает:

«Узнали сыновей вы ближе.
Кто – лучший?» Дед ей отвечает:
«Я сына одного лишь вижу!»

В кого же мы переродились?

Колье на праздник (повод веский)
Вручил жене, когда светало.
Надула губки, смотрит дерзко:
Каратов, видите ли, мало.

На улицу я быстро вышел.
Промозглый холод, дождь и ветер.
Воды потоки льются с крыши,
Погода – хуже нет на свете.

Торгует женщина цветами.
Стоит в плаще дедуля рядом.
Слышны в беседе их местами
Слова, пропитанные ядом:

«Алкаш, проваливай отселе,
Цветы тебе не по карману».
А дед ей вторит еле-еле

Совсем замёрзшими губами

И, невзирая на угрозу:
«К жене… больной… как без подарка…
Продайте хоть одну мимозу,
Поменьше, ту, что вам не жалко».

Уймёт ли ярость продавщица…
Сверкает гневными глазами:
«Закончишь дни свои в больнице,
Тебя я выведу пинками».

Не выдержал я оскорблений:
«Послушай! Дай цветочек деду!»
Являя жёсткость намерений,
Мой взгляд сулил большие беды.

Нашла за пять рублей мимозу,
В руках у деда трёшка только…
Заплакал дед… Скатились слёзы
По щёкам… Было очень горько

Такое видеть униженье…
Заныло сердце болью страшной.
(Добра и веры вырожденьем
Грозит бездушие ужасным).

Вскричал я: «Сколько стоят розы?»
«Пять тысяч». Тут же расплатился.
И вместо веточки мимозы
Букет дал деду. Он смутился…

Трясущимися от волненья
Руками выбрал самый малый
Бутон и мне, на удивленье,
Вернув цветы, сказал устало:

«С войны живём с женою дружно,
Рейхстаг мы брали с ней в сраженье,
Обоим нам немного нужно:
Всего лишь каплю уваженья».

Я шёл, а слёзы сами лились…
Колье… букет… бутончик розы…
В кого же мы переродились?
Лишь внешне на людей похожи.

Прижав к груди родной комочек…

Стал большим и сильным мой сыночек,
Сердце не нарадуется, глядя,

Даром не прошли те дни и ночи,
Что недосыпала сына ради.

Было трудно. Помню, как рыдала,
Но, прижав к груди родной комочек,
И пылинке сесть не позволяла,
Чтоб здоровым вырос мой сыночек.

От тебя я рада каждой вестке —
Слышу внука, как смеётся дочка,
Весь в заботах с милою невесткой…
Лишь бы не обидел кто сыночка.

Не вставал отец, болел весь месяц
И в бреду он звал тебя нередко.
«Навещал, – лгала, – сынок раз десять,
Спал ты в это время очень крепко».

Без тебя отца похоронила,
Говорила всем: мол, сын в отъезде,
А сама о помощи молила.
Помогли живущие в подъезде.

И когда однажды приболела,
Проронив от немощи слезинки,
Я всего лишь малость захотела:

Голову обнять моей кровинки.

С днём рожденья ты меня поздравил,
Приезжал, соседям говорила,
И букет прекрасных роз оставил…
Скрыла, что сама его купила.

Коль уйду не вовремя из жизни,
Не успеешь ты со мной проститься,
Не смотри на тело с укоризной,
Просто утомилось сердце биться.

Я желаю, милый, чтобы дети
Ласку и внимание дарили.
Самыми счастливыми на свете
Были дни, когда мы вместе жили.

Если в этой жизни хоть немного
В старости я стала нетерпимой,
Не ругай меня у гроба строго.
Будь здоровым, мой сынок любимый.

Любимой доченьке

Доченька, пишу тебе с надеждой,

Что простишь ты ветхую старушку.
«Мамочка», – промолвишь мне, как прежде,
На прощанье успокоишь душу.

Ты права: я повторяться стала…
В детстве, дочь, одни и те же сказки
Сотни раз я наизусть читала,
Овевая родненькую лаской.

Слушая, ты сладко засыпала…
Большего не нужно было счастья:
Твои ножки нежно целовала…
Я и ныне памяти подвластна.

Ничего не смыслю в интернете.
Не смотри с насмешливой улыбкой.
С «мышкой» кто в годах моих на свете
Ладить может быстро, без ошибки?

Помнишь, сколько лет тебя учила:
Есть красиво, поступать как надо…
И победе каждой моей милой
Я всегда была безмерно рада.

Ну прости, на скатерть уронила

Я недавно кашу, ты… кричала…
В детстве сколько раз тебя кормила,
Столько же переднички стирала.

Если вдруг беседы нить утрачу —
Прошлое я в мыслях воскрешаю:
Как в подушку плача, слёзы прячу,
Но тебя улыбки не лишаю.

Руку протянув, я помогала
Делать в жизни первые шажочки.
Робкими шагами умиляла,
Радостью одаривала дочка.

Не печалься, видя мою старость,
И не злись, осталось ведь немного.
У Всевышнего прошу лишь малость:
Руку протяни мне у порога.

Доченька, прости, что я посмела
Написать письмо и потревожить.
Ты права: я сильно постарела
И пора уйти уже, быть может.

С сердцем плохо было мне намедни…
Завершаю жизни путь с любовью,

А тебе желаю в миг последний
Чуткости от деток и здоровья.

Ложь во имя жизни

Больница, тихая палата.
Кровати у окна и двери…
Врачи хотят помочь солдатам
И сократить войны потери.

Друг просит друга утром ранним:
«Мне расскажи, в окне что видишь.
Не верю, что я с койки встану…
Как выжить, коли еле дышишь».

Второй ответил: «Солнце светит,
Играют дети… скоро взглянешь.
Прекрасно всё на белом свете,
Поверь, что на ноги ты встанешь».

Лежащий у окна не выжил…
Солдат окно открыл рукою.
Но ничего он не увидел:
Закрыто всё глухой стеною…

Врач объясняет осторожно:
«Глаз друг лишился после взрыва…
И видеть было невозможно…
Он лишь рассказывал красиво».

Солдат застыл на грани срыва…
Ком в горле… Он вздохнуть не может…
Слеза скупая с глаз скатилась,
А душу боль гнетёт и гложет…

Воистину, во имя жизни
Ложь прозвучала не напрасно.
Бывает правда тоже лишней,
Суровой, тяжкой и опасной.

Хромой котёнок

У входа в овощную лавку
Висит листочек с объявленьем:
«Продам котят!» – предельно кратко
Хозяин сделал предложенье.

Входную дверь открыв тихонько,
Заходит мальчик конопатый.

Купить желая он котёнка,
Спросил по поводу оплаты.

«Продам котят рублей по десять,
Возьмёшь приплод весь – скину сумму.
В придачу корм могу отвесить.
Дешевле не найдёшь, подумай».

Сказав, хозяин взял коробку
И выпустил котят… Довольный
Смотрел, как расползались робко
Комочки по полу, на воле…

Один прихрамывал заметно…
Отстал от всех своих собратьев.
«Возьму его, – сказал конкретно
Подросток, – мне его продайте».

Хозяин с жалостливой ноткой:
«Сынок, – промолвил, – он с дефектом.
Придётся с лапкой жить короткой,
Родился с отклоненьем редким.

Ветеринара заключенье:
Как все не сможет он резвиться.
Кривая лапка, без сомненья,

Со временем не распрямится.

Отдам тебе его бесплатно».
Но мальчик деньги дал и нежно,
Подняв котёнка аккуратно,
Прижав к груди, ответил спешно:

«Он также жить имеет право,
Как все котята остальные».
Хозяин отвечает здраво:
«Проблемы вносят в жизнь хромые.

Таким, с дефектами рождённым,
Никто не рад и их не лечат».
Тут мальчик с взглядом отрешённым,
Согнувшись, опуская плечи,

Скатал штанину до колена…
Хозяин, видя искривлённый
Сустав… металл (ступни замена),
Застыл картиной поражённый…

Представил, что родной сынишка
С дефектом был рождён ужасным.
Хлебнул бы горя он с излишком…
Давили мысли грузом страшным.

А мальчик доброе сужденье
Хозяину при этом выдал:
«У нас дефектов совпаденье:
Не бегал никогда, не прыгал.

Никто понять котёнка лучше
Меня, поверьте мне, не сможет.
Со мной лишь котик будет дружен,
И мне он, как никто, поможет».

P. S. Мы – люди – «здраво» рассуждаем:
Практично, человечность руша…
И сострадание теряем…
Итог: безнравственны, бездушны.

Сердца любимых берегите

В ауле горном, поднебесном,
Жил старец мудрый и умелый.
На всю округу был известен
Как чародей в искусном деле.

Игрушки делал он любые,
Вся детвора у ног толпилась.

Умельца мастера любили,
Лицо его добром светилось!

Машинки, куклы восхищали,
Но все они ломались часто.
О бережливости звучали
Его слова! Но всё напрасно.

Когда ладошки деток малых
Игрушку хрупкую сломали,
Спросили старца аксакалы:
«Зачем наносишь боль и раны?»

Мудрец, обычно молчаливый,
Тут улыбнулся как-то странно
И на вопрос неторопливо
Поведал свой рассказ сельчанам:

– Завет оставили мне предки,
Раскрыли сущность воспитанья.
С рожденья впитывают детки,
Как губка, всё в своё сознанье.

Мир ощущений познавая,
Запоминают всё невольно.
Игрушки, иногда ломая,

Осознают, что это больно.

Своё желание не скрою,
Пусть сердца голосу внимают
И в жизни бережно, с любовью
Пусть ценят всё, что окружает…

Пройдут года, и наши дети
По заведённому порядку
В любви своё подарят сердце
Прожить всю жизнь с любимым сладко!

А сердце хрупкое, столь нежно —
Хрусталь божественный и тонкий…
Задень слегка, чуть-чуть, небрежно —
И не собрать его обломки…

Аул известен всей планете!
Кто вырос в нём – тот долгожитель!
Понятна всем соль притчи этой —
Сердца любимых берегите!

С врачами всей земли поспорю:
Вода и воздух гор, твердите?
Подобно старцу, всем вам вторю —

Сердца любимых берегите!

Анна Батчева

Анна Батчева (настоящее имя — Анна Лисина) родилась в Донецке в 1997 году. В 2015 году переехала в Ростов-на-Дону, получила высшее образование в РГЭУ (РИНХ) по специальности «Информационные системы и технологии в экономике». Работает в сфере IT.Начинающий поэт, переводчик- любитель, автор песен в стиле фэн-

тези. Лауреат III степени всемирного фестиваля «Всемпоэзии-2023».

Рыцарь и Принцесса

Рыцарь уходит на фронт, а Принцесса – в Башню.

Ссору, конечно, накаркали им воро́ны.

Там у него – бездорожье и хлеб вчерашний,

здесь у неё – под окном облетают клёны,

стелют листву, позолоченную закатом,

на перепутье грядущего и былого.

Рыцарю бы отоспаться, но вот досада,

мысли бурлят в голове – не седой, свинцовой:

как там она, на последнем в пятиэтажной?

Снова, наверно, до ночи сидит и пишет

письма, стихи, переводы о чём-то важном.

Если/когда он вернётся, не будет лишним?

Он же не Принц: безземельный, не то чтоб знатный,
нынче ещё и подстрижен «под единичку».
Нет в нём ни тонкой возвышенности, ни тайны,
и всё никак не поборет в себе привычку
свет не гасить, уезжая: да пусть маячит,
а коммуналку оплатим, не так уж много.

Рыцарь не спит, а Принцесса – совсем не плачет,
в косах отливы жемчужного, не седого.
День распланирован, завтрашний – как вчерашний:
утром пробежка и кардио (чёртов пятый),
после – смотреть из окна на другие Башни,
чай с бергамотом и бабушкин джем из

мяты.

Письма, стихи, переводы… О чём? Неважно.

Важно – дойти по осеннему бездорожью

до магазина, а после вкрутить отважно

лампу-стоваттку в маяк у себя в прихожей,

чтоб он светил день и ночь, без конца и края,

и коммуналку за это платить не нужно.

Рыцарь вернётся – она это точно знает

и достаёт с верхней полки вторую кружку.

Донецкие маки

Степь растянулась до горизонта маками.

Смотришь – и будто видишь её вper-

вые.

Ты мне сказала: «Будет уж, Анька, плакать-то:

маково семя, вишь, не прошло навылет».

Ты мне сказала: «Вот прорастут все семечки —

пышною клумбой стану, красиво будет.

Не поливай меня ты слезами, девочка,

сникнут цветы от соли, сгниют под грудью.

Мне бы водой колодезной впрок напиться бы,

чтоб прорастали маки сквозь рёбра легче», —

и до утра баюкала под ключицами

пригоршню с верхом пойманной в грудь картечи.

...

Степь растянулась и налилась бутонами.

Ей, вероятно, что-нибудь тоже снится.

Мне снятся маки – алые, злые, томные:
комья сердец, нанизанные на спицы;
небо горит, земля отвечает заревом,
мятлики тянут к солнцу свои серёжки.
Лезут упрямо сквозь полусон и марево
из-под ключицы тонких корней дорожки.

За кадр до вечности

Посвящено погибшим женщинам-фотокорреспондентам

Вот ты пришёл, говоришь без умолку,
давишь улыбку и смотришь весело:
«Бухта Ла-Хойя, теченье Гумбольдта...» —
сыплешь слова, как идальго – песо, и
каждое слово такое звонкое,
каждое слово мне прямо в душу. И
если бы знал ты, чего мне стоило
просто лежать здесь – и слушать, слу-

шать их!
Ты говоришь (пальцы нервно сцеплены),
тихо смеёшься: «Эх, знаешь, милая,
дни пролетают безумно медленно —
я в них застыл, как рябина в инее».
Ты говоришь (голос дрогнул): «В Питере
нынче погода опять нелётная.
Мне послезавтра уже к родителям —
дача, дожди и Нева холодная».
Не отвечаю, а только слушаю,
как твои речи на плач срываются.
Пусть ты приходишь за редким случаем, —
чаще, понятно, не получается, —
я за тобой на край света, в тернии,
буду хранителем щит и меч нести.
Я не исчезла, я рядом. Веришь ли?
Встретимся. Позже. За кадр до вечности.

Александр «Сэро» Коньков

Московский поэт и музыкант. Куратор международного фестиваля «Всемпоэзии» (Москва), юрисконсульт проекта. Публиковался в журналах «Аврора» и «Перископ», альманахе Политехнического университета. Полуфиналист форума-фестиваля «Капитан Грэй» (2022). Выступал в

частной школе «Орион», на фестивалях Стефании Даниловой, Ники Батхен, Влада Павловского, Ирис Аполло, на музыкальном джеме в Красной Поляне, на вечере выпускников семинара МВР «Вспять». Участник поэтического семинара «Мы выросли в России» в Омске. Мастер семинара песенной поэзии «Под сенью дружных муз» в Дюртюли. Совместно со Стефанией Даниловой играет волшебную программу «Мосты, маяки и дороги» — премьеры прошли в Петербурге, Москве и Сочи.

«В пластиковом Граале мутнеет квас…»

В пластиковом Граале мутнеет квас.

Марья-искусница дело за делом шьёт.

В местной ментовке – она, говорят, атас.

Иван теперь не дурак – уже идиот.

У Талиесина голос прокурен в хлам.

Да и зачем он, когда Моргенштерн везде.

Рапунцель вчера побрилась, в скины

ушла.

Кто-то сломал все зубья Полынь-звезде.

Драконы ТЭЦ наполняют былым теплом.

Принцессы идут разводиться в районный ЗАГС.

Меч-кладенец сдали в металлолом.

Мы не успели в сказку…

Она умерла без нас.

«Разбушевался гром, постигай азы…»

Разбушевался гром, постигай азы:

От Высших сил возвращаются бумеранги.

Что, если вспышкой сумеречной грозы

На почерневшую землю спустился ангел?

Судя по книжкам, чудное существо.

Он светлолик, да крылья белы как сажа.

Ему назубок известен великий свод
Правил и список всех прегрешений наших.

Хватит ли сил признаться, что был неправ?
Есть ли ремарки к заповедям Скрижалей?
Детская травма или жестокий нрав?
Казнить ли убийц? Жаль их или не жаль их?

Искренне ли раскаяние твоё?
Скрыл все улики ловко, но видят Боги…
Ангел с тем человеком идёт вдвоём,
Кто доучил преподанные уроки.

Грешникам, заигравшимся в прятки с тьмой,
Пламя их глаз на раз превращает в пепел.
Ангела возвращает заря домой
До новой грозы в чёрном от боли небе.

«Любит группу «Немного нервно»...»

Любит группу «Немного нервно».
Строчки ткёт из кромешной боли
Да читает их по тавернам —
Чтобы травы всходили в поле,

Расцветали на небе звёзды,
Распевались на ветках птицы.
Светлый мир поэтессой создан
Для того, чтоб с тобой случиться.

От седого Калининграда
К молодому Владивостоку
Льётся голос чистейшей правдой,
Не умеющей быть жестокой.

Научили когда-то Боги
Слышать их указанья верно.
И, цветы заплетая в строки,
Любит. Любит немного нервно.

«На аватарке свадебное фото...»

На аватарке свадебное фото
Как будто издевалось над тобой.
А мир был тем же. Пёрлись на работу
Другие, шар вертелся голубой.

Мечтать о светлом будущем не в силах.
Твой силуэт в разбитых зеркалах
Родного дома, ставшего могилой.
Смеются ваши призраки в углах.

Перед тобой развилка – каждый выбор
Неверен, если есть другие два.
Ты бьёшься, словно пойманная рыба,
И в жабрах задыхаются слова.

Так просто мир, который создавался
За десять лет, в один момент сломать.
Она – бокалов звон и звуки вальса,
Любимая, сестра, жена и мать.

И если отношения – работа,
Уволилась она – долой и с глаз.
На аватарке свадебное фото
Не обновишь одиннадцатый раз.

Любить дракона

Сказке любой положен благой финал:
принцы на белом коне или красном «бентли».
Ворона крик да волчий в ночи оскал
ведут героиню в дали, на грабли, в петли.

Долго и счастливо жить бы да не тужить.
Воительница меняет доспех на фартук,
меч боевой – на кухонные ножи.
Сказочный снег становится стекловатой.

Это ли долгожданный благой финал?
Автор, придумай сказке свои законы.
Должен же рыцарь покинуть свой пье-

дестал,

чтобы принцесса могла полюбить дракона...

Москва – Петербург

За составом состав уходит на Ленинград:

ветер гудки протяжные мне донёс.

От ночного перрона, полного роз и слёз,

доберутся туда, где в заливе горит закат.

Забывая про чай, термометр и паспорта,

тень моя из Москвы уедет на пару дней.

И увидит она сотни лиц, миллион огней,

и как локомотивом взрезается темнота.

Доберётся состав на Московский седой вокзал,

перекурит с людьми, дымом в воздухе

наследив.

Тень моя с проводов незамеченною слетит,
чтоб возникнуть в окне, за которым никто не ждал.

Костёр

Горит костёр на сумеречной грани,
трещат поленья, пламя рвётся ввысь.
По предрассветной, по туманной рани
приди к нему, ладонью прикоснись

к теплу. Все поколения согреты
числом несметным пляшущих огней.
И песни здесь не все ещё допеты,
пришёл сюда – пой, наливай да пей.

Запомнит лес все ноты, что звучали
под куполом, сплетённым светом звёзд.
Все голоса – и страсти, и печали,
что к небесам соткали хрупкий мост.

Горит костёр среди лесов таёжных.

Я вглядываюсь в пламя болью глаз.
Три чувства: тихо, трепетно, тревожно…
Кто прорастёт травою после нас?

И старо-молодые напевают:
«Как здорово, что все мы собрались».
Так искры к небу с дымом отлетают,
как наши годы, устремляясь ввысь…

Пронесу

Я тебя пронесу через Лету и времена.
Через лужи носить умеют, кто не был мной.
Я запомню твои несметные имена.
Я – тот воин, что у Кипелова крикнет: «Стой!».

Ты по воле моей не осмелишься сделать шаг
ни в окно, ни с обрыва, ни буквой с черновика.
Если удушье чёрный подарит шарф,
обращу его в ткань, что как никогда

легка.

Пусть рождаются самые искренние стихи
Из-под пальцев твоих, что пропасть зашьют во ржи.
Я тебя заклинаю силою всех стихий:
Твоя сила и воля твоя —
Для того,
Чтобы
Жить.

Гениям

«E pur si muove!»[1] *– мстилось Галилею…*
Лишь Циолковский тайну разгадал
века спустя, мечту в груди лелея.
И Юрий рассказал через года,
что он на небесах не видел Бога,
но синь планеты в солнечных лучах.
Три личности сплелись в одну дорогу:

---

[1] Примечания: 1
«И всё-таки она вертится!» *(итал.)*

Быть гением с безуминкой в очах…

Когда же мир поймёт, что всё едино
и смысла нет ни в спорах, ни в войне?..
Увы, пока в клубах седого дыма
мы топим гениев.
Они себя – в вине.

Печать

Жидким воском плачет несломленная печать,
обжигая мою израненную ладонь.
Никогда мне строк из послания не познать,
потому что прочесть – это бросить письмо в огонь.

Мне неведомы переплетения букв и слов,
что похожи на связку медных больших ключей.
Сердца к сердцу протянуты нити из тьмы веков
и сияют подобно сотням свечей-очей.

Я читал верстовых ветвистых столбов огам[2],

звёзды, Руны, Таро, следы на летнем снегу.

Всё, что сбудется, ведомо только моим Богам.

И противиться воле Их даже я не могу.

[2] Примечания: 2

Огам — кельтская письменность, представленная группой параллельных линий. Она напоминает верстовые столбы с развилками в разные населённые пункты.

Дарья Мисюра

Дарья Мисюра родилась и живёт в Москве. Окончила биологический факультет МГУ, работает в биологической лаборатории, фотоохотник-любитель. Музыкальная исполнительница, мелодекламатор. Организатор творческой онлайн-площадки «Бриз».

Победительница текстовых онлайн-конкурсов,

конкурсов мелодекламации, фестиваля «Всемпоэзии — 2023».

«Мы мечтали вдвоём – разобьём на участке сад...»

Мы мечтали вдвоём – разобьём на участке сад.

Там, где был водоём, нынче – взлётная полоса.

Там, где были поля, – только жирный асфальт шоссе.

Дачный домик заполнит виниловый Джо Дассен,

Зазвучит, перекроет турбин раздражённый гул.

Петь о Champs-Elysées – это всё, что сейчас могу.

Ты уже никогда не вернёшься в наш старый дом.

С неба хлещет вода, и мне страшно остаться в нём.

Раскалённое золото молний разрежет

тень.

Я почти растворяюсь в пугающей красоте,

Выпивая до дна ошалевший озон весны,

И смотрю – у крыльца зеленится неоном сныть.

Нет, бояться не страшно.

Страшно, когда уже

Понят принцип (и принят), как смерть выбирает

жертв.

Липнет к нёбу солёный и влажный вчерашний сон.

Фатум крутит вальяжно уставшее колесо,

Морта ножницы точит, бельмо на её глазу.

Белый след раскроил неостывших небес лазурь.

Свет во мне угасает, надежда идёт на спад.

Сквозь тебя прорастает цветущий весенний сад.

«Кровавое солнце встаёт над зелёной сельвой...»

Кровавое солнце встаёт над зелёной сельвой,

Шаман растирает в скорлупке сухое семя

В коричневый пепел под шорох столетних крон.

Пол в хижине – шкуры пятнистых и полосатых.

Клубится под крышей дым терпкого пало санто,

Кому-то – последний приют, а кому-то кров.

Иди к нему, если захочешь коснуться истин.

Он сложит в скорлупку коренья, орехи, листья,

Сотрёт в порошок и щепотку швырнёт в огонь.

И в пламени вспыхнут холодные злые

маски,

А значит, твои скитания не напрасны.

Бордовая краска и щиплет, и жжёт ладонь.

Вдохни сладкий дым – и узнаешь, о чём в тумане

Поют амазилии, в джунгли густые манят,

Чтоб ты заблудился, плутая среди корней.

Узнай, что всем шепчет дождь, наполняя русла,

Стань целым с природой, живи, проникайся, чувствуй —

«Вся сила вселенной отныне течёт во мне».

Всё глубже и громче шамана гортанный голос.

Вот встала на месте пожара лесная поросль,

И вот снова пламя сжирает её стволы.

Вздымаются горы на месте глубоких впадин,

Солёные волны пустынные дюны гладят,

И чёрные горы заснежены и белы.

Клокочет шаман, страшной бурей надрывно воет,

И голос дрожит натянутой тетивою.

Ты хочешь прервать этот липкий и жуткий сон,

Но тело уже не твоё, как не твой и разум.

И как ты не понял, что это ловушка, сразу?

Теперь ты лишь пища для жителей тех лесов.

Туман пред глазами, всё стало прозрачно-белым,

И прелые листья навеки укроют тело,

И джунгли продолжат свой вечный глубокий сон.

Кровавое солнце встаёт над зелёной сельвой,

Шаман растирает в скорлупке сухое семя

В коричневый пепел под шорох столетних крон.

«Я вижу сад – он полон красоты…»

Я вижу сад – он полон красоты:
Костлявые обнажены деревья,
Стыдливо прикрываясь лунной тенью,
Скрываются в чертогах темноты.

Я вижу сад – безмолвен и суров,
Лишь шорох разлетающихся листьев.
Рябин чернеют пламенные кисти,
Укутанные в сумрачный покров.

Я вижу глаз – он холоден и жёлт,
И смотрит, не скрываясь, не мигая.
Поверхность чёрной лужи отражает
Страдания отчаявшихся жертв.

Я вижу солнцеликий диск луны.
Расправив крылья пышные беззвучно,
Скрываюсь в набегающие тучи,
А старый сад укутывают сны.

Иван Нечипорук

Иван Нечипорук — коренной горловчанин, родился 24 июня 1975 года. В довоенном прошлом — шахтёр с двадцатилетним подземным стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортёра и ведущего литературной рубрики.

Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского государственного университета (филологический факультет, заочно). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Публиковался в литературных журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Болгарии, Германии, Австралии. Заместитель председателя Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно- художественной академии (Болгария).

Если мы выживем

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме,
И, вспоминая об этой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми…

Сколько в сердцах накопили мы зла
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить
Не оборвать, но и страшно хранить…
Если мы выживем, если мы выжи…

Ветер

Воспитанность у ветра не в чести —
Ревёт и мечет, словно сумасшедший,
Сметая все преграды на пути,
Как птица Рух над городом летит,
Рвёт крыши с перекошенных коттеджей.

Не в силах удержаться, чтоб не взвыть,
Проспекты стонут кронами акаций
И плачут ранним золотом листвы.
А ветер гнёт деревья, как ковыль,
Муштрует нас и учит не сдаваться.

Лицом к…

Город высится громадой
За согбенною спиной.
Я смотрю вперёд с отрадой,
Что исполнил всё, как надо
В этой схватке жестяной…

В поле чистом, в поле сизом
Ветры травы теребят.
Жизнь застыла под девизом:
«Будь хоть Глебом, хоть Борисом —
Святополк найдёт тебя!»

Царство пуганых фазанов

Горемычная сентябрьская планета —
Поседевший от войны Донецкий кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И застывшие над головой ответы
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганых фазанов

Не сдаётся. Этот край к тому привык,
Что не временем залечивают раны,
И историю назло эпохе бранной
Переписывает в новый чистовик.

Усталость
Горловский сонет

И хочется вином залить тоску,
Ты так устал быть менестрелем бойни.
Легко судить смотрящим с колокольни
И языком молоть словес муку,
Чтоб речь звучала злей и протокольней,
Пока их с высоты не совлекут…

А тут молчишь, накапливаешь злость
И чувствуешь себя как в саркофаге,
Пока душа не выплеснет бумаге
Всё то, что в хрупком сердце запеклось,
Не думая о страхе и отваге,
О спице, что вот-вот пронзит на-

сквозь…

И судит век предвзято и сурово
За каждое несказанное слово.

Дантова осень

Вот и осень роняет свои эполеты
Стылых клёнов в роскошно-желтеющем сквере.
Получив свой удар от холодного лета,
Я пытаюсь укрыться от шума и света:
Снисходя в те круги, где бродил Алигьери.

Ускользая от осени робкою тенью,
Не отринуть мне статус её фигуранта…
Но я верю, однажды тропою весенней,
Страх отбросив, я к свету начну восхожденье,
К верхней точке, к которой стремился сам Данте.

Октябрь

Пусть октябрь сегодня на излёте,
Но бессильна хмурая тоска.
За раскатом вновь летит раскат,
И саднят от шрамов миномётных
Террикона мятые бока.

Но прозрачен купол поднебесья,
Запах осени сквозь листопад пророс.
Отряхнувшись от туманных грёз,
Вновь горят над храмом тонколесья
Золотые купола берёз.

На заре

Смотри, какая чистая заря,
Какие облака парят над крышами!
Сочатся пряный запах октября,
Оттенки мёда, меди, янтаря,
И тополя едва-едва колышутся.

Туман осел в низине луговой,

И счастье льётся с голосами птичьими.

Осенний город просто сам не свой

От Божьей красоты над головой,

Ликует, как дитя, забыв приличия.

Не резон
Горловский сонет

Превращая стихи в согласованный шум,

Обречённо ищу подходящее слово.

Но душа, растерявшись, мне снова и снова,

Настоятельно шепчет, что я, мол, спешу.

А ноябрь сверлит спину мне взглядом суровым,

Я опять не от печки по жизни пляшу.

Заговаривать сны нынче вышел сезон,

Но шаманят ветра по шершавой бумаге.

Я хотел написать про линялые флаги,

Но от этого страшный рождается звон…
Мне придётся забыть о вчерашней отваге,
Быть «героем не к месту» – уже не резон.

И слова улетают грачиною стаей,
Я вослед пепел старых тетрадей листаю.

Кровавый вторник

Дышит декабрь по-драконьи свирепо,
Вьётся судьбины кровавый изгиб —
Это война собирает долги…
Гибельность звёзд на земле так нелепа,
Смерть-Архимед слепо чертит круги.

Кальмиус плещет волной Ахерона,
Пляшут над крышами злые дымы,
Город-страдалец слезами омыт…
В небе клубятся грачи да вороны —
Древние символы чёрной зимы.

Ночь с апреля на май
Горловский сонет

Как в полусне сознание парит.
Всё врёт судьба, хоть вроде мягко стелет,
Я вне себя десятую неделю,
И к звёздам рвётся нерождённый крик…
Забычковав последний день апреля,
Я первый майский кофе заварил.

А город содрогается в ночи,
И остывает в чашечке эспрессо.
Там, над Глубокой, дымная завеса
И воздух обречённостью горчит.
Моей весны безрадостная пьеса
Трепещет, словно язычок свечи…

Гул сотрясает небо без умолку,
И робкий май шагает по осколкам.

Горловская весна

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация – зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек – мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,
Косит одуванчики, топчет зеленя.
А мои окраины
Биты и изранены,
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится.
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях.

Всё по расписанию, даже на войне…

Пришёл июнь

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах,
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает – это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: «А вдруг
Продлится это хрупкое мгновенье!»

Жди

Город, словно рыба в молоке,
В выхлопном тумане от ракет,
В окнах глаз тревожная истома.

Не горят в безмолвном далеке
Слёзные огни аэродрома.

Декабрят холодные дожди,
И, напитываясь каплями вражды,
Город стонет в горьком исступленье…
Но назойливо дождинки шепчут: «Жди
Искупленья, исцеленья, избавленья!»

Эта боль

Хиросимой выцвела земля,
Посрывало кроны тополям.
Кряж, покрытый оспами воронок,
К небесам свой устремляет взгляд,
Пульс надежд его предельно тонок.

Эту боль придётся оправдать,
Ветер заметает города —
Ветер страха, безнадёжной мути.
Нынче смерть накроет Соледар,
Завтра разгуляется в Бахмуте.

Городов обломки скорлупой

Скорбно хрустнут под твоей ногой,
И, не веря трелям соловьиным,
Ты придёшь от горечи слепой
Жгучей болью омывать руины.

С чёрствою душою

Я с душою чёрствою, как камень,
Нарушая промысел поста,
Изливаю боль под облаками…
Оттолкнуться б от земли ногами,
Только под ногами – пустота.

Это ли теперь не преступленье —
Верить в твердь потерянных годов?
Вновь теряя связи поколений,
Я ловлю руками чьи-то тени
И к потерям новым не готов.

Но пока в душе трепещет вера
И ещё бессильны плен и тлен,
Болью обретаю чувство меры:
Не щадя ни памяти, ни нервов,
Нахожу свой путь в кромешной мгле.

Стена
Горловский сонет

Серой громадою высится над головой,
Годы идут, но стена остаётся стеной.

А. Крупнов

Ответы есть, но как найти вопросы?
Сомнения – как робких веток листья.
Моя душа беспомощней и мглистей
Во тьме окурком тлеет папиросным…
Сегодня облетают абрикосы,
Каштановых свечей набухли кисти.

Весна идёт, а я не успеваю
Ловить оттенки света и цветенья.
Надежда надо мной кружится тенью,
Тоска ползёт, как лава огневая.
И стаи птиц, в беззвучном небе тая,
В вину мне ставят эру негоренья.

И выщербленной серою стеною

Стоят мои смятенья предо мною.

Не унывая

Облака смыкают своды,
А в судьбе моей прогал.
День грядущий предан, продан:
До весны всего полгода,
До неволи – полшага.

Но душа не унывает,
Торит тропку через гать.
И спешит судьба кривая,
Кесарево отдавая,
Богу Богово воздать.

Виталий Шейченко

Родился в Белгородской области в 1951 году. Проживает в Санкт- Петербурге. Окончил Военный дважды Краснознаменный факультет физической культуры и спорта при ГДОИФК им. П.Ф. Лесгафта, адъюнктуру Военного института физической культуры, Северо-Западную академию государственной службы, ряд спецкурсов. С 1969 по 2000 год находился на военной службе, затем трудился в Комитете по образованию и Спорткомитете Санкт-Петербурга, в РГПУ им. А. И. Герцена, ВИВВ МВД России, НГУ им. П. Ф. Лесгафта.

Доктор педагогических наук, профессор, академик Академии военных наук Российской Федерации, полковник в отставке.

Изданы стихотворные сборники: «Снежность и нежность», «Любви весенней шалаши», «Белые ночи как белые лебеди» (СУПЕР-издательство, 2022–2023); «Мы — не «Раша»!», «Половодье любви», «Ах, женщины! Ох, женщины…» (ИСП, 2023).

Вспоминая Владимира Семёновича… Моё подражательство

Подражаю ли я Высоцкому?! —
Я отвечу: «Конечно же, да»…
Тот, кто враг общежитию скотскому,
Будет к барду лоялен всегда.

Подражаю ли я Есенину?! —
Я отвечу: «Наверное, да»…
Тот, кто любит красоты осенние,
Будет чтить гениальность всегда.

Подражаю ли я Маяковскому?! —
Я отвечу: «Возможно, что да»…
Тот, кто предан задору бойцовскому,
Будет помнить горлана всегда.

Подражаю ли я Евтушенко?! —
Я отвечу: «Скорее, что нет»…
Не готов я тому дать оценку,
Что привнёс в царство рифмы поэт.

Подражаю ли я в чём-то Бродско-

му?! —
Я отвечу: «Конечно же, нет»…
Стиль его, диссидентски-сиротский,
На мой взгляд, не за классность воспет.

…
Вспоминая поэтов мне близких,
Я бы почести многим отдал!
Но, отметив в твореньях изыски,
Не делил бы средь них пьедестал…

2018

В общежитии любви

1.

Не квохчи ты, как наседка,
И словами не пыли.
Опостылела мне клетка,
В коей чахнут хрустали.

Вместо вольного полёта —
По задворкам бродит жизнь.

Если старт среди помёта,
То никак не взвиться ввысь.

Два вопроса беспардонно
Плешь мою хотят проесть:
Иль катиться по наклонной,
Или стать в любви как жесть?

2.

Я – скудею от реалий,
Но к разлуке не созрел:
Разбежаться тупо с кралей —
Хуже, чем в плену расстрел!

И как вырваться на волю,
Если я душой ленив?!
Мысль о волюшке мозолю,
Грань её не уточнив…

Поквохчи же, как наседка,
Но на ужин позови.
Всё же ты – моя соседка
В общежитии любви…

2018

Эх, Надька, Надька…

1.

Тут, понимаешь, какая штука —
Я в сердце Надькино вошёл без стука.
А наш сосед (такая с…)
Однажды мужу всё нахрюкал.

Любовь, конечно, близорука,
И ревность для неё докука,
Но так страшит её разлука,
Что истощает благость мука…

2.

И муж нас с Надькою застукал,
Влетев как груз из бомболюка.
Молчал он, словно каменюка,
Хватая воздух ртом без звука.

Затем, как грозная базука,
Стрельнул в меня всей мощью хука.
Но два моих боксёрских трюка

Сплели забор из каучука…

3.

Юлила женщина-гадюка,
Клялась – всему виною скука,
Что этот сбой – ей впредь наука,
А я – давно в любви как бука.

Любовь-обманка – просто злюка,
В спокойной жизни закорюка.
Она – как спиннинг из бамбука,
Что подтвердит любая щука…

2019

Эстафета красоты

1.

Время, дни весны листая,
Держит и над цветью власть:
Даже поросль негустая
Красоваться может всласть.

Без задержек или прений

Красота передалась:
От черёмухи – к сирени,
А затем – к жасмину в масть…

2.

Мне такая эстафета
Ожидаемо мила.
Ведь найдётся и у лета
Для цветенья похвала!

Где-то – шарики из пуха,
Где-то – «солнышки» пока:
Одуванчиков движуха
Тополям уже близка…

3.

Ну а дальше осень грянет
Буйством цвета на листве,
Наведёт волшебный глянец
На успешных в щегольстве.

Возрастёт в цене багрянец,
Станет царственным багрец,

Эстафетно красок танец
Из конца пройдёт в конец…

4.

У зимы – свои резоны
Эстафету провести:
Даже мелких горок склоны
Жаждут снежных ассорти.

Белоснежности приметы
И в лесах, и на полях —
Вот предмет для эстафеты,
Если небо при делах…

…
Я, красотами любуясь,
Все оттенки их люблю.
И, ценя красу любую,
Грусть-печаль свожу к нулю…

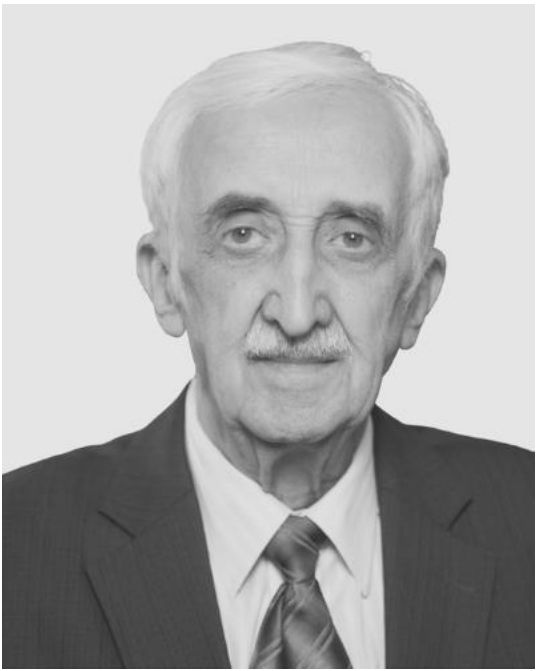
2023

Современная проза

Современная проза

Российский
колокол

Альфред Бодров



Альфред Николаевич Бодров родился в 1942 году в Кутаиси (ГССР). По окончании неполной

средней школы получил среднетехническое образование и работал на оборонном предприятии. В 1973 году окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина (ныне МПГУ). В 1992 году перешёл в СМИ.

Публикует литературно-художественные сочинения, выпустил сборники «В ритме ноктюрна», «Небеса в зарницах», «Висячая пуговичка», «Ахтиар», «Гримасы судьбы», повесть «Чикшулуб». Имеет литературные награды, дипломы, сертификаты. Сотрудничает с издательствами Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Новокузнецка, Барнаула, Волгограда, Костромы.

Юная партизанка Лара Михеенко
Очерк

К 80-летию героического подвига

В начале июня 1941 года Лара вместе с бабушкой поехала погостить к дяде в деревню Печенёво Пустошкинского района Калининской области (ныне Псковской области), где их застала Великая Отечественная война.

Лариса родилась четвёртого апреля 1929 года

в Лахте Ленинградской области в семье рабочих Дорофея Ильича и Татьяны Андреевны Михеенко. Отец Лары был мобилизован в Советско-финскую войну, там и погиб.

Дядя Лары стал предателем и был назначен немцами печенёвским старостой. Старую мать и племянницу он выгнал из своего дома, но его жена, сжалившись, поселила их в отдельно стоявшей бане. Для Ларисы и её бабушки начались тяжёлые дни: они часто питались картофельными очистками и лебедой, приходилось побираться, их иногда выручали сердобольные соседки, матери подруг Лары — Фроси и Раисы.

Весной 1943 года подружек Фросю, Раю и Лару взяли в партизанский отряд. Перед лицом старших товарищей девушки присягнули на верность Родине и ненависти к врагу.

Участвуя в «рельсовой войне» в августе 1943 года, партизанский отряд взрывал железнодорожные линии, мосты и пускал под откос вражеские эшелоны. Лара, к тому времени уже отлично проявившая себя в разведке, была переведена в бригаду Ахременкова. В подрыве одного из поездов участвовала и Лара. Она вызвалась взорвать железнодорожный мост через реку Дрисса на линии Полоцк — Невель. Лариса и на

этот раз с честью выполнила задание: вывела из строя не только мост, но и проходивший по нему эшелон противника. Девочка незаметно подкралась к мосту и зажгла бикфордов шнур перед приближающимся поездом. Выполнив задачу, Лара благополучно отошла обратно, несмотря на беспорядочную автоматную очередь фашистов. Незадолго перед этим её приняли в комсомол.

Второго ноября 1943 года Лариса и ещё двое партизан пошли на разведку в деревню Игнатово. Пока партизаны общались на проверенной явке, она оставалась снаружи для наблюдения за домом. Внезапно появились гитлеровцы. Лариса успела предупредить своих, но в неравном бою партизаны погибли, а девочка была схвачена. Её привели в избу для допроса. В пальто у неё была спрятана ручная граната, которой юная партизанка, не раздумывая, решила воспользоваться. Однако брошенная в ноги врагов лимонка не взорвалась. Как выяснится позднее, партизанскую явку вместе с родной племянницей выдал её родной дядя, человеконенавистник.

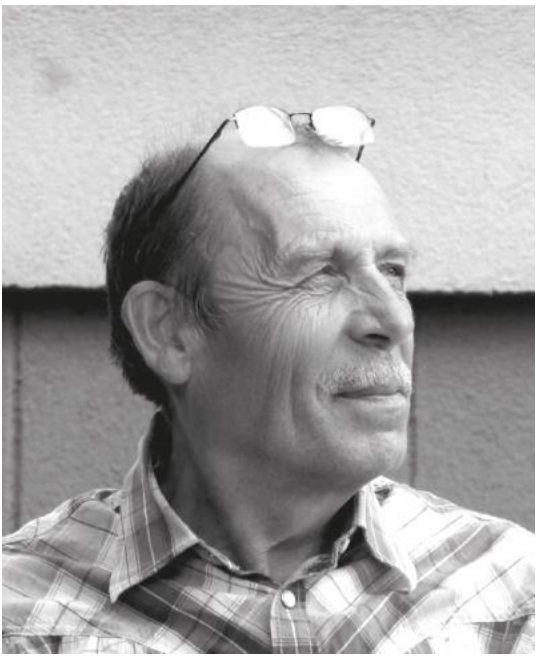
Четвёртого ноября 1943 года Ларису после жестоких допросов и пыток расстреляли. После войны она награждена посмертно орденом Отечественной войны I степени и медалью «Пар-

тизану Отечественной войны» I степени.

В 1961 году школьники из подмосковного города Хотьково, участвуя во Всесоюзном смотре пионеров под руководством классного руководителя Антонины Алдошиной, открыли для себя героический подвиг комсомолки Лары Михеенко. По итогам смотра они оказались в числе победителей, принимали участие в параде на Красной площади в Москве. Имя Лары Михеенко была увековечено в названии одной из центральных улиц в подмосковном Хотькове, в бронзовом памятнике; в школе был создан музей в память о ней.

Имя ленинградской школьницы Лары Михеенко по праву стоит в одном ряду с такими героями, как Лёня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова, и другими.

Дмитрий Воронин



Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырёх

книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат губернаторской премии «Признание». Лауреат издания «День Литературы» (Москва), лауреат первой премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» (Москва). Публиковался более чем в 60 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья, в том числе: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Петровский мост». Участник более 60 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в пос. Тишино Калининградской области.

Честная служба

1.

Михася Ярошука призвали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела — милости просим в доблестные войска, защищать честь и незалежность Украины.

Михась — парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров порубить, и сена заготовить, и мешки с картоплей в тракторный прицеп накидать, и воды матери в огород вёдрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник в доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михась и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закваска. В кухне благодаря ему всегда мясо найдётся.

— Михася в армию берут, свято в доме, — гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко. — Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни, — обратился он к отцу призывника.

— Так девятого мая идти, нехороший день, — озабоченно потёр лоб батько Андрий. — Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

— И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

— Неспокойно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

— А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Иваном, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, Пресвятая Дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка — Михасины сёстры, бабка Гануся да мамка Натуся и даже совсем уж старая прабабка Хрыстя, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганное кудахтанье кур да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкворчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок и по округе разносился сладковатый запах браги.

— Хороша горилка будет у Андрия, — втягива-

ли ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо ярошуковской хаты, — погуляем знатно.

2.

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось больше двух сотен народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные в три длинных ряда от входа в дом и застеленные узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, жареные битки, птица, рыба, сало с подчерёвой, смаженые ковбасы, сыры, овощи свежие, солёные кавуны, вареники с картоплей, фрукты, мочёная антоновка — одним словом, ешь не хочу. Да и со спиртным всё в полном порядке: горилка между блюд в двухлитровых бутылях красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее — хочешь виноградное, хочешь яблочное, на солнышке переливается, пива наварено немерено. Праздник так праздник.

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него отец с матерью, то бишь Андрий с Натусей, рядом крёстные-дядька Мирон и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи

— прадед Иван и прабабка Хрыстя, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганусей. Ну и в остальном всё по справедливости. Ближе к Михасю родня ближняя, потом дальняя. И в сторонних рядах всё чин чином, с одного края дружки-подружки Михася, с другого-соседи и друзья-подруги батькины да дедовы. Только из одногодков прадеда Ивана и прабабки Хрысти никого, они последние в селе долгожители.

Андрий Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрий важно, тишину нагнал, кашлянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить.

— Дорогие наши все — и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете.

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного.

— А то…

— И у нас було…

— Праздник в доме…

Андрий поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил.

— Так вот, значит, я про важный день доскажу

как есть. Он, конечно, очень важный, важней, может, и нет. Может, даже и главный он у нас в семье. Ну, в этот год точно, что главный, тут и говорить нечего. А знатного в нём вот что. Наш Михась становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки, и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю? — обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрий.

— Так, так, — загалдели кругом гости. — Хорошо говоришь, верно.

— А если так, — вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся, — то вот вам истина. Все Ярошуки завсегда были честными защитниками и не сгинули в своей службе на благое дело Родины, а уберегли себя для дальнейшей пользы жизни. Уберегли для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному нашему предку, человеку почётному и геройскому, прадеду нашего Михася — Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное слово парубку, а мы поднимем чарки и послушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

— Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай

впитывает.

Худой, сгорбленный годами старик с заострённым ястребиным носом и слезящимися полуслепыми глазами медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

— Чего тут говорить, тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

3.

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско Польское.

— Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю, — торжественно объявил с церковного крыльца благую весть подпоручик и вдруг неожиданно положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса. — Хочешь землю, хлопец?

— Хочу, пан офицер.

— Молодец, хлопче, будет тебе земля, много

земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он уже при форме садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью.

— Дурак, земли на могилу получишь, конечно, — только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку, отправили его сразу же в лагерь для русских военнопленных, что в Стшалкове расположился. Туда русаки потоком стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную армию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями, мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь

внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов и были в летнем обмундировании, что только усугубляло их плачевное состояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать своё дело.

— Эй, москаль тухлый, давай сюда! Прытче, прытче, — подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников. — Жрать хочешь?

— Хочу, вельможный пан.

— Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

— Афанасий я.

— Панас, — загоготали кругом охранники, — ты бачишь, тёзка у тебе выискался, Афанасий! А может, это братец твой, может, близняк? Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маху ударил русака кулаком в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и уже лежачего принялся остервенело пинать ногами куда попало, с ненавистью приговаривая:

— Який я тёзка ему, курве москальской, який

я ему тёзка!

— Хорош тебе, — через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы, — не бачишь, что ли, сдох твой тёзка уже, хрипеть перестал.

— Добрый пёс знает своё дело, — усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий. — Честно служить будет.

4.

— Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно, — вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки. — Наш далёкий предок служил нашей ридной крайне всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошуков. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик, с таким же ястребиным носом, как у отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача.

— И что тебе сказать, внучек мой, дорогой Михась? Помню тебя вот таким, — показал Сашко рукой у своего колена. — А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку — и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался.

Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батька мой, твой прадед Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

…Иванко в рядах охранного батальона вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам — сгонять народ к бывшему сельсовету.

— Шнель, шнель, партизанское отродье!

— Пане полицай, да куда ж я с малыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

— Геть, геть, дурна баба, сказано всем-значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и подводы, управляемые местными

полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым и стоял обречённый вой жителей.

— Эй, пострел, ты куда забрался? — улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды в крапиве. — И не больно-то тебе там сидеть? Жалится же!

— Ой, дзядзька, балюча, — всхлипнул мальчуган.

— Так вылезай оттуда.

— Не магу. Матуля загадала, каб сядзеу и не вылазяць без яе дозволу.

— Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

— Прауда? — обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

— Правда, вот те крест, — улыбаясь, перекрестился Иванко. — Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

— Янка.

— Во как, тёзка, значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвывавшей толпы.

— Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

— Ярошук, — подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, — видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

5.

— Вот как-то незаметно и моё слово напутствия приспело, и мне говорить сыну важное очередь пришла, — приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий живот. — А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могу ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

— Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, — зашумели за столами.

— Ну что ж, тогда скажу, — повернулся отец к Михасю. — Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла — служить за родную землю. Не посрами наш род вдали от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил.

А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

… В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять под контроль пражский аэродром «Рузине» и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда, как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится, может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос: «Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!»

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики «Invaders, jdi do Moskvy!» обрушился град увесистых камней, один из

которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа у обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, гэдээровский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обречённо вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие наизготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Спаситель Сашка, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь — обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий укол и по рации связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашку, успевшему прийти в себя.

— Ком, рус, — показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцати от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, — лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашко с благоговейным ужасом смотрел на деловито спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

— Ком, рус, — вновь поманил за собой Сашка немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, военнослужащие обнаружили насмерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

— Аусвайс! — навёл на паренька автомат немец. — Шнель!

— Не аусвайс, — растёр слёзы по лицу мальчишка.

— Наме?

— Александр.

— Надо же, тёзка, — удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав голос Сашка, холодно улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Гут, рус!

После этого он показал на висящий на плече Ярошука «калашник».

— Хор ауф дамит.[3]

— Я? — испуганно отпрянул в сторону Сашко.

— Я, я, — утвердительно кивнул немец.

— Я не могу, я не убивал людей, давай сам, — попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

— Пайн. Ду. Дас ист дайне райхенфольге[4], — отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. — Шнель!

Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку.

— Шарфшутце![5] — брезгливо ухмыльнулся

---

[3] Примечания: 3
Здесь: «Убери этого, кончай с этим» *(нем).*

[4] Примечания: 4
Нет. Ты. Твоя очередь *(нем).*

[5] Примечания: 5
Меткий стрелок *(нем).*

немец, прощупывая сонную артерию убитого. — Ист тот[6].

Ярошука вырвало.

Через минуту к ним с автоматами наперевес подбежал по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

— Что тут произошло, сержант Ярошук? — обратился к нему взводный, косясь на труп паренька

— Я… это… Мы… это… С Максимом. Они первые… А потом… Вот он… Я не хотел. Они первые… — не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца.

— Рус гутер зольдат. Шарфшутце, — широко улыбнулся тот.

Через месяц Сашка демобилизовали.

— Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома как героя, не сомневайся, — крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

---

[6] Примечания: 6
Здесь: «Готов» *(нем).*

6.

— Дозвольте и мне слово держать как крёстному Михася, — поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

— Дозволяем. Говори, Мирон.

— Спасибо, братья, — степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. — Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батьке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно, и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, служи честно, чтобы батько гордился и все гордились. Вот моё слово.

…«Духи» атаковали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Одним словом, ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь практически полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уцелели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший

из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше: ему перебило осколками мины ногу и пуля прошила плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё большим чудом было то, что «духи» не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

— Тёзка, — прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что «духи» ушли, — посмотри раны, перевяжи где надо.

— Где надо… — машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха. Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного.

Не покидали мысли, что вот сейчас «духи» вернутся и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрял с этим москалём вместо того, чтобы бежать подальше от этой общей могилы. «Что делать, что делать? — лихорадочно думал Андрий. — Надо уходить с этого места, надо где-то схорониться. Только вот с этим как быть? Может, грохнуть его, и дело с концом? Никто ж не узнает. А если узнают? А с ним куда? Он и шагу не ступит.

На себе тащить? А ещё кормить-поить придётся. Воды и так мало. Сдохну с ним, не выйду. Лучше грохнуть».

— Андрей, ты чего такой дёрганый? — будто почувствовал что-то неладное лейтенант. — Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверное. Рацию глянь у Генки, вдруг уцелела.

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

— Лейтенант, надо уходить с этого места, «духи» могут вернуться!

— Нет, земеля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.

— «Духи» тоже, — поднялся во весь рост Андрий. — Я тебя понесу, где смогу, где не смогу-тащить буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия.

«Может, и хорошо, что москаля не грохнул, — думал Андрий, взвалив на себя раненого, — он мне теперь как пропуск будет. К “духам” попаду — скажу, что с “языком” шёл, выкуп за себя нёс, тогда живым оставят. К своим выйду — героем

буду, товарища не бросил, офицера. Медаль дадут или орден. Хорошо, что не грохнул».

Через сутки двух Андреев подобрала вертушка, возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрию Ярошуку перед всем полком ровно в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

— Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку, — растроганно обнял Андрия командир полка.

7.

Михась, тщательно прицелившись, выстрелил. Какое-то мгновение он заворожённо наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

— Ну что, Ярошук, с почином тебя, ставь зарубку на прикладе, — похлопал по плечу вернувшегося с первого задания Михася командир отряда снайперов ВСУ. — Запомни этот день.

8.

— Чего там, Андрий, кто звонил? — обтёрла от

муки руки Наталка.

— Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпускного шёл. Вот так-то вот.

— Ой, боже ж мой, беда-то какая! — всплеснула руками Наталка. — А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошуков, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

— Война, будь она неладна!

Ирина Горбань

Ирина Горбань-поэт, писатель, публицист. Родилась и живёт в Макеевке. Окончила Глуховский

государственный педагогический институт-по образованию преподаватель дошкольной педагогики и психологии. Работала в Министерстве информации ДНР. Автор рассказов о погибших и раненых детях Донбасса (проекты «Ангелы», «Пёрышко Ангела»), очерков о погибших защитниках Донбасса.

Автор 10 сборников стихов и прозы. Книги «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война» (издательство «Картуш», Орёл) презентовала в Москве на Красной площади на фестивале «Красная площадь-2019» и в Рязани на фестивале книги «Читающий мир».

Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР, МСП и «Новый современник». Лауреат литературных премий: им. Михаила Матусовского, им. Людмилы Татьяничевой, им. Молодой гвардии, им. Владимира Даля.

Галинкина война, или Монолог из подбитого автобуса

В больницу люди обычно попадают случайно. Это только правильные больные могут ложиться по направлению дежурного врача. Заболеют, примут жалобный вид, глубоко подышат под

фонендоскопом и в надежде отдохнуть недельку на больничной койке отправляются в приёмный покой. К чему случайности, если всё можно запланировать. Ведь их ждет отдельная па-ла-та. Там хорошо: выспаться можно, туалет рядом, столовая… Отдохнут немного, поразмышляют, тайком подключат вайфай, поинтересуются, как там мир без них, и, спокойные и отдохнувшие, возвращаются на работу. Её ведь никто не отменял.

Неправильным больным проще. С утра начистил зубы и ботинки, чего-то похватал по тарелкам в холодильнике, проглотил пару-тройку глотков остывшего кофе с молоком, и на автобусную остановку — бегать за автобусами, материться вслед неостановившимся и бежать за следующим. Ну не могут же все подряд проезжать мимо. Кто-то же заметит озверевшего бегуна. Фух! Втолкнулся, щекой сплюснул стекло двери (или наоборот). Поехали.

Работа. Работа-это серьёзно. Работу надо работать долго, честно, правильно. От звонка до звонка. Зачем тогда работа, если всё неправильно? Пра-а-авильно. Там вовремя платят зарплату А если платят, ты обязан работать честно. Ведь таких бегунов по остановкам ой как много. Рабо-

таешь в поте лица, придумываешь программу, осваиваешь, делишься удачами. Кому нужны твои неудачи? Удачи-это очень хорошо. Главное, чтобы в отведённое время конца работы резко отключить компьютер, помахать ручкой кому-то неведомому из окна 17 этажа и мчать к лифту-вдруг повезёт, и спустишься первым. Но! Но все сотрудники всех отделов думают именно так, и поэтому — давка и сутолока у лифта, лёгкие расшаркивания с теми, с кем не встретился в рабочее время, и вот она — свобода!

Ты свободной походкой, типа спортивного шага, мчишься на остановку, чтобы успеть втолкнуть своё уставшее тело в заднюю дверь автобуса и, провисев около часа езды на одной руке, с чувством глубокого удовлетворения выпадаешь на родной остановке.

Это до войны. Об этом теперь можно только вспоминать. Вспоминать и улыбаться. Да-а-а. Было время. Сейчас всё иначе. Сейчас…

Сейчас всё то же, только жёстче. Автобусы сократили, мужчины ушли на войну, а женщинам никто работу не отменял. И всё по новой. Читай выше.

Пока идет рабочий процесс, нас бомбят. Понимаю, что бомбят бомбами. Это значит авиация.

Нас уничтожают с земли. Но ведь это тоже «бомбят». А как назвать ежедневные смерти, ранения, уничтожения? Правильно. Бомбёжка.

Едешь такая с работы, отвлечённо тычешь пальцем в телефон — игры ведь тоже никто не отменял для расслабления нервов. И тут вдруг в твоё тихое пространство врывается крик: «Всем на пол!». Не знаю, что там было в салоне автобуса, но вся задняя площадка повалилась на пол. И ведь никто не вспомнил, что юбка белая, кофточка новая, обувь только раз обутая.

Валяемся. По крыше и бокам автобуса грохочет что-то громкое, стальное, резкое. Всей кожей, каждой клеточкой ощущаешь смерть. А когда смерть рядом, — тут и вспоминаешь Всевышнего. Кто помнит только слово «Господи», кто «Боже мой!», но не всё так плохо. Вот одна громко, на полсалона читает «Отче наш». Спасибо! Спасибо за «Отче», спасибо за «наш».

Автобус мчит, водитель побагровел, вдавливая в пол педали газа, люди потихоньку поднимаются с грязного затоптанного пола, не отряхиваясь, вглядываются в окна — не летит ли вслед снаряд. Повезло! Не прилетел. Но ты ведь незапланированный пациент больницы. Ты продолжаешь лежать на полу. И к чёрту, что новая кофточка, и

что бант на обуви в чём-то странно мокром. Или это кровь? Кто ранен? Откуда кровь?

Окружающие пытаются тебя растормошить, пошевелить, спросить, какого ты роду-племени, а ты в ответ по-идиотски смотришь на них и думаешь, мол, я-то знаю о себе всё, только вам на кой это сдалось? Самая шустрая вытащила из-под тебя белую сумочку, достала телефон и давай в нём рыться.

Вот на этом моменте, пожалуй, и заканчивается эдакое разудалое бахвальство. Дальше — проза выживания в больнице во время постоянных обстрелов с украинской стороны. Им ведь по барабану, в больнице ты или на передовой. Главное — убить, уничтожить, стереть с лица земли. Ты ведь враг несусветный, хоть тебе шесть лет, хоть шестьдесят.

Итак… остановка. Каким-то совсем не своим взглядом осматриваешь окруживших тебя чужих людей. Где-то там, далеко в сознании, понимаешь, что бессильна. Не работает язык, упало зрение и все вокруг тебя какие-то мутные, как в тумане. А главное — ноги. Их просто нет под тобой. А-а-а, поэтому тебя перенесли по воздуху на скамейку и подпёрли с боку увесистой дамочкой. Но главное в этом абсурде — лица и взгляды. Участливые,

добрые, понимающие. Ведь это война, а в автобусе женщина валяется на полу. Не ранена, но тело говорит об обратном.

Из рук в руки сдав тело попутчицы докторам и дочери с зятем, доброе и милое окружение растворилось по своим домам. Надо до обстрела успеть добежать до своей квартиры. Там надёжнее. Там можно просто зашторить окна, вроде совсем нет войны.

Приёмный покой, КТ, МРТ, осмотр невропатолога, длинный коридор, палата.

«Похоже, меня привезли в туалет», — подумала ты. Голова не двигалась, как и всё тело. Мозги шевелились. Ты чувствовала это желеобразное вещество в черепной коробке. Собрать в кучу мозги никак не удавалось. Отвечать на вопросы — дело техники. Раз — и… А техника куда-то исчезла. На поверку — ни речи, ни движений, ни самостоятельности. Оставалось отдаться безраздельно в руки врача. Это действительно был врач. Вернее, была. Молоденькая, милая, красивая, мягкая, добрая…

«Я домой хочу», — сказала ты. Сказала бы… Ладно, ты ничего не сказала. Ты думала. Ты хотела, ты мысленно кричала. Во рту мешал язык, руки тряпками лежали вдоль тела, ноги… а ног ты не

чувствовала. Это невозможно!

Всё остальное осталось в истории глубокой тайной. Ни-че-го не помнишь. Главное: не помнишь, как оказалась в памперсе. Ночь.

Такой длинной ночи у тебя не было давно. Чужие люди, естественно, женщины, спали на своих койках. Спали! Как можно спать при таком храпе?! Это не храп. Это рёв танка! Проходящая мимо открытой палаты санитарка поинтересовалась, почему не спишь. Ответить не можешь-язык не шевелится. Но глазами показала в сторону кровати. Санитарка участливо, одним взглядом и вздохом поддержала и пошла по своим делам.

Утром все перезнакомились. Ты кое-как могла произносить слова. Язык цеплялся за зубы, не хотел вспоминать свои непосредственные обязанности. Но то, что Зоя храпит как танк, ты сказала! Зоя обиделась. Нежная стапятидесятикилограммовая полупарализованная пациентка обиделась, как ребёнок. И тебе тут же стало её жаль. Да, ты слаба. Ты тут же прощаешь всех, кто тебя обидел. Этот недостаток часто подводил и в этот раз сработал по полной. Простила. Да и какой сон при инсульте? В прошлый свой инсульт ты месяц не спала, а тут всего ночь. Знала бы ты, что семь дней, семь суток не будешь спать

от слова «совсем». На седьмую ночь димедрол сделал своё коварное дело — ты от одного укола утонула глубоко в сон. Это был настоящий сон. Ты не слышала храпа, не слышала санитарок, которые меняли девочкам памперсы.

Памперсы… О них не хочется вспоминать. Тем более рассказывать о своих ощущениях. Если хотите узнать, каково это — лежать семь суток, не поднимая головы от подушки, мечтать о самом вонючем туалете (уборной) и уговаривать себя, что ещё сутки, и разрешат подниматься. Лягте дома на кровать в памперсе. Вам будут подносить литрами внутривенные капельницы, чай, жиденький суп, а вы попробуйте вытерпеть. Или — в памперс. Ведь с детства приученные не надудолить под себя, вы вдруг оказываетесь в совершенно противоположном положении — надо надудолить! Вот тогда-а-а. Вот тогда вы поймёте, каково это — в памперсах.

Памперсы необходимы особые-с сиреневыми полосками. Они дорогие, но многоразовые. Это отличие все замечают моментально. Это самые стойкие и надёжные «трусики». И нянечки довольны — в них реже появляются пролежни. А стыд? Какой стыд при открытой двери? Палата тяжёлых. Здесь не прохаживаются любопытные

ходячие больные, здесь тяжёлый запах. Здесь ежедневно бывает смерть. Может, поэтому так добры нянечки?

Нянечки.

Нянечки — это наши мамы. Нежные, внимательные, крепкие, заботливые. Все. То ли проходят мастер-класс, то ли проникаются ситуацией, но ни разу за всё время никто не слышал от них грубого слова к кому бы то ни было. Нянечки все ухоженные, в чистых костюмчиках, перчатках и улыбках. Именно «в улыбках». Смотришь в лицо любой санитарочки и невольно улыбаешься в ответ. Но только они знают, как тяжело отработать смену. Неврология — это настоящее испытание. Особенно в нашем блоке «тяжёлых». Нянечка только сменила памперс, улыбнулась больной, а через несколько минут ту уже накрыли простынёй. И тогда, собрав силу воли в кулак, несколько крепких нянечек берутся со всех сторон за простыню и водружают ещё тёплое тело на каталку. С глаз долой. Ведь рядом лежат без движений ошарашенные обездвиженные больные. Как бы новый приступ не случился от страха.

Больные ведь все очень разные. У них своя, отличная от других, психология, семейный и жизненный опыт, возраст, темперамент. А глав-

ное — они все очень капризны. Особенно Лина.

Лина. Она вспыхивает, как спичка, по любому поводу. Поводы придумывает сама. Домохозяйка, отправившая любимого мужа на защиту Республики, вдруг потухла. Горела-горела, носилась по трём огородам, пропалывала, поливала, выращивала цветы и овощи, и вдруг свалилась как подкошенная. Это не в её характере. В палату Лину привезли на каталке. Белая, как стена, с постоянной рвотой. Инсульт. Хотела встать с первой минуты. Не слушала врача, сама как ванька-встанька-хоп, и снова сидит. Поругалась со всеми, наревелась, получила второй инсульт. Вот тогда испугалась по-настоящему. Притихла. Притихла на пару часов, пока спала. Старенькая Варя лежала рядом и только поглядывала на соседку. Варе тоже было плохо.

Варя. Здесь всё сложно. Семья, дети, отношения, приоритеты. Но это её семья. Не лезем. Не имеем права. Каждый день она себя убеждала, что как только вернётся из больницы, дома всё будет иначе. Верит ли сама себе? Нет, конечно. Понимала, что и все не верят. Варя картавит. Картавит, как маленький ребёнок. Причём нижнего ряда зубов у неё нет. Говорит, что в январе упала и выбила зубы. В этот же раз упала на копчик. Как у неё

получился этот финт сразу с двумя противоположными сторонами тела-вот вопрос. Но она не заметила своего вранья и продолжала картаво рассказывать о себе, уже не стесняясь пустого рта. И кому сейчас какое дело до беззубых ртов пенсионерок. Пенсии маленькие, работы нет, денег копить на зубы, на дешёвые тапочки-кофтёнки тоже нет. Периодически соседки подбрасывают свое старьё. Варя, как ребёнок, радуется любой вещи, ведь муж, с которым прожила шестнадцать лет и помогла поднять и воспитать кроме своих ещё и его детей, сам инвалид-афганец второй нерабочей группы. Хорошо, если есть свой огород, откуда можно питаться летом, а потом и зиму доедать припасы.

Ушиб сначала не проявлялся, пока не началось серьёзное воспаление, а потом и свищ. Копчик — это окончание позвоночника. Так все думают. И боль — испытание на прочность. Терпела женщина долго, пока из Мариуполя, освобожденные из Азовстали, не приехали сын с невесткой. Они-то и приволокли мать в больницу. Успели. На почве постоянной боли развился диабет, высокий сахар, похудение. Все думали, что этой бабуле лет восемьдесят, а оказалось, шестьдесят с хвостиком. Конечно, мы не замечаем своего

возраста. Кажется, что мы намного моложе. Но такая серьёзная разница всем бросилась в глаза. Боль, физическая ли, моральная, вся осталась на морщинистом лице. Овободившись от постоянной изматывающей боли, Варя начала со всеми разговаривать. Её невнятная речь порой так доставала, что хотелось бросить в неё подушкой. К счастью, подушки были неподъёмные, словно камни-монолиты.

Да, подушки. Ты даже сестре-хозяйке пожаловалась на свою постель. Сказала, что жёсткая, словно лежишь на досках. Улыбнувшись в ответ, сестра-хозяйка ответила, что ты не ошиблась. Здесь все лежат на досках. О, ужас! Как можно в наше время, в двадцать первом веке?! Только позже ты поняла, что так и больным надо, и нянечкам легче переворачивать, меняя памперсы. И позвоночники настраиваются на работу.

Бабу Галинку привезли неожиданно. Собственно, сюда все попали неожиданно. Наверное, не так. Бабу Галинку привезли совсем обездвиженной. Крупного телосложения, с минимумом морщин на лице, белотелая, всё время стонала: «Болыть». Дочь растирала матери ногу. Казалось, и во сне Татьяна ни на секунду не останавливалась. Опекала мать, всё время чувствуя свою

вину. Сейчас так жизнь устроена, когда дети и родители живут раздельно. У каждого свой мир, в который порой никого не хочется впускать. Так бы и жили, если бы в этот мир не ворвалась без спросу война. И ведь в разных концах города живут, но и у дочери, и у матери опасные районы. Везде прилёты. Только на Бога надеяться — авось не прилетит. Так и получилось, что Талинка была в квартире одна, когда случился инсульт. Талинкой Анна Григорьевна стала, когда правнук заговорил. Это он назвал старенькую бабулю Талинкой. С тех пор и все соседки стали звать её Талинкой.

— Господи, ну почему всё так получилось! — в сердцах выдохнула Татьяна. — Разве бы мы допустили, чтобы мама осталась одна в таком состоянии?

Потеряв сутки без медицинской помощи, Галинка не нашла в себе сил для борьбы. Она только постанывала, приговаривая: «Болыть».

Ноги у нее болели всегда. Женщина привыкла лечиться народными средствами — травами, компрессами, примочками. Став обездвиженным, её тело обратило внимание исключительно на правую, непарализованную ногу. Болит — значит, живая. Четверо суток шла борьба за восстанов-

ление некоторых жизненных функций. Бабуля заговорила. Ей принесли рисунок от правнука, где он с любовью написал просьбу о скорейшем выздоровлении бабули. Галинка попросила рассказать всем, что во всём виновата война. Если бы не обстрелы, была бы сейчас дома, ухаживала за клумбой и угощала малыша сладостями. Она любит свою внучку, правнука, но бомбят, поэтому надо всегда сидеть в квартире. Во время очередного обстрела она лежала на диване…

Татьяна повязала матери белый ситцевый платочек, и та сразу как-то постарела. Не сопротивлялась. Почему-то не снижалась температура. Устав от боли, Талинка вдруг глубоко вздохнула. Дочь испугалась и позвала доктора.

Никто не понимал, откуда эта паника. Всё было спокойно и размеренно. Бабушка получила дозу лекарств, немного поела супчика, ей сменили памперс…

Вошли доктор с медсестрой, попросили всех выйти из палаты. Всех ходячих. Трое оставались в своих постелях. Талинка ещё пару-тройку раз вздохнула и притихла. Врач констатировал смерть.

Смерть была рядом. Протяни руку — и вот она. Настоящая. Тихая. Без обстрела. Все лежачие

закрыли глаза, чтобы не видеть, не слышать, не знать, не участвовать.

Уже через пять минут Талинки не было в палате. Её увезли. Осторожно. Тихо. Быстро. Зачем новые инсульты? На стене, у изголовья, остался висеть рисунок правнука, прикреплённый лейкопластырем.

За окном вдруг резко взорвало небо. Вскрик! Испуг! Слёзы. Так будет долго. Память бомбежки автобуса осталась на подкорке. Это как детский испуг. Когда прижмешь плачущее дитятко к груди, погладишь по головке и тихонько нашепчешь ласковые слова, оно и притихнет. Но ты. Ты взрослая. Тебя никто не прижмёт, не погладит по головке. Тебе самостоятельно надо из этого взрыва выкарабкиваться. Но как? Как, если взрывы всегда. Они вокруг. Они в тебе. Они в окне, в небе, в сердце.

Война. Война отнимает жизни и с кровью, и без крови. Кто подсчитает количество умерших от шока, от стресса, от боли? Кто ведет эту статистику? Кто скажет: «Стоп. Довольно. Это сон. Всем проснуться!»

Галинка уже не проснётся. Мы каждый день слышим о погибших. Мы знаем, сколько человек ранено. Мы не знаем, что каждый день по

коридорам больниц громыхают старые каталки. И вдруг услышишь: «Ты почему головой вперед везёшь? Нельзя! За собой ещё потянет. Быстро повернули каталку!»

Владимир Крупин

Владимир Николаевич Крупин — русский советский писатель, педагог и публицист — родился 7 сентября 1941 года в пгт Кильмезь Кировской области. Один из представителей «деревенской прозы». Пишет на православную тему. Главный редактор журнала «Москва» (1990–1992). Главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь» (1998–2003). Лауреат Патриаршей литературной премии (2011).

Почётный гражданин Кировской области (2016).

Игра в «военку»

В Великую Отечественную войну моё поколение входило в возрасте младенцев. Война началась, а мы рождались. Война шла, а мы росли. И Победу помним. И горе, и крики вдов и матерей, и сирот.

И наши игры, которые были, конечно, все военными. Раздавался клич: «Айда в военку играть!» И собирались моментально. В этих играх были и «наши», и «немцы». Бросали монетку, кому кем быть. Делились по-честному. Разбивались на пары, отходили в сторону, договаривались, кто кем будет, подходили к «маткам», «водям».

— Матки, матки, чьи помадки?

Называли на выбор два предмета: буран или вьюга, трава или сено, лыко или мочало, куль или мешок и тому подобное. «Води» по очереди выбирали. Так создавались команды. Конечно, друзьям хотелось быть в одной команде и они, чтобы не попасть в разные, не сговаривались, старались шепнуть своему командиру свой «позывной», кем он назовётся: сосной или берёзой.

После делёжки силы уравновешивались, то есть в команду, куда собирался народ поплоше,

выталкивали в виде довеска одного-двух из резерва, который крутился тут же. Никто из резерва не оставался без дела, он шпионил в пользу «своей» команды.

Играли всегда в живописнейших местах: лесные опушки, речные обрывы, луга. Чаще в логе, берега которого были в лопухах и кустарниках. Внизу ручей. Берега над ним то глинистые, то каменистые, то песчаные. То ельник, то вереск, то пихта.

Итак, свисток! В начале каждой «войны» ещё помнилось, кто «наши», кто «немцы», но игра была так горяча, обе команды так рвались к победе, так одинаково кричали «ура» и «полундра», что всегда побеждали «наши». Тем более я не припомню, чтобы хоть раз какая-то команда признала себя побеждённой. И никто и никогда не соблюдал никаких правил, которые вроде бы оговаривались до начала игры, никто не падал после крика: «Падай-ты убит! Падай!» И какие правила, когда захваченные в плен плевали в лицо тем, кто допытывался, где спрятано знамя, когда не хватало только настоящей гранаты, чтобы подорвать себя и врагов, когда уже и резервисты, никого не спрашивая, добровольно ввязывались в бой. Тут уж никакое жюри не

смогло бы установить победителя.

В конце игры собирались на поляне, кричали, спорили. Спорили, опять чуть не до драки, чья победа. Но какая победа, кого над кем? Победа была общая. И вскоре обиды: царапины, синяки, кто-то и палкой получил, — не вспоминались. Возвращались сплочённой ватагой. Кровь, потешенная молодецкой игрой, входила в берега. Шли и дружно жалели, что настоящая война нас не подождала, закончилась, а то бы мы повоевали! А то жизнь проходит, и никакого просвета. Уже и знамя над рейхстагом, и вообще мир во всём мире.

И не знали, несмышлёныши, что войн и крови на нас хватит с избытком. Ибо страшна Россия врагам Христа. И всё надеются её убить.

Ну-ну, надейтесь. Хвалилась теляти волка съесть.

Украинский расчёт

Я так люблю Украину, что всё происходящее в ней воспринимаю близко к сердцу. Увидел её вначале из окна вагона в июне 66-го, а потом — во все остальные годы в поездках по ней. Полюбить её очень помог Николай Васильевич Гоголь и

то, что в начале 60-х я служил в армии в ракетном дивизионе, который, так получилось, был сплошь из украинских хлопцев. Мы понятия не имели о каких-то национальных разногласиях. Разве шутка «где хохол пройдёт, там двум евреям делать нечего» для кого-то обидна? Или если меня обзовут москалём, что мне от того? Это ж не лягушатник, не макаронник. Даже приятно: всё был вятским, а тут уже вроде как в москвичи попадал. Представить было невозможно, что из-за таких пустяков можно рассориться.

Но пришли в нашу жизнь майданы. И решения Переяславской рады («Волим под царя московского») украинцы, малороссы, стали забывать. А мне не верилось и не верится, что мои сослуживцы стали моими врагами. Да не будет!

Украинизация Украины началась и проходила при Сталине. Государством стала считаться, когда получила право голосования в ООН. Хрущёв — первый секретарь ЦК компартии Украины, затем и первый в СССР. Уничтожал армию и православные храмы. Крым подчинил Украине. Перед Сталиным лебезил, а Сталина ненавидел. Видимо, за то, что тот называл его «толстый голубь Никита», и однажды заставил плясать за сушку к чаю. (Хрущёв сам об этом рассказывал

на приёме деятелей литературы и искусства.) И за то ещё, как однажды на просьбу Хрущёва увеличить норму расстрелов, вождь написал: «Уймись, дурак».

Потом «толстый голубь» жестоко отомстил. Всю кровь, все беззакония, все свои неудачи свалил на Сталина. Но вот интересно: много лет надрываются демократы, обливая грязью Сталина и обеливая Никиту, и ничего не выходит. Почему? Сталин собирал страну и укреплял. Да, лично неприятен, да, жесток, но Советский Союз диктовал правила поведения на планете, а Никита страну разрушал и разбазаривал. И в памяти народной как был Никита-кукурузник, так и остался.

Хотя мне лично сердиться на Н. С. Хрущёва не за что. Более того, ему благодарен, из его рук получил отпуск на родину осенью 1962-го. Тогда я был командиром стартового расчёта, который откомандировали в Чапаевку, где на аэродроме готовилась выставка авиационной и ракетной военной техники. Всё красилось и мазалось. Моему расчёту было доверено провести показательный перевод ракеты из транспортного положения в боевое. На это отводилось две минуты.

Тренируясь почти круглосуточно, мы сбавили

время до минуты сорока пяти секунд. Ох, и орлы были мои парни: первый номер — Мыкола Гончар, второй — Ваня Падалко, третий — Венька Малых, а водитель, о, водитель — Лёха Чертовских из Белгородской области. А нас поддерживал запасной расчёт, из которого помню Титюру и Балюру. Где вы, парни? Где ты, наш боевой комбат Шелестюк?..

На смотр техники Хрущёв привёз огромное количество иностранцев. Комбат ворчал, мы слышали, что это свинство — показывать врагам секреты. Он подошёл к нам, видно было, волновался. Мы меньше, потому что нам надо было работать, а не смотреть со стороны.

Показ техники начался с самолётов. Они взлетали (тогда я впервые видел вертикальный взлёт; иностранцы хлопались от страха в обморок: русские не будут тратиться на взлётные полосы), самолёты уносились вдаль, мгновенно возвращались после разворота и именно над нами переходили звуковой барьер. Гости глохли. Мы ликовали. Было на что поглядеть.

Подошли и к нам. Надо сказать, что в последнее перед показом утро Шелестюк, пряча глаза, велел (не могу сказать — приказал) подготовить ТЗМ, транспортно-заряжающую машину, в про-

сторечии тэзээмку, то есть заранее отстегнуть стяжки, вынуть чуть не до конца дуги, на которые натягивался укрывающий ракету брезент, открутить чуть ли не до конца винты скрепов, это сокращало, конечно, время на операцию, но, конечно, было обманом. Шелестюк посмотрел на расстёгнутый ворот Лёхи, но в это утро смолчал. Наш Лёха был такой разгильдяй, что командир части пообещал ему демобилизовать его только 31 декабря в одиннадцать часов вечера. Но как водитель Лёха был лучшим в части.

Мы выстроились у пусковой установки. Напряглись. Рявкнула сирена — команда на перевод ракеты в боевое положение. Лёха рванул тэзээмку, по-моему, с четвёртой скорости, влетел на стартовую площадку и замер перед пусковой установкой с точностью до миллиметра. Потом сержанты говорили, что нам начали хлопать именно с этого Лёхиного рывка. Я ничего не слышал. Тогда я понял, что такое — одно дыхание и одна воля. Всё свершалось в доли секунд. Я был глух для всего, только слышал летящее ко мне: «Первый готов! Второй готов! Третий готов!» Команды мои были помимо меня, я был частью того, что вместе с ракетой вздымалось, поворачивалось, ложилось на направляющие

установки, неслось к газоотражателю, выходило на курс. Последнее, что я обязан был сделать, — схватить телефон батарейной связи и доложить командиру батареи о готовности. Этого не потребовалось, помешали Хрущёв и маршал Гречко. Они подошли первыми. Мы стояли у готовой к пуску ракеты. Когда Лёха угнал пустую тэзээмку, я не видел. Хрущёв сказал:

— Кто первый, второй год — тому отпуск. Кто третий — досрочный дембель.

Так и сказал по-солдатски — «дембель». Наш мужик! Ох, мы с ним покажем всем кузькину мать! Недаром мы знали частушку: «Подрастает год от года сила молодецкая. По всему земному шару будет власть советская».

Тут к ним подошёл ещё один маршал и что-то сообщил. Хрущёв вспыхнул и гневно закричал:

— Что такое? Какая подтасовка? Повторить!

Мы поняли, что иностранные наблюдатели не верят, что так быстро можно перевести ракету из походного в боевое положение. Ещё бы: подъехать, расчехлить, заправить окислителем, развернуть ракету, сравнять с направляющими рельсиками пусковой установки, загнать по ним ракету на установку, выйти на угол слежения… и всё это за минуту пятьдесят?

Итак, приказали повторить всё сначала. О, здесь за нами следило сто глаз, особенно зырили иностранцы в высоких фуражках. Может, привыкли: что в их армиях их тоже обманывают? Всё у нас проверили: все винты, все ремни.

Хорошо помню тот азарт, то чёткое, почти озорное напряжение, с которым мы радостно и рьяно переводили ракету и первый, и второй раз. А ведь во второй предстояла операция посложнее первой: уже всё было без обмана. Затянуто до предела. Пошла сигнальная ракета, я услышал крик Шелестюка: «К бою!» и дал отмашку Лёхе. Лёха рванул и через секунду, опять же с точностью до миллиметра, поставил ТЗМ около установки. Выскочил из кабины помогать. Это уставом не запрещалось. Парни мои, парни! Пишу сейчас и слёзы проступили, золотые мои парни, стартовый наш расчёт. Что, Мыкола и Иван, неужели мы с Лёхой для вас — кляты москали, кацапня собачья, а? Так вам ваши кащеи бессмертные, по-украински чахлики невмерующие, внушают, так? Нет, не верю, седые мои однополчане. Как верил в вас тогда, на аэродроме в Чапаевке.

Как сейчас слышу крик: «Третий готов!», как сейчас срываю трубку связи и кричу в неё: «Изделие к старту готово!»

Итак, нам были даны отпуска на родину, капитан Шелестюк стал майором. А куда же делся дембель Лёха Чертовских? Обманули его наши командиры, не послушались главу государства. А мы уже снаряжали Лёхе почетный дембельский рюкзак, обшитый тряпками с названиями городов Рио-де-Жанейро, Токио, Лондон, Париж, уже достали ему через макаронников (сверхсрочников) форму ПШ — полушерстяную, а приказа на него всё не было. И не только досрочного, срочного. «Октябрь уж наступил», уже все старики-третьегодники поехали, Лёха оставался. Сам бы он ни в жизнь никуда не пошёл права качать, пошли мы за него. К замполиту.

Мы напомнили о приказе Хрущёва досрочно демобилизовать водителя ТЗМ Чертовских. Замполит обещал помочь. Но помог своеобразно. Лёхе вышел приказ — вырыть огромную яму для общего туалета на сорок посадочных мест, по двадцать с каждой стороны. Помогать ему запрещалось. Лёха молча начал рыть. Когда он ел, когда спал, никто не видел. Он провёл в котлован свет и рыл ночью. Вот ночью, правда, немного подсобляли. Учил нас Лёха любить свободу. Уезжал, разревелся, как мальчишка, бестолково и неловко тыкался губами к нашим щекам.

И мы на будущий год разъехались. Кто на родину, кто поступать в институты. И долго потом снились нам армейские будни. И часто бывало — вскакивали ночью, когда в памяти слуха раздавался крик дневального: «Батарея! Подъём! Тревога!»

Тревога, братья украинцы, тревога! Не тешьте бесов раздорами.

Что спасёт Россию?

Почему во все времена существования России на неё нападали, старались её подчинить, уничтожить? Разве только из-за её богатств? Нет, нападавшим само наше существование невыносимо. Почему же к нам такая злоба? Да потому, что Россия идёт за Христом, а все идущие за ним, это предсказано в Писании, будут гонимы. Так что такое отношение к нам со стороны обезбоженного мира нормально. Православные — то малое и единственное стадо, которое спасётся. Давайте представим, что весь мир отвернулся от Христа и верными ему остались только православные. И мы были бы сильнее всего мира. Так что «разумейте языцы и покаряйтеся, яко с нами Бог».

Мир лежит во зле, мир отошёл от Христа.

Единственное, что ещё может его спасти, — это Православие. Тот драгоценный бисер, который получил от Византии святой равноапостольный князь Владимир. А затем и мы, грешные, в водах Днепра. И с тех пор у нас одна история — мы или приближаемся ко Христу, или удаляемся от него. Русские и народы России выращены Православием. Легко представить земной шар единым телом. Но тело не может быть без души. Душа мира — Православие. Если что случится с Россией, остальной мир погибнет тут же. Так что миру пора бы образумиться и не нападать на нас, а лелеять.

Приход молодёжи в церковь испугал и усилил сатанизм, который пришёл на смену государственному атеизму. Враг использовал перестройку для захвата последнего бастиона Царства Божия на земле.

Для этого принимаются усилия на закабаление отроческих и юных душ, идёт пропаганда образа жизни, отторгающего от святынь, разврат называется красивой жизнью, любовью — игры партнёров, внедряется в сознание законность гражданских браков, славится похабность шведских образцов, высмеивается верность и преданность, отроки и отроковицы переделыва-

ются в тинейджеров и фанатов. Всё это открывает адские глубины.

Колокола спасения говорят: проснитесь. В конце XIX-го и начале XX-го веков население России прибавлялось на два миллиона ежегодно, сейчас убывает. А прибавить сюда непрерывный холокост абортов? Всё, всё растёт, кроме населения. Растёт наркомания, преступность, сиротство, разводы, растут цены, растёт пенсионный возраст. Помощь правительства рождающимся детям своевременна, но все деньги уйдут не к русским семьям, а к тем, кто рожает. Курс на благосостояние неверен. Сидит зимой на московском асфальте беременная женщина из Средней Азии, просит милостыню, кормит грудью малыша, около неё ещё два ребёнка. Что ж она аборт не делает? Узбеки живут в десять раз хуже, а рожают в четыре раза больше. У нас голода нет, а мы вымираем.

Должен определиться единственный вектор спасения России, от Бога данный нам курс — курс на православное государство. Навсегда сказано: «Ищите прежде Царствия Божия, и всё остальное приложится вам». И, кажется, нынешний президент это понимает. «Сила государя — в верности Богу, сила государства-в преданности госуда-

рю, — пишет святитель Филарет Московский и добавляет: — Блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного».

Перестройка как средство убивания России началась с удара по молодёжи, по её юному сознанию. Молодёжи не промывали мозги, их просто вышибали. В перестройку увеличилась смертность именно молодых — это показатель того, что молодые стали соваться туда, куда им рано соваться, то есть на место людей опытных. Враг нашего спасения разрушает основы государства, начиная со школы. В неё вводили планирование семьи, валеологию — предмет, развращающий и убивающий будущее детей, сокращающий рождаемость. Школу оккупировал Единый госэкзамен. ЕГЭ — это выкидыш западного образования, средство воспитания англоязычных биороботов. Этому ЕГЭ не учатся, на него натаскивают. ЕГЭ напоминает кубик Рубика, который усиленно внедряли, обещая, что он развивает пространственное мышление, и долго развивали, пока не заметили, что чем тупее человек, тем быстрее он справляется с Рубиком. Он просто овладевает двумя-тремя приёмами.

И остаётся таким же тупым, но уже очень самоуверенным. То же самое интернет: умнее он

не делает, наоборот, затормаживает развитие мышления.

Разрушается культура, борцы с нею подпитаны деньгами, наградами, поддержаны прессой и экраном. Когда награждают циников и хохмачей театра и эстрады и им подобных, я думаю: «Может быть, учреждён орден «За заслуги в издевательстве над Отечеством»? Был же такой опыт в России, когда учреждали награды для врагов России, например, орден Петра Первого Мазепе. Нет, тут награждаются всерьёз за пошлейшие шутки, которые все ниже пояса. Развращение самой целомудренной страны разве не есть дело наказуемое? Гомосексуалисты — это содомиты, получившие имя по городу Содому, наказанному Господом за мерзейший грех. Картина Верещагина «Апофеоз войны» показывает пирамиды черепов содомитов Ближнего Востока. Эту заразу истреблял Тимур-Тамерлан. Он и на Россию шёл. Но Божья Матерь грозно велела ему повернуть войска, ибо в России такой заразы нет. И не будет! Почему не будет? Ведь злу не положено предела, и Конституция разврат не запрещает. Но на всякое зло есть средства, а на это найдутся самые действенные: дни, когда эти извращенцы собираются выйти на улицу, надо объявлять днями ВДВ.

Да ещё и мусульмане-братья нам помогут, да продлит Аллах их драгоценные годы и да восславит. Кстати, в ветхозаветном Израиле за такой грех забивали до смерти камнями. В наши времена можно обойтись без камней, но казацкая плеть не помешает. Надо же спасать, надо же вразумлять апостольскими словами «Живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8–8). Или «Тело не для блуда, а для Господа» (Кор. 6-13). Блудники на пять процентов больные, на девяносто пять развратники. Пять процентов лечить, остальных нужно воспитывать. Но что же скажет о нас так называемый цивилизованный мир? Он такой передовой, он нас настолько обогнал, уже и однополых венчает. Но что нам до того, кто и что о нас скажет. Не любят нас, ну и что? И не любите, лишь бы нас Господь любил. На Страшном суде любые Чубайсы пойдут в порядке общей очереди. И отсев будет серьёзный.

Я не взываю к состраданию, когда говорю о своём поколении, как нам доставалось. Жили трудно, ели лебеду, крапиву, ходили в лаптях, но было величайшее счастье любви к Отечеству, семье, друг к другу. Пушкина при коптилке читали. Как целомудренно любили, какие песни пели! Сейчас вместо музыки, гармонии, мелодичности

вакханалия ритма и шума. И децибелы, которые рождают дебилов. Это родственные слова.

Враги наши убивают наше прошлое. Убивают любовь к Богу и Отечеству. Но только любовью мы спасёмся. Любить Россию, Отечество, другого не будет. Нет у нас запасной Родины, тут нам жить и умирать, тут оставлять память о себе. Родина-мать, мать-сыра земля, матушка Россия-это навсегда.

Будем брать пример у предков, и мы победим. И кризисов никаких не надо бояться. Интересно, когда в России не было кризиса? В России всегда был кризис. Что бы ни случалось в мире, России всё на пользу. Жить надо спокойно. Не нервничать. «Какие нервы, — говорила святая праведная Матрона Московская, — на войне нет нервов. А мы на войне». Да, на самой главной войне-Христа с Велиаром, света с тьмой. Но это же главное счастье — быть воином Христовым.

И главное желание моего поколения — оставляя земную жизнь, сказать о молодых: «Вот мы, Господи, а вот наши дети. Они так же любят Тебя, Господи, и Россию, которую Ты вручил нам». Вот тогда-то будет не страшно, а радостно пойти из временной жизни в вечность.

Кучкар Наркабил

Кучкар Наркабил родился в 1968 году в селе Муминкул Алтынсайского района Сурхандарьин-

ской области Республики Узбекистан, в 1992 году окончил ТашГУ, факультет журналистики.

Он — член Союза писателей Узбекистана, поэт, писатель, драматург, заслуженный журналист Республики Узбекистан.

Автор прозаических книг «Плач за рекой», «Я пришел увидеть твои глаза», «2 рота: Афганистан», «Тайна под небом», «Мы не вернулись с боя...», «Самодил», «Вдалеке не было неба», «Первый день войны», «Улыбнись, любимая».

В Российской Федерации изданы его книги «Хочу увидеть твои глаза», «Тюльпан на снегу», «Улыбнись, любимая».

Несколько изданий России постоянно печатают его повести и рассказы. Награждён орденом Святой Анны и лауреат премии «Золотое перо Москвы».

Нигера ЮСУПОВА родилась в 1963 году в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный институт культуры (ныне ГИИКУз). Переводами занимается с 1998 года. Работает переводчиком редакции переводов Национального информационного агентства Узбекистана (УзА).

Неожиданная развязка
Рассказы
Любовь актёра

— О-о-о! Зулфияджан, какая погода! Нежные, тёплые дожди… Горы упираются в самое небо. Я в горах!..

— О-о-о! Зулфияджан, а какой лес! Прохлада. И опять… дождь…

— О-о-о, Зулфияджан! Вы не видели такого прекрасного пейзажа. Прямо у подножия гор есть озеро. Мы в нём купаемся…

— Зулечка, сейчас мы идём вдоль глубокого обрыва. Вниз смотреть страшно. Голова кружится. Вон там, в глубине, течёт весёлая река…

— Зулфияджан, милая, сейчас мы по канатной дороге поднимаемся на вершину. Ладно, буду осторожен…

— О-о-о, Зулечка, мы у подножия Эльбруса. Снег, всюду белый снег. Вы видели снег летом? Да, я тепло одет, милая. Ладно…

— Зуль… Зулечка! Мы возвращаемся. Мы ещё в дороге… Остановились около трубы, из которой извергается вода «Нарзан». Если бы вы были

рядом со мной… Вы получили бы необычайное удовольствие. Ладно, буду осторожен!..

«.. Ой, как он надоел. Ну и простак. Подкаблучник. Обо всём докладывает. Этот крикун высушил мне мозги. Не-е-ет, мне срочно надо перебираться в другую комнату…»

Нусрат брезгливо посмотрел в сторону актёра, снимающего из окна на телефон виды вдоль дороги, по которой мчался автобус, довольного и улыбающегося, продолжающего говорить, глядя на телефон:

— Зулечка! Возвращаемся. Впечатлений-море! Расскажу, когда приедем. Видели видео? Э-е-ей, зарядка кончается, сейчас телефон отключится. Ладно, милая. Возьму, конечно, возьму.

Нусрат с удивлением посмотрел на спутника. Актёр, мечтательно улыбаясь, закрыл глаза, прислонившись головой к окошку автобуса и напевая тихонько какую-то мелодию. С одной стороны, Нусрат ему завидовал. Хотя всем сердцем отторгал такое поведение человека в возрасте (где-то около шестидесяти лет), ежечасные отчёты которого о всякой всячине, мягко говоря, удивляли и даже раздражали. У этих людей искусства всё по-другому, даже личная жизнь. Кто знает, может, супруги не могут долго находиться

в разлуке друг с другом.

— Зулфияджан, мы приехали в санаторий…

— Зулечка, милая, я уже засыпаю…

— Зулфияджан, небо, звёзды закрыли тучи. Наверное, всю ночь будет идти дождь. Кто, а-а, сосед? Э-эй, какой-то тихоня, дрыхнет, как убитый. А какое ему дело до меня? Мне кажется, ему неведома любовь.

У Нусрата лопнуло терпение. Резко поднявшись, он включил свет. Актёр тоже вскочил с постели с вытаращенными глазами. Дрожит как осиновый лист. Нусрату стало не по себе. Видя, что актёр настолько сильно испуган, что не может произнести ни слова, Нусрат смягчился и по возможности спокойно произнёс:

— Утром убирайтесь в другую комнату. Иначе я за себя не ручаюсь…

— Что… что вы сделаете, друг? — еле выговорил актёр. Его руки были сложены на груди, как у провинившегося раба.

— Что надо, то и сделаю! Если выйду из себя, выброшу вас из этого окна. Может, и не умрёте, но рассыплетесь на куски, это точно.

Актёр представил, как он падает со второго этажа, глубоко вздохнул и зажмурился. Потом испуганно юркнул под одеяло. Он молчал. Ну-

срату стало смешно. Еле удержался, чтобы не расхохотаться. Резким движением открыл окно. Из-под одеяла послышался испуганный всхлип.

Утром, увидев, как, съёжившись на уголке кровати, сидит хмурый актёр, Нусрат пожалел о вчерашнем. Глаза актёра покраснели. Плакал, значит. Нусрату стало жаль его. «Ну и пусть, больше не будет так тараторить, хоть немного отдохну от его болтовни…»

— Братишка, я прошу у вас прощения. Я сам себе удивляюсь. Когда вижу красивые места, хороших людей, сразу хочется поделиться с женой. Что поделаешь, у меня такая болезнь… Теряюсь… Говорю без умолку. Пока кто-нибудь не остановит, я всё говорю и говорю. Из-за этого даже на работу перестал ходить.

Нусрата удивили его слова. Он зло посмотрел на соседа, малоизвестного актёра, который исполнял какие-то малозаметные роли в кино:

— Раз всё так, почему не взяли с собой жену? Зачем так мучиться?

— Это невозможно…

— Почему?

— Жена не может приехать. Она умерла. Пять лет назад… Но я говорю с ней каждый день.

Из его глаз ручьём потекли слезы.

Нусрат вздрогнул. Ему стало не по себе. Покачиваясь, как пьяный, он вышел в коридор, потом кинулся во двор и без сил опустился на скамейку, одиноко стоявшую в конце аллеи. Задумчиво посмотрел на Кавказские горы. Дрожащими пальцами набрал номер. На экране телефона появилась фото его жены Айджамаль:

— Как ты, Жамаль? Как твоё здоровье? Срочно скажи сыну, чтобы купил билет на самолёт. На завтра как раз есть рейс. Прилетай! Не перебивай меня! Я тебя… я тебя… Я тебя… сам встречу в аэропорту.

Голос Нусрата дрожал. Не желая, чтобы это заметила жена, не закончив фразы, он выключил телефон.

Долго смотрел на горы, сейчас, в эти минуты, он не мог, не решался идти в комнату, где сидел человек — сильный, могучий, куда сильнее его, Нусрата, могущественней всех людей на свете-человек, беззаветно преданный своей жене, своей любви.

Вряд ли будут читать…

Писатель был счастлив, очень счастлив! А как же иначе?! Ведь сам глава области распорядился

за полтора месяца построить для него библиотеку.

Вся его домашняя библиотека (а это свыше пятнадцати тысяч книг!) перекочевала в новый «собственный дом»! И комнаты отцовского дома вмиг стали просторнее.

Писатель вздохнул свободно. Поблагодарил Всевышнего. Нет, у него язык не поворачивается сказать: «Личная библиотека». Неудобно. Но хорошо звучит: дом-библио-тека!

Не зря говорят: книга несёт свет, книга учит жизни. Белоснежное здание библиотеки, построенной в правом крыле школы, кажется, излучает свет. Не кажется, она и впрямь, как солнце, озаряет всё вокруг.

Одноклассник — учитель Мамат, беседовавший с ним под бурно цветущей вишней, — сказал:

— Друг, хорошее дело ты сделал. Ты воздвиг себе памятник, а не библиотеку. Этот дом-библиотека войдёт в историю как памятник о тебе…

Писатель улыбнулся.

— Чего смеёшься, я сказал то, что думаю. Видишь, библио — тека излучает свет: если бы земля отпустила, она бы взлетела к Солнцу…

О боже, в голове писателя кружились такие же мысли…

— Если бы земля отпустила, я бы тоже взлетел, друг…

— Во сколько собираемся у тебя? Кого пригласил? — перебил его учитель.

— Друзей из области и района.

— Ты молодец.

— Почему?

— Ты знаменит, живёшь в столице. Однако никогда не забываешь своё родное село. Тебя народ любит, уважает. Правильно делаешь, что не забываешь нас. Никогда не забывай свои корни!

Вот уже сорок лет, как писатель покинул отцовский дом. Покойная бабушка говорила: «Кто не уходит от родной земли, не становится ей чужим, кто остаётся с ней, тот обретёт и славу, и богатство». В отцовском доме остался младший брат. Он всегда ворчал: «Брат дом не строил, денег не скопил, только собирал книги. Вон — полон дом книг. Не дом, а книжный склад».

Сегодня дом брата стал намного просторней, освободился от книг. Теперь и детям есть где поиграть.

…Зазвонил школьный звонок. Выбежавшие из классов дети побежали к библиотеке. Писатель был взволнован. Он подумал: «Самое лучшее, что я создал в своей жизни, — это библиотека!»

В обеденное время в отцовском доме (теперь в доме брата) собрались односельчане на худайи[7]. Зарезали барана, накрыли стол.

А вечером в освободившейся от книг гостиной опять накрыли стол. Теперь, после основного мероприятия с чтением молитв, жертвоприношением, в гостиной собрались друзья писателя. На столе, кроме всяких яств, стояли бутылки с алкоголем. Шутка ли, пришли друзья писателя — высокопоставленные чиновники районного и областного масштаба.

Вечер становился всё более интересным, гости произносили тосты в честь книг:

— Без книг нет знаний, книги — это кладезь науки, — сказал самый авторитетный из гостей, — тот, что сидел во главе стола.

— Друг, писатель ты наш, молодец! На открытие приехал сам руководитель области. Ты молодец! — высказывался другой гость, немного ниже рангом.

— Книга — свет в нашей жизни. Надо всем читать, чтение — ключ ко всему, — подхватил другой друг-чиновник.

— «Я благодарен книге за все, чего достиг», —

---

[7] Примечания: 7
Худайи — молитва, мероприятие — *(прим, автора)*

говорил Горький, — вставил тот, что сидел во главе стола.

— Сегодня писатели — самые активные и значимые члены общества. Повысились интерес и внимание к книге, — высказался ещё кто-то.

— Писатель — это талант. Иногда мне тоже хочется написать книгу, — сказал чиновник из района, бросив взгляд на прислуживающего гостям учителя Мамата.

А учитель Мамат с раздражением подумал: «Ну да, вместо головы — тыква, а тоже мечтаешь написать книгу!»

Чиновники-друзья допоздна пировали, беседовали, пели дифирамбы книге и писателям, говорили о том, что они дали миру. За всю свою скромную историю село никогда не слышало таких хвалебных слов в адрес книги.

В разгар вечеринки писатель каждому из сидевших друзей подарил свою книгу с автографом. От хвалебных слов в свой адрес он даже прослезился. Выпил бокал до дна. Опьянел немного.

Гости разошлись поздно, за полночь.

На следующий день писатель проснулся рано. Позавтракал с братом во дворе. Стал готовиться к отъезду в город. Вошёл в гостиную, чтобы одеться. Гостиная была уже убрана, всё блестело

чистотой. Надевая рубашку, писатель бросил взгляд на маленький столик, стоявший в углу. На нём лежали книги, которые вчера вечером он подарил своим гостям. Глянул и не поверил своим глазам. Стоя, посчитал их. Шесть. Гостей было семеро. **Кто-то из них всё-таки взял свою книгу…** Писателю стало не по себе. Не смея подойти к столу с книгами, он горько усмехнулся и быстро и вышел из комнаты.

Перевод с узбекского Нигоры ЮСУПОВОЙ

Надежда Середина

После публикации романа Надежды Митрофановны Серединой «Чёрная птица на белой

сирени» (журнал «Подъём», 1997–1998) критики стали говорить о новой серьёзной прозе. С 1997 года Н. Середина-член Союза писателей СССР. В 2017 году Московская городская организация Союза писателей наградила автора дипломом имени И. А. Бунина «За верность отечественной литературе» с вручением медали «И. А. Бунин (1870–1953)». В 2022 году Российский союз писателей присудил ей первое место в номинации «Проза».

Диапазон её дара широк, тематика меняется, мастерство обогащается. Об этом убедительно свидетельствуют её 40 книг и более 300 публикаций в журналах и газетах. С 2007 года Н. Середина-член международной писательской организации «ПЕН-центр». В 2021 году МГО СПР наградила Надежду Середину дипломом лауреата конкурса «Преодоление» литературно-общественной премии «Жизнь задыхается без цели» в честь 200-летия Фёдора Михайловича Достоевского. В 2022 году награждена дипломом литературного конкурса «Классики и современники».

Двадцать лет спустя
Роман в трёх частях

Часть I
1. Возвращение полковника

Шёл двадцать первый год третьего тысячелетия, начался март. У полковника Бориса Константиновича в машине и холодильник, и спальник. Он смотрит новости по старой военной привычке.

— Великий Джо — 46-й или 47-й президент США? — спросил водитель полковника. — Как он назвал нашего? Спятили они, что ли?

— Тихо! — полковник вслушивался. — Что происходит на золотых кольцах бульварной Москвы? У меня в Москве дочь Кира, она всегда куда-то лезет. Салон завела. Политикой увлекается. Какую-то чёрную вдову приютила. У той сын-алкоголик сделал сироте из детдома троих дочерей и бросил. Вот вам и народ. Голодает сирота с тремя девочками. Дипломаты? Страшно далёк Тверской бульвар от МКАД.

— Дипломата вспомнили через полвека. Дореволюционного. У него уже дочь бабушка, а сын умер. Чудят. И генералиссимуса ругают. А что он им плохого сделал? У него одна пара сапог была и зимой, и летом.

— Свобода слова. Вошли в третье тысячелетие.

У каждого своя правда. Может, у этого дипломата дочерей насчитано видимо-невидимо, ДНК вот бы сказало.

Но для водителя есть одна правда-народная. Он слушает с ухмылкой. Джо отвечает журналисту что-то непонятное, а потом назойливый журналюга вытаскивает из семидесятивосьмилетнего президента что-то, то ли убийца, то ли киллер. О ком он, о Владимире Владимировиче? Круто дед взял, боится его, что ли? Или вспомнил великий Джо что-то о своём первом приезде в СССР, когда встречался с великим и могучим дипломатом Громыко. Комментатор русского телевидения не уточнил. Полковник в тонкостях языка английской дипломатии не разбирался. Ликвидаторы в спецслужбах есть. А вот киллер — это из другой серии. Кино кто-то перепутал или режиссировали под лохов. Началось, шаг вперёд к международной, два — назад, к блокаде, холодной войне.

Полковник напрягся: что, опять война, холодная или горячая? Выключил вещание, откинулся на сиденье, не хотелось вспоминать войну. Настроился на детство, там, в далёком добром детстве, всегда можно расслабиться, отдохнуть.

Было это более полувека назад. Где-то тут, совсем рядом. На земле предков. Он умилённо

улыбнулся.

Весело течёт по лесостепи, ныряя в кустарниковые заросли, шелестя камышом, река со странным названием Битюг. Полковник объездил полземли, но такого места не видел. Орехи, черёмуха вдоль реки… Лес почти райский. Но райское время для Битюга — от апреля до ноября. Зимой Битюг спит, спрятавшись подо льдом и снегом. На правом берегу Битюга — посёлок Анна с Христорождественской церковью, с 1788 года, со времён князей Барятинских. А по левую-лесное зверьё, нечисть лесная: кабаны да лоси, бобры да зайцы.

Иногда хочется окунуться в реку чистых воспоминаний, в детство. Вчера его оглоушила новость в «Новостях» ТВ. «Угу, — сказал из ящика великий Джо. — Он киллер». «Кто?» — хотел переспросить полковник и вдруг услышал: «Кто как обзывается, тот сам так называется». Что это за детский сад? Малахов популярен. Его. ДНК. «А сколько у меня детей, — подумал полковник и стал считать ночи, жаркие, безлунные, — тридцать, тридцать один, сорок. Стоп. Дальше не надо». Сенсация, которая могла бы перевернуть мир полковника, — это где-то выросший его сын или, может, дочь. Как казалось ему ночью, в бессонницу, он

не один на этой прекрасной земле. Вот и о нём кто-нибудь когда-нибудь что-нибудь вспомнит, может быть, и напишет. В жизни стало как на войне, как на ринге.

Полковнику Борису Константиновичу приснился сон, что он — река, течёт и разговаривает с деревьями, с птицами, со зверями. Весной они с матерью собирали ландыши, и он увидел, как над родником поднялась и, вытянув длинные ноги, полетела огромная птица.

— Гусь! — поднял Боря руки.

— Это цапля, — мама загадочно смотрела в небо.

Лето — оно короткое. И он бежит босиком по речному серебрящемуся песку, чтобы бултыхнуться с невысокого глинистого обрыва. А внизу, в холодной глубине реки — раки. Он хватает одного, но рак борется, пятится под корягу. Рак спрятался. А вот улитки. Они прячутся в самих себя, как малыш, закрывающий лицо руками. Но дальше своего панциря-коробочки улитки спрятаться не могут.

На берегу — мама, и белые бабочки порхают вокруг неё. Она привела сына к реке, чтобы летом зарядиться солнцем, счастьем, теплом и светом. А отец — он всегда занят, его работа — служба,

он военный.

Вот и сентябрь. Школа от реки далеко. Лето пролетело, и завтра в школу, и папа не пойдёт с ним на первый звонок, хоть сын его и очень просил. Мама с большим букетом бордовых гладиолусов улыбается. Она привела его на школьный двор, отдала гладиолусы и сына учительнице.

Анна Ивановна взяла величавые гладиолусы и повела в класс взволнованных детей.

Из окна, через площадь, был виден военкомат, папа ведь тоже смотрит на него в окно из военкомата, Борис бывал у папы и видел из окна свою школу.

…Машина везла полковника в аэропорт. Но до самолёта было ещё пять часов. И на полковника нахлынула волна откуда-то из глубины детства. Захотелось вдруг прикоснуться к школьной парте, услышать звонок на перемену и особый шум школьной перемены.

— Успеем в Анну заскочить? — задорно спросил он водителя.

— Что? Да, попробуем, Константинович, — водитель переключил скорость, выезжая на большую трассу.

Трасса уходила на северо-восток, туда шла и одноколейка, там тупик железнодорожный. Даже

Гражданская война обошла стороной посёлок Анна. У Андрея Платонова в «Чевенгуре» почти все события проходили на крупных узловых станциях, а в Аннинский тупик его герои даже не заглядывали. Сюда и сама советская власть шла не спеша, словно давая людям приспособиться к новым законам, не разрушая в спешке ни храмов, ни дворцов, ни хижин. Да и дворцов здесь особых не было. Князь Барятинский, говорят, не наведывался сюда, а люди: и крепостные, и государственные, и монастырские — жили общинно.

Гитлер не дошёл до Анны, хотя путь-то всего сто вёрст от боевых действий. Тупик. Беженцы, не успевшие эвакуироваться в Узбекистан, оставались в Анне, спасаясь от войны.

Воронеж — город-герой — с землёй сровняли. Правый берег, ещё Петром Великим отстроенный, был в руинах.

Особое это село, с названием Анна. Богородица Мария рождена Анной. Машина притормозила у храма. И зазвонили во все колокола. Удивительно. Он сам вышел спросить у аннинцев: где же школа-то?

Метель занималась, всё веселее обдавая снежком. Кругом белым-бело, словно чистый лист бумаги предлагал кому-то переписать свою

жизнь заново.

Аннинцы удивлённо смотрели на него и шагали между сугробами, одни в сторону храма, другие в сторону военкомата. Военный человек был его отец, стал военным и сын. В советское время всё было понятно: работали для народа, для Родины.

Школы что-то не видно. Храм есть, а школы нет, будто и не было. Но была же! Послевоенные школьные парты были не похожи на современные школьные столы. Сама доска стола наклонена была вперёд, и крышка открывалась. И спинка была, а под ногами-подставка. Сиденье-лавочка на двоих. И углубление с краю крышки стола-для чернильницы. И скрипели пёрышками, выводя букву за буквой.

Анна Ивановна объяснила первоклассникам, как правильно сидеть: спину прямо, а руки, сложив одну на другую, так, чтобы пальцы касались локтей.

Борису это показалось смешным, руки прятались, как улитки. У девочки с белым бантом тоже руки лежали улиткой. И он уронил голову на парту и засмеялся. Девочка тоже рассмеялась. Пушистый бант трепыхался белой бабочкой.

И мальчик на первом ряду прыснул со смеху.

И девочки повернулись и тоже стали смеяться, махали шёлковыми крылышками их банты.

— Расскажи всем, Боречка, что ты смеёшься? — подошла к нему Анна Ивановна и тронула за плечо.

Она сразу поняла, что он был заводила, зачинщик, и решила, что он подходящая кандидатура для командира «Звёздочки». А потом он станет командиром пионерского отряда. Окончит школу с золотой медалью.

Полковник вспоминает Москву, дочь Киру и её кухонный салон, где собиралась элита. Борис поднял голову: оказалось, смеяться на уроке нельзя?! И класс затих, втягивая головы, словно улитки, складывая руки.

Учительница окинула всех взглядом и сказала:

— Мне тоже очень весело. Я рада, что вы пришли. Буду у вас вторая мама, как написал Андрей Платонов, писатель из нашего Воронежа. Сегодня у вас будут уроки чистописания и рисования…

И был домик учительницы рядом со школой, и был чудо-сад. Где же школа? Пошла под снос? На снос? До основания? Сон-сад. На душе тяжко. Заметает упрямо голубая метель. Я сюда возвращусь. Вернулся. Вот же поэт писал о себе, а получилось, и полковника проняло. Смахнул

слезу. Знал Анатолия Поперечного и с братьями Радченко познакомился на юбилее Любови Белогородцевой. Судьба на хороших людей не обидела.

— Сейчас выйду и ещё спрошу, — притормозил водитель, понимая полковника.

Полковник, вынырнув из воспоминаний, выскочил сам из машины и нетерпеливо крикнул прохожему:

— А где же школа?

Прохожий, увидев погоны, заторопился по кривой тропинке мимо сугробов.

— Да я же помню. Тут она была. И учительницу помню. Анна Ивановна нам приносила чай и хлеб. И кормила нас. И мы ждали её на крыльце школы. А снег, белый, чистый, укрывал нас словно пеленою. После войны и снег казался другим, белее, чище.

…Через полчаса водитель выехал на трассу и погнал, боясь опоздать на самолёт. Метель стала отставать, и полковнику показалось, что он перегоняет не только метель, но и время. Чем заполнить пространство времени между детством и зрелостью, когда года к суровой прозе клонят? Но ведь была же там старая школа. Где она? Снег, пахнущий ландышами. Тропинки, вытоптанные

среди сугробов, колокольный звон… храм над заснеженной Анной. И как чистый лист бумаги, вся жизнь впереди. И сейчас выйдет Анна Ивановна с душистым чаем и белым хлебом и поведёт их в райский сад детства…

Смотрел на дорогу полковник и вспоминал другую дорогу, по которой он бежал и молил, чтобы машина далеко не уехала.

Ему десять лет, бежит по дороге, словно убегая от чего-то страшного. За ним должна была заехать машина, чтобы успеть на станцию к приходу поезда.

Мальчик жил месяц с бабушкой, слепая, она никогда не улыбалась. И вдруг вчера ночью заговорила:

— Твой дед стал красным, когда пришли красные. Мы были не совсем бедные. Была лошадь, но по весне сдохла. Корова не отелилась. Только цыплят вывела чёрная клушка, да котят принесла кошка. Я цыплят от кошки в кошёлке спасала. И стал он работать на красных, строить лучшую жизнь. Паёк стал домой приносить, по жребию делили они лишнее. Лишнего у богатых было много. «Вот и царствие небесное», — думала я, молодая была. Была у меня чёрная курица, всё на яйца садилась. Исчезнет, а потом приведёт

цыплят ко двору. Посадила я цыплят в кошёлку, захожу в избу, а тут дверь долбанули, чуть с петель не слетела. И на пороге-он. Бежал? Отпустили? Вчера его раскулачили, а сегодня он — вот стоит живой…

Стоит, в косяк двери плечом упёрся, усмехается. А за ним ещё трое.

— Где хозяин?

— Ты? Вчера тебя забрали…

— А сегодня отпустили! Наша власть!

— Как же это?

— Хозяин где?

— Нет… Его нет. Уехал.

— На чём же он уехал?! У него и лошади-то нет. Куда же он уехал? — и подошёл, глаза в глаза. — От власти не уедешь!

Вдруг в окне мелькнула фигура хозяина с вилами.

— Ха! Ты, баба, брешешь! Власти врёшь?! — сдержал гнев, не ударил, только за шею взял с силой, точно подкову гнул. — Молчать будешь — жить будешь.

— Кто здесь? — загремел голос хозяина.

— Ты мне должен шесть мер пшеницы. За долгом пришёл. А ты думал, меня в Сибирь, и долг простится тебе?

— Это не я! Это власть!

— Власть может быть разная, а человек один. Ты был вчера власть, а я — сегодня.

— На один день ты власть.

— Мне хватит, — зловеще ответил кулак. — И ты на один день. Я не барин! Я такой же мужик, как ты. Ты почто у меня вчера корову и лошадь свёл? За что детей моих осиротил? Меня в Сибирь за что?

— Я за власть.

— За какую? Твоя лошадь сдохла, корова не отелилась. А меня под власть!

Я не выдержала, вскрикнула да кошёлку с цыплятами на пол уронила. Чёрная курица как подпрыгнет, да на кулака, чуть глаз ему не выклюнула. И давай по избе летать, как ворона. Дети на печи закричали.

— Домовые! — пнул курицу, швырнул кошёлку, раздавил цыплёнка желтого. — Нечистая здесь!

И навалились на моего деда четверо и поволокли на гумно.

— Пусти! Завтра в правление пойду, тебя опять арестует новая власть.

Это были его последние слова. И исповедаться не успел. Порубили на двенадцать частей. А меня заставили собирать в кошёлку. Так и ослепла. Это

я виновата-если бы клушку не выпустила, дед был бы жив. Власть — страшная страсть.

Бежал мальчик и молился первый раз, как мог, чтобы машина далеко не уехала. А бабушкин рассказ, как страшная история про чёрную курицу, слышался ему.

И вдруг… догоняет машина, останавливается.

— Садись. За твоими родителями едем на станцию.

.. Полковник стряхнул сон воспоминаний, более полвека назад это было. Водитель иномарки включил громче музыку. Всё на английском. Время, как река, жаль только вот из детства что-то возвращается страшное. Он всю жизнь служил одной власти.

А теперь река эта вспять потекла? Время пришло? Чтобы поднять себе настроение, он стал вспоминать свадьбу.

В поездке мысли Бориса Константиновича разъезжались в разные стороны: память у него была зверская. Любил он дорогу, как киноленту своих воспоминаний. Он был в Москве, когда были Громыко, Шевченко, Яковлев, Горбачев, Ельцин… И те, о ком мог бы написать книгу жизни. Как бы он её назвал?

А по каналам ТВ вещали, что в 1979 году был

первый приезд тридцатишестилетнего Джо в Москву. «Человечество благодарно ленинградцам за их великий подвиг», — сказал Джозеф Робинетт Байден и возложил венок к памятнику Родины-Матери. 27 августа газета «Правда» писала, что семь сенаторов во главе с Байденом побывали в Москве и в Ленинграде. «Жалею, что надо уезжать из Москвы так скоро» — 31 августа. Белый дом. «Перспективы советско-американских отношений хорошие!» А за два года до этого журнал Time включил Джо в список «200 лиц завтрашнего дня, которые будут вершить историю».

И тут в памяти полковника возникла свадьба, встречи, любимые и просто хорошие женщины. Мир женщин казался ему всегда непостижимым. После войны выбирать девушкам было не из кого, и они рожали детей для себя. Вот таких уважал он, которые, возрождая страну, рожали для себя. Полковник знал таких женщин и сейчас вспомнил одну. И рядом с ней одного известного дипломата, тогда только начинающего.

2. Девушки в Москве. 1953 год

Оттепель 1953 года. Было тогда Евдокии неполных тридцать. Она улыбалась, стоя на Горбатом

мосту: такой старый маленький мост, а столько свадебных замков на нём. Не обрушится, когда проедут венчаться?

Подруга её рассказывала о Москве и москвичах, она много читала и мечтала поступить в МГИМО, чтобы изучать восточные языки. Откуда и когда пошла эта свадебная традиция, как загадка, приключение — вешать на мосту замки на счастье, а ключ прятать у себя? Подруга любила шутить. Она говорила, что статисты не проверяли, у какого замка счастья больше, но мосты продолжают объезжать и обвешивать замками, как новогодними гирляндами.

Москва не исключение на богатые традиции, она не сразу строилась, а прирастали к Кремлю деревни, как грибы к пеньку. Так из глубинки её и зовут, мол, большая деревня. И тут сто лет назад с валенок сразу в сапоги переобувались. Но москвичи так не считают, особенно лимитчики. Приезжая из большой деревни в маленькую, они первым делом называют себя столичными жителями. И расписывая красивую жизнь перед односельчанами, бахвалятся то один, то другой, что в минуту жизни грустную возьмёт да и рванёт наудачу в большой город.

Евдокия никогда не забывала, как они с Любой

гуляли по Москве в 1953 году. Это был Октябрь её жизни, маленькая революция в жизни женщины. Евдокия с подругой прибыли из маленькой деревни в большую, в Москву, за счастьем, за судьбой, за лучшей жизнью. Стояли они на Горбатом мосту и разглядывали большие и маленькие, блестящие стальные и красные крашеные замки и мечтали о женском счастье. Проходящий мимо старый сгорбленный человек посмотрел на них и сказал: «Счастье будет полным, когда восстановится древо всего рода. Рожайте».

Евдокия — сирота, ровесников её сразу после школы на войну отправили, отец ещё в Японскую ноги потерял, чайником называли его, когда он катил сам себя по базару, надеясь на милость торгующих и покупающих. Кому блин с икорочкой, а кому с корочкой и стопочкой. Это длинная история короткой его жизни. Она отца едва помнила. Где же ей, сироте, ещё искать счастье, как не в Москве? Счастливая Москва из одноимённого романа Платонова тоже была сирота. Настоящий москвич тот, кто Москву любит. Они Москву любили, как мать родную, которую потеряли в детстве. Знать примечательности-это ещё не всё, нужно дышать духом старого города. Вот и мост Горбатый не забывают, едут и едут молодожёны,

чтобы замкнуть его своим замком на счастье. Легче примирить державы, чем образумить влюблённых.

Семьсот или более лет назад здесь было село Кудрино. И Москвой это место не считалось. И протекала река Пресня. Но по какой-то причине река изменила своё русло, а мост остался. И шли строевым маршем через мост барабанщики всех времён.

Улицу Кудринскую в 1919 году переименовали в Баррикадную в память о начале революции 1905 года.

Теперь на экзаменах абитуриенты на вопрос: «Сколько было в России революций?» — быстро должны отвечать: «Три». Троечникам же этот ответ кажется непонятным.

Первая русская революция — 1905–1907 годы. Лев Толстой написал статью «Не могу молчать», призывая к пониманию бед народных.

Вторая — Февральская — 1917. И сразу третья — 1917-Октябрьская.

А революцию 1991–1993 годов назвали Перестройкой-и в архив на пятьдесят лет. Коренные москвичи предпочитают знать историю мест, где проживают.

После Горбатого моста девушки пошли в Тре-

тьяковскую галерею. В зале Крамского смотрит на них отстранённо, словно не подвластная времени, «Незнакомка». Улыбка освещает её лик, глаза прячет. Шляпка, карета с открытым верхом и претензия на роскошь.

Приходили сюда и будущие дипломаты. Андрей, когда ещё не был дипломатом, стоял пред этой роскошной женщиной так долго, что она стала оживать в его воображении. Такие моменты наслаждения красотой становились реже.

Андрей увидел женщину, похожую на его молодую жену. Что это? Сигнал из прошлого? Вот она, молодость, вернулась, пришла через восемнадцать лет. Жене было столько же, когда она раскачивалась на качелях, а он любовался её взлётами. Но быстро, почти сразу женился, и она родила ему через год сына. Ему показалось, что те качели были так давно, что он забыл, чувства охладели.

Он смотрел то на «Незнакомку», то на девушку, которая тоже смотрела на картину Крамского. Эта девушка вышла из рамы, вышла за рамки? Портрет ожил, как у Гоголя. Белорусского языка он не знал, украинского тоже не знал, хотя фамилия украинская. Делегация ушла, а он всё стоял и сравнивал, кто обворожительнее: портрет или

женщина, словно шагнувшая к нему из открытого экипажа.

Он не мог заставить себя уйти, что-то произошло с ним, сломалось в нём. Стержень, воля, разум предательски молчали. К молодой «незнакомке» подошла дама постарше и что-то ей шепнула, и они обе посмотрели на него. И тут он подошёл и дал даме постарше два пригласительных билета в театр. И сказал, что его зовут Андрей. И почти бегом бросился догонять делегацию, но переводчик и гид, видя, что он отстал, ожидали его в соседнем зале, внося подробности в каждую картину до мелочей.

Штаб-квартира ООН, июнь 1945 года. Андрей, первый представитель от СССР.

Важно закрепить победу в документах, дать народам мир, восстановить разрушенное, залечить раны, оплакать погибших.

Небольшой краеведческий музей хранит по сей день картину Ильи Глазунова «Портрет с женой». Суровый и неприступный. Дипломат умер в 80 лет. Ещё один говорящий портрет дипломата и отца троих детей — «Портрет Андрея» — хранится в Гомельском дворцово-парковом ансамбле. Вот и книга «Памятное». Тут и диван с подмосковной дачи.

Карьера Андрея начиналась во времена сталинских реформ. Сдержанность, воспитанная на страхе перед наказанием, выработала в нём особый вид терпения. Его не били в семье, но пугали, не пытали на службе, но страх разрастался с каждым годом, и он научился этот страх прятать волевыми усилиями. Воля, которая давала ему возможность затаиться и ждать, когда источник страха уйдёт или погаснет. Умеренность и аккуратность — несмешные достоинства Молчалина, тут Грибоедов немного ошибался. И чтобы не вызывать раздражение и гнев начальника, нужно уметь ладить, неуклонно поднимаясь вверх по лестнице власти. На этом подъёме много опасных скал, лавин, но он, или кто-то за него, выбрал этот путь. Риск подхлёстывал желания и укреплял волю. Был он для начальства исправный, но ни с кем не делился планами, не советовался в моменты сомнений, не подстраховывал себя поддержкой друга. Он не ограничивал себя в удовольствиях, но всегда на виду соблюдал меру. Невозможно потерять контроль над собой, когда карьера на взлёте.

В театре дипломат сидел спиной к ней, но чувствовал её. Он не мог следить за игрой на сцене, какие-то чувства волной обдавали его, он бо-

ролся с ними, но от этого мысли его ещё больше путались. Эти места он обычно давал тем, кто был вроде телохранителя. Теперь она дышала, шептала, вздыхала за его спиной. Давали «Марию Стюарт» Шиллера. Сталин умер полгода как, Берия арестован… Устроили комедию суда. И в 1953 году лишили всех званий, и в конце июня арестован за шпионаж организатор создания атомной бомбы. «Берия вышел из доверия», — пели пьяные на базаре. А жена его не верила никому. Она, сирота, в шестнадцать лет сбежала с ним без благословения и свадьбы, мечтая о Бельгии. И дожила до перестройки 1991 года. И особняк на Малой Никитской тоже выстоял, но розарий там уже не тот. Московские декорации поменялись.

Маски от Шиллера до очаровательно смешного студента Шурика в фильме Гайдая. Убийца, заговорщица, интриганка? Или мученица, оклеветанная лукавыми царедворцами? Маски прошлого и маски будущего. Только маски. Шиллер срывает маски. На сцене две королевы: Мария — королева шотландская и Елизавета — королева английская. А какую бы роль ему выбрал великий режиссёр? Графа Лестера? Нет, он бы не стал ходить на спектакль в разные театры, если бы отождествлял себя с Лестером. Хитрый

манипулянт. До определённого предела. Жиголо. Лизавета хорошо кадры подбирала. Очень наивная пьеска.

Какие противоречия эпохи Возрождения! Ольга Чехова училась математике у отца Берии… Как тесен мир, и сцены жизни переменчивы. Театр ли жизнь, и мы её актеры?

Он прислушался к разговору дам и понял: его «незнакомку» зовут Евдокия. Он передал ей приглашение в антракте, она могла пройти на демонстрацию, как гость, стоять за теми, кто на трибуне. Это случилось накануне Октября 1953 года, в год, когда умер товарищ Сталин. Да-да, того самого, в честь которого более семидесяти лет водили советский народ на праздничную демонстрацию, чтобы показать всему миру строителей коммунизма. Каждый из них мог получить высшее образование очно или заочно, одни студенты шли радостно, пели песни, другие студенты участвовали из страха лишиться стипендий. Но никто открыто не протестовал. Да и зачем протестовать против праздника! Дали бесплатное образование-учись хоть до пенсии, правда, на право учиться во втором вузе нужно было специальное разрешение.

Лечили народ тоже бесплатно, одинаково, как

во времена Чехова: пойти дать, что ли, валерианы всем. Железный занавес тормозил желания и не возбуждал граждан на нижней ступени пирамиды Маслоу. Примерно так думал Андрей, и совесть его была, не сказать, чтобы чиста, а спокойна. И перед партией он был чист. И к выходу на пенсию газеты не хватило бы описать его награды.

Вот так он и познакомился с Евдокией в период своего приезда в Москву из Европы. С ней всё начиналось как-то не по правилам. Она не укладывалась в систему понятий, которые господствовали в его голове. Он жил на даче, хотя семья его уже переехала на городскую квартиру. Он редко бывал пьян, помня, что дипломат роет себе могилу рюмкой и любовной интрижкой.

Он подслушал её разговор в театре: «Твои родители кто? — Я сирота. — Какое у тебя образование? — Семь классов. — Где ты была в войну? — Санитарка я. С эшелоном ездила».

На даче, в одиночестве он вспомнил театр, «Марию Стюарт». И тот разговор девушек за спиной… Вспомнилось, как познакомился с женой: девушка раскачивалась всё сильнее и сильнее. Так и жизненные качели. Семья. Молодые аспиранты. И сразу родился ребёнок. А потом — война, по-

гибли братья. Представляете, сколько бурлаков не родились. Взрыв атомной бомбы: «Ну и жахнули!» Он в это время был в Америке. Он молчал, слова, как золото, сберегая. Выработал у себя привычку слушать. Он хотел стать лётчиком, но опоздал, принимали только до двадцати пяти лет. Увлекался изучением английского: язык и довёл его до Америки. Но Октавиана Августа дипломат не забывал, и в записной книжке у него было на первой странице написано «Augustus — божественный, величественный. 63 год до н. э. — 14 год н. э. Гай Октавий». Вдруг на него нахлынуло то театральное настроение, которое ему впервые открыл гастролирующий артист, играющий Октавиана Августа.

Помимо его желания вновь ему захотелось блеснуть перед молодой женщиной, и он раздал билеты в театр. В кармане пиджака лежали его визитки и приглашения: сельская мальчишеская привычка, что-то да в кармане должно быть.

«Что может быть выше мира в семье и работы?» — вспомнил он слова отца.

Дипломат отдыхал на даче в одиночестве и от многодневных сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Это такой театр дипломатических действий! Он не снимал маску дипломата даже в

квартире. Не сходил со сцены сутками! Но тут, в Подмосковье, когда он один, снять маску и стать человеком такое наслаждение. И он даже разговаривал сам с собой.

«Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Ты знаешь, как они меня прозвали? “Мистер нет”. Кто заключит со мной мирное соглашение? У меня вся жизнь как война, — не теряя достоинства, сказала она. — У меня есть сводный брат по отцу. Он прокурор».

Октябрьские праздники. Дипломат вызвал машину. Надо ехать. Желание людского общения возбудило его. Хотя надо признаться, чувствам он не давал власти над собой. Чувства чувствами, а карьера карьерой, как говорила его мать: «Муха отдельно, а котлетку отдать тому, кто муху не видел». Она приводила ему в пример самого Октавиана Августа, о котором рассказывал ей заезжий артист. Спектакля она уже не помнила, но Августа вырастила в себе, как вынашивают ребёнка. Больше всего её удивило, что Август отнял один день у февраля. Она рассказывала это всем, но на неё смотрели как на чудачку. Август был наиболее радостным месяцем и в её жизни.

Через трое суток отдыха на даче он опять на работе. А девушки? А девушки — потом.

Нужно быть кристально чистым на виду. Не привлечь к себе внимание спецслужб. Не разрушить карьеру, так удачно начавшуюся при Сталине. Редко, очень редко были у него неслучайные случайности. Он был мягок и любезен с женщинами, и они к нему тянулись. Они чувствовали в нём что-то своё и словно в сомнамбулистическом состоянии доверялись ему. «Пусть лучше я буду ухаживать за улиткой. Она хоть медленно ползёт, зато несёт свой дом на голове».

Андрей был строг в общении с женщинами, глядел на них только как на партнёрш в достижении успеха в карьере. «Любой мужчина сильнее женщины», — считал он. «А всякий дом хозяином держится», — внушал ему дед. Словно по Гюго, он был как человек в маске: мало кто видел его настоящее лицо. Всегда сдержан, в пиджаке, при галстуке и в шляпе. Но мог и так ударить кулаком по столу, что у самого очки слетали.

Но для полного литературного портрета нет ещё штриха. Вот пришло время сделать этот последний штрих, чтобы восторжествовала истина, и «Незнакомка» ожила.

У него даже на даче на столе всегда книги разного направления, среди них глыбой-тома Льва Толстого. Дипломат любил брать книгу в руки,

подержать, полистать, выборочные страницы перечитывать. Ему казалось, что, если бы у него была свобода, как во времена Толстого, он бы написал «Мир и война». Где главным был бы мир. Если бы мир узнал о нём, то просто бы ахнул. «О чём? Чего такого в мире не было, что он бы ахнул?» — спросите вы, умный читатель. Вам, конечно, известно, уважаемые читатели, что Андрей рекомендовал Михаила Горбачёва? И вы, конечно, слышали о разгоне художников на Арбате. Он коллекционировал картины, ценил работы Ильи Глазунова.

3. В глубинке

Говорят, что параллельные линии пересекаются, если очень далеко устремиться в будущее. Там, за горизонтом Млечного Пути, время, место и действие обретают свободу. Какую? А кто ж её знает, свободу, стремящуюся к Абсолюту?

Евдокия стала бабушкой, дочка подарила ей внучку. Прошло почти полвека с того октября, когда Евдокия стояла на Горбатом мосту, гуляла по Соборной площади Москвы, удивляясь величественности храмов. Архитектура так действовала на неё, что она замирала, глядя на золотые купола

и колокольню, похожую на огромную свечу.

Евдокия привезла в деревню дочку-учительницу и тринадцатилетнюю внучку Олю. В городе жизнь у них не задалась, надо спасать. Она была санитаркой в военном эшелоне в войну. Одноклассники Евдокии сразу после школы шли на войну, Отечественную. И, пережив военное время, трудностей в мирной жизни она не боялась. Жить можно, живут же миллионы. Она давно сменила имя и фамилию и много лет не была в Москве. Жизнь сильно изменила её, она стала мужественнее, курила, как мужчина, могла матюгнуться на безобразника, защищая свою зону комфорта. Вышла замуж беременной за Михаила, внушала ему, что это его дочь, да и сама этому почти верила.

Евдокия, увидев около дома Михаила, обрадовалась, но виду не подала. Привыкла радость скрывать, словно кто-то унести может.

Михаил вышел за калитку встречать. Знал, что жена его, Евдокия, вернётся из города с дочкой и внучкой. Он по-своему любил её, по-стариковски, тихо и верно. В молодости много пережил он страстей, и когда встретил эту женщину, думал, всё — тихая пристань. А она оказалась беременной. Сам он примирился, а родня его взбунтовалась: не

наша кровь. Уехал с ней в большой город. Девочка росла разумной, трудолюбивой. И белокурой. Сам же Михаил чёрный, как смоль, с горбинкой нос и самые большие уши в деревне, за что прозвали его «слоном».

Вот и гости. Михаил, увидев перед собой Марию, белокурую, голубоглазую, и с ней такую же белобрысенькую девочку-подростка, засуетился. Они так похожи на Евдокию. Он понимал, что Марии не хотелось мешать матери в её кое-как налаженной жизни, не разрушать их дома. И Оля рассказывала, что бабуля с дедулей если и ругаются-бранятся, то только когда мама среди них. И рассказала, что когда ей было семнадцать лет, то Михаил в порыве гнева сказал ей, что он не отец ей. И что мама говорила о каком-то дипломате, о московских кривых улочках, о «Марии Стюарт» и «Незнакомке». И из журнала «Огонёк» висела над её кроватью эта незнакомка.

Попив чаю с мёдом, Мария и Оля пошли в школу. Ей нужна работа, а девочка будет ходить в 7-й класс. Матери, как учительнице, обещали квартиру рядом со школой. И ей хотелось скорее определиться, где она будет жить: с матерью и отчимом или отдельно с дочкой.

Михаил, чувствуя волнение и какую-то робость,

точнее сомнение, подошёл к своей жене и по-молодому приобнял её.

— Дуня! — не видит он запылённых морщин на её лице, а видит глаза голубые, родные. Несмотря на трудности, она не потеряла вкус к жизни. — Дуня, посмотри, кто там…

Михаил стоял около трубы, пустой и давно ненужной, торчащей метра на полтора вверх. Дотронулся до верхнего края и улыбнулся трогательно, нерешительно и глуповато.

— Посмотри.

— Где?

— В трубе! — сказал муж.

Евдокия нагнулась, прикрыв один глаз, словно собралась смотреть в бинокль.

— Ах! — отскочила. Из трубы рванулось шипение и шум. — Змея?! — испуганно уставилась на него, но, видя, что он смеётся, мстительно прошипела. — Ты ш-ш-што?

— Ты что, Дуня?! — дед не ожидал такого шипения. — Какая змея? Ты чего там, в городе, совсем закружилась? — Муж уже смирился, не спорил, она на пятнадцать лет моложе, он только улыбался. — Смотри, она сейчас вылетит.

— Кто?

— Птичка.

— Какая птичка?

— С птенчиками. Вот, смотри… — Старик провёл рукой над трубой, шипение, взмахи крыльев о трубу повторились. — Птичка гнездо там устроила. Птенчики будут…

— Надо их вынуть.

— Зачем? Ни кошка, ни коршун их там не достанут.

— А с пчелой что? — Евдокия, наконец, пришла в себя и поспешила осмотреть ульи, за пчёл она тоже переживала не меньше мужа.

Он поплёлся за ней: что-то без хозяйки да без горячего борща он совсем ослаб.

— Старая пчела далеко от своего жилища не летает.

Евдокия не обращала внимания на ворчание мужа, она смотрела, как возвращаются тяжелые пчёлы с жёлтыми корзиночками на ножках.

— Отдыхай, а мы тут по ульям посмотрим, прополис соберём, ещё рано к зиме заклеиваться.

Колюшка с интересом изучал пчёл.

Михаил пошёл на пасеку, там будет ждать юного пчеловода-помощника.

Колюшка пришёл, как только день стал клониться к вечеру. С дедом пошли в сарай, там сетка от пчёл, пустые ульи, старые рамки, сушь

с тёмными кремовыми сотами оттого, что пчёлы их как бы затаптывают, пачкают пыльцой и полируют прополисом.

Потом они обошли пасеку, посмотрели, как работают у летка пчёлы, нет ли воровства, нет ли признаков роения. Потом дед выбрал улей, который надо осмотреть. Колюшка сам снял крышку, дед был уже слаб, а парню было приятно чувствовать, что дед без него не может. Дед неторопливо отвернул тёмный коврик, покрытый прополисом, как пластилином. Улей загудел от удара прямых лучей солнечного света. Вот этот момент особенно возбуждает, когда с гудением поднимается пчелиный дух и окутывает головокружительным ароматом. Дед вынул рамку. Пчёлы, как жидкое золото, каплями перетекают по сотам.

— Главное, найти матку, если матка есть-улей будет жить.

— Вот она, вот!

— Светлее и крупнее рабочих пчёл, с длинным брюшком. Брюшко у неё, видишь, длинное, полное, яйцевидной формы, наполовину прикрыто крыльями.

Марии нравился этот паренёк, она вспоминала свою первую любовь. Потом вышла замуж не

за того. И всё пошло не так, как обещала первая любовь. Вспомнила, как они с дочкой после развода жили в рабочей слободке. И там она была невольной свидетельницей начала революции, как ей тогда казалось.

* * *

Ночь. Фонарь, похожий на луну. Как в ту маленькую «революцию», в которой победил народ. Хоть ненадолго, как в Париже.

Мария не могла уснуть всю ночь. Вся жизнь проходила перед ней, как большой прожитый, но ещё не написанный роман. Ей нужно было всё выстроить, обдумать и принять решение. Посоветоваться было не с кем, а жить одной здесь невероятно сложно. Она вспомнила отчётливо, ясно полнолуние августа того мрачного для неё года, словно там была скрыта разгадка сегодняшнего дня. Всё вспомнилось ясно, до деталей, будто это произошло не годы назад, а дни.

Мария вошла в кабинет, и директор сразу понял: не работник — проситель перед ним.

— Что? — кинул взгляд на заранее приготовленный лист бумаги в её руке.

— У меня ребёнок маленький. Я работаю. Детский садик нужен.

Дальше он не слушал. Смотрел. Перед ним стояла женщина моложе его лет на пятнадцать, миловидная, застенчивая. А это, хочет он того или нет, не лишено своеобразной заманчивости. Он встал. Прошёлся по кабинету от стола к окну. Коренастый, с крепкой красной шеей, обтянутой петлёй серого галстука. Смотрел в окно, сжимал замком пальцы на спине.

Она в ожидании молчала. А в окне-поля. Чистое, словно после дождя, осеннее солнце и от чистоты своей высокое и яркое. Повернулся, подошёл к молоденькой просительнице.

— Я всё понял! — улыбнулся, положил тяжёлую кисть на плечо, другой взял заявление. — Придёте завтра, — прошелестел бумагой. — Лучше послезавтра. Потолкуем.

— Послезавтра? В воскресенье?

— А вы что, работаете и в воскресенье?

— Нет.

Она протянула руку к заявлению, он разжал пальцы.

— Ты хочешь устроить своего ребёнка?

— Да.

— Что «да»? А муж где работает?

— Я разведена, воспитываю ребёнка одна. И без детсада… — начала объяснять и запнулась.

— Понятно! — его возбуждало в её голосе эдакая нотка горделивой жалости — вызова одинокой женщины. — Где работаете?

— В школе, в центре.

Он отошёл к окну, будто угадывая кого-то за стеклом, молчал. Медленно повернулся.

— А если заведующей? В садике человека ещё не утверждали. Пойдёшь?

— Я?

— И ребёнка возьму! Ну, подумай до воскресенья, — и, не глядя на неё, пошёл к двери.

Мария вышла красная, как из парилки. «Что делать? — думала она. — Человек хочет помочь. Но почему так?»

Мария зашла в магазин, как она говорила дочке, «за молоком». Запас денег кончался. У кого занимать?

— Замуж выйти — не напасть, как бы замужем не пропасть! — судачили у магазина бабы.

Она вслушивалась, выстаивая долгое время в тесной очереди.

— Я развод обмывала шампанским! — смеялась заразительно Тоська, утирая нос сыну. — Прямо после суда взяла бутылку-и к девкам. Шампанское пили!

— Ты-то вольная — в квартиру вселилась.

— А мне директор и говорит: «Веди мужика, тогда возьму и квартиру дам». Работники ему нужны? Тяпать! И садик не даёт…

— Садик-то один, а нас вон сколько. Через год своих, совхозных, девать некуда будет!

— Куда уж там! Каждое заявление подписывает сам!

— Правильно! Хозяин!

— Удумал, чтоб и отец, и мать у него в поле работали! А ушел-ребёнка из садика бери: «Наш садик! Вам сразу: и садик, и квартиры!»

— Как мы-то жили… Тяпка тяжела, как соха, и от зари до зари пашешь… — ворчливо шептала старуха. — Разбежались с села-то, и мужики за вами в город рвутся…

Жили там, где было жильё. Вот они и ехали, ехали, прослышав про скорое жильё. Мужиков везли и квартиры получали. Свадьбы перемешались с разводами: не то чтобы семьи распадались, а движение началось, обмен. Глядишь, от одной муж ушёл — у другой нашёлся; сегодня с одной расписался, через год с другой туда же идёт. В загсе-не в церкви, записывают не на всю жизнь, на время. А дети как огурцы на грядке.

Мария слушала, думала и решила в воскресенье к директору не ходить.

* * *

В понедельник с утра Мария пришла в контору. Тут стояли жёлтые «икарусы». Весёлые, точно туристы, городские рабочие в джинсах да кроссовках прохаживались возле автобусов. Трактор протарахтел, слившись с бодрыми утренними голосами. Мария поднялась на второй этаж, остановилась у двери директора, открыла. Какой-то мужик с загорелым лицом и такой же румяной лысиной подхватил её в дверях и, слегка стиснув, пробасил: «Ишь, смелая, против течения идёт! Куда? Против мужика не ходи…» Она молча отбросила его руку и очутилась в кабинете. Села у стола.

— Алексеевна, задержись… — остановил директор парторга, направившегося к выходу.

Высокая женщина, плотная, с мужскими сильными плечами, парторг подошла к столу:

— Остаться?

— Посиди, — показал на стул рядом с Марией. Дождавшись, пока все выйдут, начал: — Вот, садик пришла просить… Что будем делать?

— У меня заявление… — протянула Мария бумагу. — На комиссии райисполкома мне объяснили, что вы обязаны выделить место в садике.

— Причём тут комиссия? — читала заявление парторг. — Это наш садик!

— Напишите тогда, что отказываете…

— Я уже принял решение: или идёте работать в совхоз, или…

— Или? — вспылив, перебила Мария. — Почему вы заставляете меня ходить, просить, ждать, намекаете на что-то?! Я — учитель!

— Ну и что, что «педахох»? — заменила парторг звонкую «г» хриплой «х»: — Педахох! У нас вон и инженера, и художники, и писатели с тяпками ходят… Жить негде, вот и тяпают! Директор не дойная корова: плана не даст — его никто не погладит по шапке!

— По голове, — поправила учительница.

— Что?! — поднялась Алексеевна.

— Выражение такое… — начала объяснять Мария и запнулась, видя, как переглянулись директор с парторгом.

— Всё! Вопрос решён! — Алексеевна упёрлась мясистыми пальцами в полировку стола, придавив заявление. Потом рванула бумагу. Лист пикнул, раздвоился, на какой-то миг замер, словно в недоумении, и, нервно прошелестев, стал разлетаться мелкими клочками.

Маша ощутила себя маленькой, беспомощной,

как девочка младших классов. Перед глазами крутились, летели бумажные снежинки, будто затевалась метель, и откуда-то эхом докатывалось: «Всё! Всё. Всё…» Стыло, каменело в груди: «А как же с работой?» Шаг. Второй… Она старалась не наступать на разорванные строчки своего неровного почерка.

* * *

Вечером Мария возвращалась из города с дочкой. Девочку укачало в дороге, и она еле шла. Пятиэтажки в полях стояли серо, нелепо, диковато. Вдоль дороги к домам тянулись длинноногие тонкие тополя.

У конторы запылённые, уставшие рабочие столпились вокруг грузовой машины.

— Что здесь? — подошла Мария с дочкой.

— Танцы! Оставайся! — хохотнула Тоська. — Может, и нам дадут потанцевать…

Мария остановилась, прислушалась к разговорам. «Да где же она была-то?» Задавали вокруг вопросы и тут же отвечали: «Где ж? У матери, в селе. В отпуске». — «Да узнала-то как?» — «Как?» — отзывались эхом. «Слухами земля полнится. Телеграмму кто-то из баб отбил. — И уточняли: — Верка, подружка её дала. Сама, небось, и отбила,

на почте теперь свой телеграф завели». «Смотри, директора не боится…» — донёсся осторожный, осмотрительный голос. И оборвался заглушённый напористым, дерзким возгласом: «А чего ей бояться?! Не в совхозной живёт квартире-в доме своём! А работы везде хватит. Вон, город рядом… Местные-то не ишачат в поле!» И опять потонули в вопросах. «Да как же выселяют? Ведь у неё двое ребятишек?» «Как? — отозвался голос-эхо. — Закон в их руках!» И голос стихал, ударяясь о другую волну слов: «Директор же говорил, мол, с поля уйдёте — выселю… Говорил?!» «А им и законы не нужны — они сами себе закон!»

Молодая учительница увидела в кабине грузовика почтальоншу, на руках у неё сынишка трёх лет. Броская цыганская красота этой женщины возбудила не зависть, а удивление… Тяжёлая почтальонская сумка не перекосила её плечи… Слухи ходили об этой женщине разные: и любовницей директора была, и что мужики её все бросают, не уживаются, и прохода ей не дают. Она сидела в машине гордая и, казалось, ничего не слышала и не видела вокруг.

В кузове всё навалом: полированный шкаф упирается в спинку кабины, прижимая узлы; ножки стульев тупо торчат над бортом…

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день… — донёсся сухой, стёршийся голос.

Мария оглянулась. Старуха напомнила ей мать: голубые усталые глаза в ободке морщин, светлые волосы из-под платка в синий горошек, тонкие струночки губ, изъеденные старостью.

— Бабушка, бабушка! — подбежал мальчик. — А что здесь будет?

— «.. И покрыла ея нищета, как Красное море фараона…»

— А куда тётя хочет ехать?

— «…И по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь…»

— Я тоже хочу покататься. Бабушка, посади меня к ней.

— Нельзя! — сгустила сердито морщинки. — Что ты всё бежишь и бежишь, как быстрота речная!

— Хочу!

— Вон, видишь, полицай, а ну, беги домой!

С другой стороны конторы стояла серая, крытая брезентом машина — «козёл». Рядом три блюстителя порядка в форме и двое штатских. И юрист совхозный. Участковый подошёл к машине с вещами, дёрнул дверцу:

— Выходи! Хватит фокусы показывать! Вон

людей сколько собрала!

Почтальонша обернулась, ребёнок беспокойно завозился у неё на руках. Мать, молча, будто не замечая участкового, посадила сына так, чтобы он не видел злого лица.

— Я заставлю тебя подчиниться! Поедешь с нами! — тот лихо хлопнул дверцей, будто стегнул кнутом. — Петька, крути баранку.

Петька был шофёром директора, он приехал в совхоз по весне, летом уже управлял директорской «Волгой», а к зиме целился вселиться в квартиру.

— Поехали, как сказал Юрий Гагарин. В городе разберутся! — прикрикнул участковый.

Петька схватился за металлическую ручку дверцы, опёрся о ступеньку подножки, но кто-то хлестнул его по руке и сбил с ног. Участкового оттеснили своими плечами и спинами, без побоев. Грузовик плотно окружили. Ближе подтягивались те, кто стоял сзади. Толпа забурлила. Волнение охватило и Марию, словно это она была в кабине машины, с ребёнком на руках, а вещи её, весь нехитрый домашний скарб здесь, в кузове. Куда повезут? На вокзал и в Магадан?

Мария смотрела, как медленно отходил блюститель порядка, как размахивали руками вокруг

грузовика, как, сутулясь, прикрыв лицо локтем, уходил Петька, и чувствовала, как в ней поднимается что-то далёкое, смутное. Она крепче сжала ручонку дочки и пошла домой. Но память уже открылась, и она всматривалась в своё детство.

* * *

Её и старшую сестру в интернате звали «тепличные». Вход в теплицу был через пристройку. Интернатовцы брали здесь грабли, лопаты, вёдра, веники на уроках общественнополезного труда и называли пристройку «тепличкой».

Однажды в субботу мать забрала сестёр из интерната, подвела по узкой, вытоптанной в снегу тропке к теплице, сняла замок. Они зашли. Остановились в темноте. Щёлкнул выключатель. И вместо пыльной кладовки сёстры увидели две кровати, узкие, с металлическими грядушками, как в интернатовских спальнях. Старый футляр ручной машинки. «Сверчок» называли её сестры и, когда слышали её стрекотание, вспоминали маленький дом из железнодорожных шпал на Сибирском полустанке. Дом под высоким раскидистым тополем, разбросавшим корни свои по всему огороду и палисаднику. Дом, где за тёплой печкой дозревали в валенках помидоры и зимо-

вали настоящие сверчки.

Сёстры ещё стояли на пороге помещения без окна, а мать уже накладывала толстые, на дрожжах, блины и наливала холодный компот из трёхлитровой банки. Блины были вкусные, а компот из интернатовской столовой.

«Козямозя» — уборщица — принесла компот. Маленькая сухонькая старушонка достаёт подталые леденцы из кармана чёрного халата, который она носила и на работе, и дома. Леденцы пахнут «Беломорканалом». Дышит она с астматическим присвистом. Вдруг звонкие удары камней по крыше, глухие по стенам: мальчишки играют в войну. Козямозя выходит, кричит в темноту, сгущая голос до мужского хрипловатого баса, ругается грубо, но не злобно. Кашляет, тяжело хрипит в удушливом приступе. Мать даёт ей лекарство, наливает в гранёный стаканчик воду.

— Дуня, а покрепче у тебя есть?

— Брось. Это вредно. И дети тут. Не надо.

— Зиму перезимовали в тепле, в тепличке. И дети твои с тобой. Не отдавай никому. Вон какие славненькие. Вырастут — помогать будут. Слава Богу за всё.

В тёплые дни открывали дверь в большую солнечную теплицу с запылёнными и кое-где

разбитыми стёклами: тогда дверь служила окном. Но в самой теплице ничего не росло, земля в ящиках была сухая и мёрзлая.

Март, апрель, май — весна ликовала, торжествовала природа.

В мае мать перебралась в новое жилище. Одноэтажный аварийный дом привлёк внимание матери зияющей чернотой пустых окон. Вставив стёкла, она побелила комнату, отремонтировала печь. На чердаке под сверкающими, точно звёздочки, дырочками в шифере расставила корыто, тазы, кастрюли, баночки… Когда дождь барабанил по шиферу, сёстры сидели на чердаке и выливали воду из баночек прямо на макушку сирени. А ночной ливень барабанил по обшарпанному полу. Сразу после уроков они теперь уходили из интерната, готовили уроки дома, слушали стрекотание машинки, которую мать расположила в центре комнатки. Теперь они с сестрой на зависть всем интернатовским ночевали дома. «Тепличные домой пошли…»-докладывали завистливыми голосами дети воспитателю. И на лето сёстры в один голос отказались ехать в пионерские лагеря: заводили своего «сверчка»-шили яркие платьица.

Тугие набухшие гроздья сирени, казалось, вот-

вот брызнут ярким душистым цветом под окном: не зря выливали на них воду из тазов и вёдер на чердаке.

Но вдруг к дому подошли мужики в рабочих ветровках.

— Кто они? — Маша смотрела на старшую сестру.

Их было пятеро, они остановились у двери дома. Высокий оглянулся на них не как на людей, а как на дворовых щенят или бездомных выброшенных котят, в глазах его не возникло боренья с помыслами, только бесовской пламень сверкнул ярче. Он толкнул дверь ногой, точно заходил в сарай.

— Почему? — схватилась девочка за руку старшей сестры. — Кто это? Почему он пришёл в наш дом?!

Страшно горбились спины мужиков. Засучены по локоть рукава, засалены обвислые рабочие брюки. Вчетвером выносили, как гроб, скрипучий старый диван. И всё выходили, выходили, выходили, выходили. Только высокий, праздничный человек оставался там, в доме.

— Надо позвать маму! — рванулась маленькая худенькая девочка Маша.

— Молчи! — отдёрнула руку старшая сестра. —

Она знает…

Куча скарба росла. И вдруг грохот! То ли обвалилась ветхая крыша, то ли раскатились кирпичи от какого-то толчка. Это «сверчок»! Их домашний «сверчок»… Фанерная крышка старого футляра треснула, вывернулась ручка. Звук оборвался и замер. В напряжённой тишине крутилось отлетевшее маленькое колесо, которое так весело крутилось, когда сёстры шили себе летние платьица.

— Фашисты! — смотрела на них Маша и шептала, подходя к «сверчку». — Фашисты. Уходите! — кричала и била их по спинам маленькими бессильными кулачками. — Молчи! — оттаскивала её сестра. — Молчи, видишь, у него лицо без глаз, двойные стёкла. Это — аварийка! Нам отсюда уходить надо, только некуда.

Мать вернулась, когда мужики ушли.

А через неделю Мария ехала на электричке за город. Там был детдом.

— Почему нам квартиру долго не дадут, если я буду записана в твоём паспорте? — под стук колёс спрашивала у матери дочка.

— Маша, мне нужна такая справка, чтобы директор мог дать комнатку.

Такая справка позволяла сердобольному ди-

ректору пойти русской одинокой женщине навстречу и дать комнатку в девять метров в коммуналке, не обходя закон. Закон был строг — матерям-одиночкам полагалось пять рублей в месяц на ребёнка, а жилья не полагалось. Директор получал в пятьдесят раз больше. А на троих нужно не девять метров, а двадцать семь. Всё дело в квадратах.

У директора в кабинете был телевизор. В Алма-Ате после Чиликского землетрясения 30 ноября русские строят город-сад, говорил диктор, демонстрируя чёрно-белые картинки бедствия. Заново город для казахов строили в шестьдесят седьмом году такой, что Европе на зависть.

Время было такое в русской глубинке, за МКАД, — жилья не хватало женщинам с детьми. По двадцать лет стояли на государственной очереди, чтобы получить бесплатное жильё. А купить не на что: все одинаково бедные. То было по-своему крепостное право — приписка к заводу, к фабрике, и хочет человек — не хочет, а семье жить где-то надо, и он смирял себя, работал. Кто больше перетерпит, тот и достигнет чего-нибудь. Справка решала всё. Вот посмотрит какой-нибудь директор или парторг в справку и уже не усомнится, а сразу начнёт решать, что с

этой справкой делать, чтобы, когда придут проверяющие парторга из райкома партии, не могли заметить ничего незаконного. Всё по закону, по долгу, по справке. Как это без справки? Что это за мать-одиночка без документа? Но директор завода был человек пожилой, участник войны, практик, он с людьми работал, а не по кабинетам сидел, много видел разных матерей. И когда увидел женщину с ребёнком, то посоветовал: «Возьми справку, что ты одна, без детей. Как? Отдай в детдом. Справку дают матерям, у которых дети в детдоме. Но они там никогда не были. Будут переселять в новый дом, что-нибудь тебе в старом выделю, всё сделаю, что смогу, только со справкой не тяни». Вынул из кармана серого пиджака десять рублей и дал «на молоко детям». Он получал 250 рублей в месяц, своих детей у него не было. Евдокия в этот же день купила сапожки для старшей дочери, а младшую теперь государство обует.

Оле было двенадцать лет, и она уже понимала, что взрослые всё делают правильно. Детдом значит детдом. Девочка верила в правильный порядок вещей.

У Василия Шукшина люди из народа — мудрецы. А дети у Андрея Платонова-чуть ли не

пророки. Станьте как дети, любите друг друга. Дети номенклатурных родителей восхищаются иначе, у них Райкины и Стругацкие разгоняют скуку. Родители, не желая отягощать своих детей знанием тёмных сторон жизни, лишают их почвы, устойчивости, и культура раскололась.

— Как-то так получилось, что забыли, что помимо Каина и Авеля был ещё брат их Сиф, и родил он Эноса от Азуры, — говорила бабонька Евдокии.

— К хорошему легко привыкнуть, а вот вы попробуйте прожить, когда трудно! — часто говорила Евдокия своим дочкам.

И был день, когда мать привезла дочь в детдом и оставила там.

И Маша поверила-так надо. Надо терпеть.

— Вот, надень это, — показала коротким пальцем воспитательница на старое, вылинялое, поношенное одеяние. — Что ты такая худая, как будто война кругом?! Что ли на тебя ни солнце не сияет, ни дождь не дождит? А это, — ткнула пальцем, как сосиской, в новое ромашковое платьице на девочке, — сюда положи.

Маша разделась. Положила ромашковое платье, которое надевали при матери, на край стола, как на прилавок после примерки. И пошла читать «Сказки народов мира», чтобы не расплакаться

ни о маме, ни о ромашках.

Жил-был король. Однажды прислал ему другой король тяжёлую дубинку — палицу. Собрались все храбрецы, у кого силища была невероятная, чтобы разбить эту дубинку и жениться на дочери короля. Вдруг слеза упала на слово «дубинку». Один храбрец разбил палицу на сотни мелких осколков. Все вокруг кричали: «Он разбил палицу! Он разбил палицу! Какой силач-он разбил королевскую палицу!» И позвал к себе король храбреца, и велел снаряжать сватов, чтобы поехать забрать невесту, дочь соседнего короля. «Я пойду туда один, — решился храбрец. — Уж как я сумею получить её у короля, это моё дело». Идёт храбрец, идёт и встретил по дороге человека, который сидел на берегу речки и пил воду. Пил, пил, до тех пор пил, пока речка не высохла.

Тут девочка перестала плакать совсем, задумалась, зачем нужно так много пить, зачем автору нужно, чтобы речка высохла?

Так в памяти и осталось: тополь, «сверчок» с заломанной ручкой, мёрзлая сухая земля теплички да ромашковое платье на краю стола. Даже фотографии отца не было.

Кто мой отец? Нельзя человека лишать кровного родства, сорок колен знать надо бы. Род

формирует долги? Родовая память-в крови. Совесть будет болеть. Что происходит в душах, нарушивших закон родства? Кинограмма рода — это новая наука со старыми корнями. Если исправить, то у последующих поколений не будет повторений ошибок. Дочь уснула. И Мария уже не в силах была усидеть в квартире.

4. Белая сирень

Льются лучи солнца, утренние, чистые, ласковые. Остро пахнет деревенской весной. Мальчишки крутят велосипедные педали, обгоняя друг друга. Бросают руль, лихо руля корпусом. Набирают скорость, смеются, кричат, задорят друг друга. Улица, как весенняя река, бурлит. Берега — это дома, сады, огороды. В сараях живет зверьё: хрюкает, ворочается, сопит и почти почеловечески вздыхает. Чуть вдали — брошенный колхозный телятник с торчащими стропилами, с забитыми крест-накрест досками на больших воротах. Немного выше — церковь, окружённая дикой вишней, акацией, сиренью, тополями. Ручей бежит, картавит, как дитя, выбиваясь из-под развалленных стен. Скалятся страшные выщербленные зубы старых кирпичей, вызы-

вая боязливый страх и желание поскорее уйти. Воробьи, голуби, чёрные вороны вылетают из глазниц-окон, поднимаются к голому, как татарский шатёр, куполу.

Дома отодвигались всё ниже, ближе к пруду, отгораживаясь, словно от дома блудницы, огородами, садами да сарайными постройками. Вот и учительские домики: раз, два, три, четыре. Один к одному, кирпичик в кирпичик, как школьные тетради в клеточку. Четыре крылечка на все четыре стороны. Итальянские окна с двумя вертикальными планками смотрятся в такие же окна школьных классов. Оля с мамой будут жить здесь, когда освободится одна из квартир, а сейчас у неё уходит целый урок, чтобы дойти до школы. А вот и школьная дверь с маслянисто-влажной металлической ручкой.

На уроке немецкого языка Оля рассказывает тексты на английском, и ей ставят пятёрки, потому что учителя английского языка в школе нет. Учитель немецкого языка занимается с ней дополнительно после уроков. И однажды спросил её, знает ли она своих предков.

— Зачем нужно знать своих предков?

— Папа и мама формируют ваше тело, здоровье, передают семейные сценарии. Это первая

причина.

— Семейные?

— Бабушки и дедушки — отвечают за интеллект, способности, таланты. Прабабушки и прадедушки — хранители гармонии, радости в жизни и материального благополучия.

— Так талант от бабушки?

— Родители прадедов — шестнадцать человек — отвечают за безопасность в жизни. Шестое поколение: деды прадедов-тридцать два человека — обеспечивают связь с традициями. Тридцать два человека шестого поколения символизируют тридцать два зуба, где каждый зуб связан с каждым предком. Если у вас есть проблемные зубы, стоит наладить отношения с предками, отмолить их.

— Скучно.

— Прадеды прадедов — шестьдесят четыре человека — отвечают за город, страну. Если шестьдесят четыре человека разобрать по цифрам, то вот что получается: 6 + 4 = 10 → 1 + 0 = 1.

— Что за чудная арифметика иудейских пророков?

— Потом вновь первое поколение. Таким образом, замыкается круг рода семи поколений.

На уроке литературы Оля читает стихи. И тиши-

на. Она будто ждёт этой минуты особой тишины, словно Ангел пролетел. Ангел? У каждого человека Ангел? Сколько людей — столько Ангелов. Мы живём в стране Ангелов. Её называют городской, и в звуке, в интонации, когда произносят это слово, есть какое-то превосходство, мнимое. Оля обожала смотреть по телевизору балет, особенно её завораживал в танце Николай Цискаридзе. Это был искренний набор эмоций. Экспрессия приводила её к восхищению, к очищению, катарсису. В городе она занималась балетом: была Стрекозой, Дюймовочкой, Цветком, Бабочкой. Репетиции, костюмы, выступления… Теперь наступил для неё антракт, после которого она вряд ли сможет танцевать Дюймовочку в пуантах. В спортивном зале-брусья, кольца, чёрные мягкие маты, спортивный козёл.

На брёвнах сосновых у палисадника собирались вечером девчонки и мальчишки. И то, что комары пляшут камаринскую, достают и больно кусают, то это только смешно. Сирень сиреневая-это просто, как розы розовые, а вишня вишнёвая. Но тут белая! Куст словно в снеговых шапках.

— Оля, пойдём, я нарву тебе сирени, — клеил девочку Колюшка, хозяин палисадника-это его белая сирень.

В темноте белые лепестки светятся, как Млечный Путь. Высокий звёздный свет увлекает, манит. Какой аромат. Танцуют мотыльки на свету перед окном, как блёстки.

Оля потянулась к ветке, лепестки казались ей серебристоволшебными звёздами.

— Ну что, Дюймовочка? — засмеялся одноклассник. — Маленькая ещё?

Ветка от звёзд стала наклоняться. Звёзды укололи её, упали на плечи россыпи лепестков.

Оля бежала домой взволнованная и радостная, и немного напуганная первым поцелуем.

Оживились лягушечьи трели: ква-ква, к вам-к вам. И грянул гром. Тучи закрыли звёзды. Она лежала в своей постели, и ей казалось, что она стала лепестком белой сирени и поднялась высоко, стала звёздочкой в Млечном Пути. Вот она оказалась в каком-то прекрасном мире.

И вдруг возле её ног опустился ковёр-самолёт. Она полетела. Вдруг навстречу Дон Кихот: «Куда несёшься, донна Оля?» — «Я хочу полететь туда, где нет холода, где круглый год цветёт белая сирень!»-«Летим вместе, донна Оля, я покажу тебе дорогу к звёздам». Они ворвались в россыпи звёзд Млечного Пути, и Оле захотелось сорвать одну звезду, как ветку сирени, она потянулась и не

удержалась. И проснулась.

За окном луна круглым шаром висела над их улицей, дождь кончился.

Утром на другой стороне улицы, напротив, сирень стала белее и пушистее.

5. Полковник купил дом

Полковник Борис Константинович купил дом в деревне Клёповка, хотя хотел приобрести дом на Битюге, где учился в первом классе. И сейчас, смотря на дорогу, предавался приятным воспоминаниям.

— Деньги, как водка, делают человека чудаком, — смеялся полковник над теми, кто бросился наживать капитал. — Смех — это оружие. Смотри, в кого стреляешь! Уж коли задался человек идеей, то ничего не поделаешь. Так, Саша?

— Так, — ответила внучка.

— Детство мы проведём на воле. — В багажнике он вёз сборник рассказов Чехова, вечерами иногда любил заглядывать в него.

Он, как чеховский персонаж, посадил крыжовник и мечтал собрать всех родных на свой урожай, но пока в его машине на заднем сиденье болталась только одна внучка, её удалось выма-

нить, хоть и не так просто, из города.

— Ой, дедушка, тише! А то мы взлетим! — подпрыгнула Саша, тронув его за плечо.

— Скорость триста сорок километров в час. Убираем шасси! Разбег уж был, теперь полёт!

— Дедушка, я взлетаю не от скорости, а от кочек на дороге. — Она держалась за водительское кресло перед собой. — Мы едем уже десять часов. А на своём истребителе ты за сколько бы долетел?

— За пятнадцать минут.

— А если бы тебе разрешили полететь, ты бы меня взял?

— Нет! — рассмеялся. — Нет! — повторил с какой-то властной гордостью. — Я на «жигулёнке» разогнался до двухсот, нос начал подниматься.

— Чей нос?

Саша обиделась и почувствовала усталость от долгой дороги. Дед громко раскатисто смеётся, но сейчас этот громкий смех ей не нравился. «А ещё похож на Гагарина», — с детской обидчивостью думала она, разглядывая лысоватый родной затылок. Конечно, дедушка её был в отряде космонавтов, но в космос-то он всё-таки не полетел, как доводил её этим двоечник с последней парты, она даже однажды стукнула его по сплющенному черепу «Математикой». У двоечника лицо какое-

то узкое, словно взяли за уши и сдавили так, что стал он похож на злого гусака, который несётся за тобой, вытянув шею.

— А почему ты меня не возьмёшь?

— Если бы я кого-нибудь из простых смертных взял с собой в полёт, то привёз бы его мёртвым. Лётчики-истребители — это люди особой породы! Нас выбирают одного из тысячи, может быть из ста тысяч. Только мы, небесные орлы, это понимаем.

— Но ты мог всё это сказать как-нибудь по-другому, вот мне уже плакать хочется. — Саша умненькая и понимает, дедушка тоже устал от дороги; она просто едет, а он за рулём.

— Ты хочешь знать правду или сказки?

— Дедушка, а где твоя человечность? Только машинность одна! И ты так учить любишь! Сейчас каникулы.

— Не спорь со мной!

Наконец за окном замелькали маленькие деревенские дома, окна в крестик, запестрели красно-сине-зелёные заборчики палисадников. Кровли шиферные и железные, дощатых из дранки и щепы, как в Подмосковье, нет. Вот грудастый дом, крупный, дородный, к такому-то и подойти страшно, смотрит свысока чердачными окнами.

— Ой! Тормози! Дед! Задавил… — Саша кинулась к заднему стеклу: рябоватая курица отчаянно взмахивала крыльями, точно пыталась взлететь. На помощь ей нёсся белый петух. — Глупая! Под колёса кидается! Ой, пахнет коровами, закрой окно.

— Купим лошадь. Надоела четырёхколесная железка. Как ты смотришь на это?

— Здорово! Гляди, церковь…

— Остатки времени.

Церковь была давно заброшена, но издали сохраняла какую-то величественность. На большом расстоянии не видно, что лик её смертельно обезображен. Разрушаясь, она уступала будто не времени, а людям, словно терпеливо ждала, пока пройдёт время забвения.

— Дедушка, а почему сейчас опять начали в Бога верить?

— Я был в небе, и, поверь мне, ничего там, кроме неба, нет. А вот мы и подъезжаем. Приготовься, пристегни ремни!

— Отстёгивайся, дедушка, — смеялась над ним Саша.

— Хватит летать, спускайся на землю. Вот и твоя Клёповка.

Саша вышла из машины, голова кружилась, и

ноги стали ватными. У дома напротив, на брёвнах — мальчишки. Они молчат и смотрят на неё.

Малыши соскочили и подошли к машине, водили пальцами по запылённой голубой краске, смотрелись в зеркальце.

— Чтобы машину пальцем не трогать! Приказ понял?

И только полковник зашёл в калитку палисадника, Зуёк с каким-то торопливым усердием толкнул девчушку от машины, и она упала, может быть, не от силы удара, а от неожиданности, и заплакала.

— Тебе сказали, не лезь! — кричал на неё Зуёк.

С брёвен тут же соскочил Женёк.

— Слушай меня, Зуёк, — ткнул он в обидчика пальцем, словно в деревянную куклу. — Если хочешь выслужиться у полковника, то служи, а не кидайся, как пёс. Здесь никто не боится твоего брата…

— А ты ничего, симпатичная даже. — Женёк подошёл к Саше. — Пойдёшь с нами на Дон?

Полковник, оставшись один, стал вспоминать, вглядываясь в старые чёрно-белые фотографии с Андреем. Он вспомнил: 1988 год, Москва. Джо второй раз в Москве. Приятная манера говорить, хорошая подача, нетруден в переводе. Пришёл на

переговоры с сыном, чем удивил и переводчиков, и хозяев Кремля. Переводчику предстояла трудная задача — влезть в шкуру Джо, изучить его язык, интонацию, жестикуляцию. Переводчик в дипмиссии — это не фрилансер. Тут своя химия отношений, строгая по протоколу и неожиданная, как вихрь в чёрной дыре. На разных языках эти сигналы говорят о разном: это источник слов — не единственная информация. Культура США имеет свои аллюзии.

6. Дипломат и помощник

Дипломат одевался продуманно к каждой встрече, как артист, выходя на сцену, настраивался и психологически.

Представляя себя Октавианом Августом, как называла его мать в минуты особой ласки к сыну. «Август» было как приложение к титулу императора, а теперь и к титулу дипломата.

Готовился тщательно и одевался изысканно, если того требовала ситуация. Американские рубашки и английский галстук идеальны. И с женщинами сохранял он эту показную элегантность, обаятельно улыбаясь. Сдержанный и воспитанный, он мог обаять почти любую. При

этом сам свои эмоции не выпускал из-под контроля. Всё у него, казалось, должно быть необычным, с каким-то своим шармом, изюминкой, блеском, словно в спектакле Шиллера у советника королевы Марии Стюарт. Тема выбора — его конёк. Вводить себя и других в режим крайнего существования, идти вверх до последней верхней точки, доводить спор до точки кипения. Способность идти к цели он развивал в себе ежедневно самоконтролем.

Мария Стюарт, Мария Стюарт! Призрак по Европе бродит. С именем Мария судьба сталкивала его и ещё столкнёт не раз. Но он, не доверяя судьбе, делал её сам. По сути, Марией Стюарт была и его жена. Под её влиянием он совершенствовал свой английский. Училище и техникум учащиеся звали «чушок». И он пошёл учиться после чушка дальше. Потом вуз, затем вместе пошли в аспирантуру, отдав сына родителям в деревню. Жена пробивала дорогу в тесной толчее карьерной. Она шла на полшага впереди? Быть или не быть-решала она. Быть!

И, будучи в загранкомандировках, вживался, входил в другой образ, трансформировался в иную культуру. В свой кабинет старался никого не пускать — это его гримёрка. Ему было доста-

точно молчать, смотреть в глаза, и собеседник невольно подчинялся ему. Он в юности выучил английский самостоятельно и постиг радость в этом процессе. И словно сам с собой разговаривал, как учитель. Он полюбил театр и, смотря один и тот же спектакль по несколько раз, понял, где тайны мастерства, а где талант. Достигнув высокого мастерства, можно стать средним актёром или хорошим писателем. Имея талант, можно быть никем, но можно стать великим писателем, обогатив свой талант высоким мастерством. Он мог бы быть хорошим часовым мастером, а стал хорошим дипломатом. Во времена революции он, наверное, не был бы революционером, но во времена сталинизма он как чиновник преуспел.

Андрей взял себе помощником Шевченко. Молод, продвинут, дисциплинирован и главное — трудолюбивый хохол.

«Я достиг высот, но жена меня не любит, а просто выполняет обязанности. Это удобно, но разве это награда за моё отречение от своих привычек, своих страстей?»-так думал дипломат. Но что же это? Желание достичь высот пирамиды — это не просто желание славы, но и любви. Все великие люди были вознаграждены любовью. А моя жена меня не любит, выполняя свой супружеский долг.

Живёт со мной, словно долги отдаёт. А я?! Кому и что я должен? Сыну? Дочери? Жене?

Андрей научился переводить сложные понятия в простые для тех, кто «в танке» и не понимает с первого раза. Он хотел сделать их жизнь комфортной и в общении с ним. Это как сухарики размочить, чтобы кормить голубей.

Что такое дипломатия? Андрей не мечтал, он шёл, не останавливаясь, к вершине своей карьеры. Работа стала для него всем. Он уважал интеллигентную породу дипломатов, которые посещали вернисажи, ходили на симфонические концерты и в театры.

Театр, везде театр. «Марию Стюарт» он посмотрел уже три раза. Но тот праздник не повторился. И он вспомнил, как сидел спиной к Евдокии и чувствовал её так, будто была она рядом, очень близко. Его телохранительница? Но ведь не прикажешь же! Он слышал, как она попросила зеркальце у подруги. «И даже в зеркале ей отказали. Покамест будет в зеркало смотреть, лелеять будет дерзкие надежды. Нет книги, подходящей для души, чтобы развлечься», — играли маски на сцене. У него слишком хорошая память на лица, и легко даются языки. От мимолётных женщин оберегала его жена-ровесница.

Но мысли не давали ему покоя, и он искал выход. Мысленно называл её Мария Стюарт. Сталина нет, всех царственных отличий он лишился. Но осталась его маска, тень, стиль. Маски будущего, какие они? Кто сорвёт маски? Короли и президенты. Какие противоречия эпохи вскрывает смена власти?

7. В деревне

Кто же из нас не любит реку, которая напоминает ему детство. Оля уходила к реке и грустила, глядя на пробегающую мимо воду. Но вода быстро уносила грусть.

Мария увидела в руках дочери «Тёмные аллеи», и всколыхнулось в глубине души, — вот и её девочке нужно будет пройти «тёмными аллеями». Ни одной новеллы о счастливой любви, чтобы жили они долго и счастливо.

— Бунина читать будешь, и каждый раз будто впервые, это как любовь, — сказала она дочери.

Оля заметила, как мама сжимает одной рукой другую руку, она знала, что от дойки болят руки, она парит руки на ночь в солёной воде, а потом перевязывает шерстяными ниточками на сгибе в кисти, такие же ниточки Оля видела у бабы Дуси.

Оля понимала, что в деревне строится новый дом, и чтобы дали в нём квартиру, надо быть и учительницей, и дояркой.

— Мама, я завтра пойду с тобой на дойку. Разбудишь меня?

— Научишься ещё. Коровы могут глаза хвостом высечь. К прикреплённой доярке в группе они привыкают, а я ведь подменная. — Руки гудели от боли. — Честно сказать, доченька, я, когда соглашалась, не думала, что это так тяжело… Теперь как отказаться? Все помогают мне: кто одну, кто две выдоит коровы, а если я брошу-им отпуска летом не дадут. Мы и так здесь чужие, надо терпеть, привыкать. Да и зарплата моя в школе — ничего не купишь, только долги… Ладно, ты читай, а я быстренько до бабушки, а то обещала.

Мария привыкала к новой жизни, она понимала, что главный промысел местных жителей не работа в совхозе, а огурцы. Здесь приспособились выращивать ранние огурцы. Деревню так и звали «огуречная». У каждого своя скважина для полива огорода, мотор гудит с утра раннего, шланги по всему участку, как вены. Пульсирует водичка, течёт, питает землю. По сорок, по шестьдесят соток огурчиков выхаживают. И машины, и мотоциклы почти в каждом доме. Деревня, в

общем-то, не бедная.

— Заходите! Открыто! — крикнула в дверь баба Дуся. И, увидев Марию, пожурила. — Что стучишься? У нас тут всё просто. Раньше-то в этом углу телята новорождённые были, стены грибком покрывались, плесенью. В стене-то кривизна была. Проходи, проходи, пожалуйста. Вот я в окошко всё смотрю. Слышь, как на брёвнах у нас смеются? А вчера так целовались, так целовались… А на нашем крылечке так слышно, так слышно… Только из пелёнок повылезали.

Евдокия протёрла полотенцем табуретку, придвинула:

— Деду моему миглобин крови повышать надо. А сил у него бодрой волей ходить на другой конец в медпункт нет. Поделай уколы ему. Может, ещё встанет дед-то мой. Да пчела брошена. Пропадает без него. Жалко.

— Гемоглобин? — Мария чувствовала, что жизнь эта проникает в неё, втягивает в свои неписаные законы.

— Как возле магазина соберётся всё наше политбюро, так всё про всех решение выйдет. Внучка моя хорошая, умная. Слава Богу за всё. Доча, тут тобой один человек интересовался…

— Мной?

— Да, из новых русских, что дом-то под дачу купил, говорит, что жена у него больше года как умерла. Ты ведь ещё молодая, одна всё равно жить не будешь. А в деревне-то что за мёд?! Доча, и о себе подумать надо. По общежитиям, как в казармах. После войны так жили. Как же тебя выселили, ты же с дитём? В администрацию бы сходила.

— Мама, устала я…

— Доча, кто сейчас не устал? — Евдокия упёрлась локтем в коленку, подбородком — в кулачок. В зрелом возрасте взгляд другой, с прицелом, на двадцать лет вперед видит. — Зря квартиру потеряла.

— Я видела, как унизительно выселяли женщину с двумя детьми. — Мария прикрыла глаза, воспоминания сильно волновали её. — Следующая на очереди была я… Как бы я работала в школе после этого?

— Надо было погодить… Может быть, не тронули бы, не решились, ты всё-таки учительница.

— Повестка в суд была. В юридической консультации сказали, что не имею права на служебную жилплощадь, если разошлась.

— У них своё право, у нас своё.

— Мне о ребёнке надо думать. Мне в Обкоме

партии коммунистов посоветовали сюда. Я, когда приехала, всё ночами не спала, руки сводило, скрючивало. В группе коров было тридцать, все мычат, хвостами бьют, так и смотри без глаз останешься. А я в городе выросла. С какой стороны к корове подойти-то не знала. Привыкла.

* * *

Баба Дуся любила реку, и когда невмоготу становилась суета домашняя, брала удочки и уходила на рыбалку. Посидеть у воды бегущей да отдохнуть, да в себе покой найти. Вчера она увидела — по лугу шествует ватага детворы, поэтому рыбалка-то не удалась. Но уходить она не спешила, скоро вечерняя зорька, а ребятишки пошумят, взмутят воду да уйдут. Вдруг видит — за ними идёт настоящий рыбак: снасти городские, а не удочки из орешника. Сейчас дед не годен на рыбалку, лежит, и она взяла свою и его удочку, может, что и у него клюнет. Придёт, скажет: «Дед, а твоя-то удочка клевала-клевала…»

— Порыбачить решили, бабушка? — удивился полковник местной рыбачке. — Клюёт?

Баба Дуся бросила смотреть за удочками, встала, поправила голубой платочек.

— Курите? — достала помятую пачку «Бело-

морканала», приводя полковника в восторг удивления. — Мои попробуйте.

Полковник из уважения, чтобы расположить человека, взял, прикурил.

— Вчера что по телевизору видела, — спешила баба Дуся определиться со знакомым. — Опять государственный деятель говорил, что надо Америку приглашать…

Помолчала. Но, чувствуя, что разговор не пойдёт, быстро сменила тему.

Баба Дуся хотела разговорить полковника, но он всё молчал.

— Директор должен быть профессионал, чтоб он мог всех сплотить, — она говорила так, как говорит телевизор, когда включён на всю громкость. — Вот Андрей умел.

— Садитесь.

— Зачем же? Здесь твоё место… Я мешать не люблю. Поймал?

— Двушку поймал.

— Покажь! Сом! Редкая птица. Ты, я вижу, не рыбу пришёл ловить, а за ребятами приглядываешь. Так дом купил ты?

— Я. Перестраивать надо, работы не на одно лето.

— Хороший дом. Так полковник, значит… Слы-

хала.

— Лётчик-истребитель.

— Высоко летал. А мои квартиру снимали — двушку. В городе. А теперь выгнали их.

— Жизнь, бабушка.

— Да какая я тебе бабушка?! Ты весь седой, а у меня вот лицо в морщинах, а седых волос ни одного нет. С какого ты года-то?

— Да и я — дедушка. Внучку сюда привёз.

— А как же я была с двумя, родных никого, зарплата шестьдесят рублей. Двое детей, одеть, обуть, прокормиться. За квартиру тридцать пять рублей. Мне было всё легко, да потому что я росла с десяти лет без мамы. На ребёнка пять рублей в месяц. Хочешь верь, хочешь не верь. Мне врать незачем.

— Как тебя зовут-то?

— Дуся, — и добавила, словно вспомнив, — Евдокия я. Молодая в Москве жила. Там Андрей тогда был главный дипломат, он и сейчас всё это сделал.

— А по отчеству? — голос у полковника прозвучал мощно, командно.

— Его не положено называть. Одна родила и назвала, а ребёночка-то у неё сразу отняли. Лишили.

— Его я знаю. Сушки с вареньем и чай без огурчика пил с дипломатами. Железный кулак, бархатные перчатки. Кристальной чистоты дипломаты. А тебя как по отчеству?

— Евдокия Дмитриевна, — и махнула рукой. — Что уж там, на рыбалке все равны; в руках только удочка и червяк, а рыбка она нас не видит, у кого клюнуть нас не спрашивает.

— Ты, небось, с войны куришь-то?

— С войны… Бросала, да не могу. Теперь уж как умру, так и брошу. С двадцать третьего я… А это всё Андрей делает. Он главный дипломат был, с дипломатом чёрным ходил.

— В войну, значит, невестой была… А мне как раз в школу пойти, как война началась. Четыре года войны — это каторга. Понимаю.

Баба Дуся дёрнула удочку, на конце два крючка: на одном — кончик обгрызенного червяка, на другом — пусто.

— У меня вся жизнь каторга, — взяла жестяную консервную банку с червяками, самого толстого на наживку. Ничего, живу.

Полковник увидал, что поплавок потонул. Подсёк. На берег выскочил лещ, забился.

— Ну, Евдокия Дмитриевна, бери свою рыбку.

— Нет, Борис Константинович, я рыбку дождусь

свою. Моя рыбка сама ко мне приплывёт. Ведь дело не в ухе, а в удовольствии. Как посижу у речки, так весь день душа спокойная. «Будете наказаны теснотой», — читала ещё мне бабонька по писанию. Вот щас в городе-то и живут друг на дружке, а в автобусах-то… Каждый день туда-сюда, туда-сюда! Это не жизнь, это тёмное. Бедноты-то, как травы в поле. Да и раньше были такие, что с детьми по свалкам ходили!

— Клевета! — оборвал полковник, словно выстрелил.

— Как клевета?! — подступила к нему баба Дуся, вырывая с кровью крючок из рыбьей головы. — Сама видела, сама бутылки собирала, чтоб прокормиться, — выбросила леща в реку, тряхнула пачкой «Беломорканала», вынула одну папироску, закурила. — Ты хоть и полковник… — хотела сказать, что и полковники бывают дураки, но удержалась. — А права тут свои не устанавливайте. Я сроду слова зря не скажу. А что знаю, то мне сказать никто не запретит, нету такой власти. Много властей-то сменилось, а народ-то один. Народ правду любит. Вы не думайте, что я жестокая. У меня натура справедливая. У каждого правда своя, а у Бога одна.

«Правда она разная, у каждого своя», — полков-

ник подумал — «в чужой монастырь со своим уставом не входи», — и промолчал.

8. Полковник

Воспоминания нахлынули на полковника, как шквал, как атака, как рокот космодрома. Борис попытался справиться с ними, найти какое-то логическое объяснение всему, но память вытаскивала то одно, то другое, и опять всё смешивалось. Вышел в сад, но трава, трава у дома и деревья не радовали его, не дарили ему бодрости, как неделю назад. Лето не весна, нет ожидания новизны. Вышел на улицу. Полковник решил идти на таран-надо сказать всё. Небо его научило принимать один раз решение и действовать. Решительно шёл к дому без палисадника, где жила мать Марии. Ему нравилась эта учительница, которая готова и коров доить, чтобы не потерять ребёнка, и выжить, получить свой угол.

— Присаживайся, Константинович! — окликнула его Евдокия, сидя на лавочке. — Не спится? Городские-то дачники до обеда дрыхнут.

— Я лётчик, я люблю летать ночью, а не спать!

— Ух! Страшно, верно, было там в небе? Они вон как летают, аж здесь душа дрожит.

— Я военный человек. У нас измерения другие. Небо без границ. Я пишу книгу. Любители, а не профессионалы делают историю.

— Ты как граф Толстой.

— А ты читаешь?

— Я люблю читать исторические книги. Сколько царей было, а ни одного хорошего. Пишут про всех, что грабили народ.

— Я тоже свою книгу написал. У меня каждый день расписан был: везде приглашают, просят выступить в библиотеке, рассказать о лётчиках в школе, в военном училище.

— Тяжело одному-то жить.

— Первая жена погибла в автомобильной катастрофе, тогда Петеньке было три года. Любовь в лучах восхода растворилась. Потом вторая жена, со своей дочкой Кирочкой, черноглазенькая.

— Курица петуха петь заставляет.

— Эх! Двумя ногами отпихнул бы себя от греха. Никита Михалков такое не покажет, — поднялся, усмехаясь, полковник со скамейки. — Жизнь как кино. Дочка мне твоя нравится, золотая.

— Так сам ей и скажи. Она вечером у меня будет, и ты заходи. Чай с мёдом попьём да с душицей. У меня такие травы!

Полковник ждал встречи с Марией, словно

испытания нового истребителя.

На скамейке под тополем сидела Евдокия, словно поджидала его, и курила «Беломорканал».

— Пошли, пошли. Душица уж настоялась, и мёд на столе.

Мария не удивилась, увидев полковника, точно тоже готовилась к разговору.

Посидели полчасика, попили чай с пирогами, и Евдокия вышла, оставив полковника с дочкой.

— Маша, пожалуйста, выслушай старого человека, мне, может, осталось немного. Я должен для кого-то жить.

— Зачем вы наблюдаете за мной? Вам приятно видеть, в какой мы грязи и как я выбиваюсь из последних сил? Я никогда не жила в деревне, к корове боялась подойти, — чуть не расплакалась она, но сдержала себя. — Но теперь я свободна!

— От кого свобода? — спросил и подумал: «Тоже мне, гордая орлица! И я таким был, когда летал. Пришло время, спустился, по земле стал ходить». — Где доказательство, что это справедливо?

— Вы читали, конечно, Достоевского?

— Не читал и не буду. В жизни должно быть всё светлое, утверждающее. Хватит разрушений! Достоевщина не для меня. Я читаю Чехова.

— А «Идиота» читал?

— Метания князька меня не волнуют, я — коммунист. Его отец разъезжал на тройке по балам, а мой дед горбатился — землю пахал. Счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут своё бремя молча. А без этого молчания счастье было бы невозможно? Это общий гипноз. Но на меня гипноз не действует.

— Перерабатывая записи в рассказ, автор создаёт заново мир, художественный. Герой далёк от самого автора. Полифония у Достоевского и у Андрея Платонова-это о разном. А князь Мышкин — это же такой светлый образ в мировой литературе! Что же вы не читаете Достоевского?

— Что делает ваша литература? От Шекспира до наших дней на всех языках — тысячи новорождённых донжуанов и донжуанчиков. Кто создал образ мужа? Ты пойми, сейчас я Оле нужен, она растёт без отца в доме. Ты никогда не сможешь потом исправить эту ошибку. От жизни не спрячешь.

— Лучше никакого опыта, чем отрицательный.

— Сидит человек в грязи, оскотинился. Ему другого надо в грязь столкнуть. Я тоже в нищете рос, мальчишки с нашего барака воровали. Помню, раз на шухере стоял, — глаза заиграли,

помолодели. — Я в девчонку влюбился. Сидел с ней все восемь лет за одной партой, отличником для неё хотел быть.

— Вам повезло.

— Может, ей? — он продолжал улыбаться, и лицо его молодо светилось. — Мне нравится, как Саша подружилась с Олей. Свожу Олю в Москву, там музеи, театры, Красная площадь, Соборная площадь. Детские годы не вернуть, сейчас у них день за два идёт. А захотите вернуться в деревню — вот вам дача. Ради детей уедем отсюда, уедем.

— В Москву, в Москву, в Москву, — она, как в театре, рассмеялась и захлопала в ладоши. — У меня всё хорошо, так мне и надо!

— В деревне, — он хотел, чтобы она ему поверила, он к этому разговору готовился давно, а вот слова все забыл. — И я вам нужен. Я одинок, мне нужно за кого-нибудь зацепиться, чтобы смысл в жизни был. Не осуждай меня. Здесь для Оли нет будущего. Ты слышала, девочка отравилась, в реанимации умирает. Надо вас спасти — увезти.

— Как же Саша?

— Я отчим Кире! — он сжал пальцы в замок: не говорил никому, а тут проговорился. — В небесах буду облаком плыть, — переждал, пока от сердца отлегло. — Самолёт — это что-то неземное: гори-

зонты другие, небо-космос.

— Ну а девушки? Потом?

— «Первым делом, первым делом самолёты…» Летишь по коридору белых башен из кучевых облаков. Тут день, там ночь. На земле лето, в небе-льдом покрываешься, — замолчал, посмотрел прямо в глаза. — Я буду хорошим отцом Оле. Где она? Ты знаешь, что тут произошло? Похороны. Эта девочка — ровесница твоей дочери. Где сейчас Оля?

9. Профессор и аспирант

Новые технологии по срыванию масок — это ДНК. Программа Малахова заставила многих задуматься о кровном родстве, об отце. Это побуждало людей всё чаще перелистывать страницы истории своего детства. «Моя мама-дочь дипломата? Одна законная, росла в роскоши и любви, другая — на дне?» — спрашивала она себя. Мать рассказывала ей эпизоды из своей жизни крайне редко, как бы невзначай. Но была в них какая-то логика. Мать ей говорила ещё в перестройку, что всё это сделал Андрей.

Дипломат двадцать восемь лет был главой советской дипломатии. Весной 1985 года на По-

литбюро он предложил Горбачёва. Дипломат ушёл в отставку в 1988 году на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР — главы советского государства. Был великим дипломатом советской эпохи. И был ли он её отцом?

Теперь информацию можно получить, не выходя из дома, а во времена СССР нужны были специальные разрешения, чтобы иметь доступ к архиву.

В 1944 году советская делегация в Вашингтоне с его участием. Создание ООН. 1945 год. Руководил делегацией в Сан-Франциско. В 1940-х годах двадцать раз он использовал право вето в Совете Безопасности ООН. Была сотня предложений по разоружению. Карибский кризис до сих пор не вышел из зоны дискуссий. В 1963 году был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трёх средах. Договоры такие как: об ограничении систем ПРО (1972), о принципах взаимоотношений между СССР и США (1972), о недопущении ядерной войны (1973), об ограничении стратегических вооружений в 72-м и 79-м годах.

— Я не знаю, кто это натворил, но у меня дипломатическая неприкосновенность.

— Что?

— Настоящий дипломат всегда знает, что спросить, когда не знает, что ответить.

— Это уже шапито, как говорит наш шеф.

Кира стала из разрозненных фактов и фраз собирать историю своей родословной.

Кира стала студенткой престижного вуза Москвы. Она старалась не пропускать лекции и семинары, подрабатывая в театре Арцибашева, репетировала Цирцею. Дочь солнца, волшебница, училась смотреть на партнёра — Одиссея. Она знала, что он покинет её.

Профессор Гусев любил беседовать со своими аспирантами о тайнах перестройки.

— Женская логика — это женская чуйка. Бабская литература — страшное испытание, — Гусев не признавал женских романов. — У Чехова в «Драме» писатель убил графомана.

Антонов говорил:

— Вообще все эти антисталинисты большие оборотни. Сперва кричат: «За Сталина!», а потом поносить его же.

— Что ты говоришь! — закричал Гусев, он уже был под хмельком. — Причём тут Андрей? Это историческая необходимость.

Антонов:

— В 1955 вышла книга «Экспансия доллара». В

1983 году-«Внешняя экспансия капитала: история и современность».

— Это всё прошлое, — махнул рукой Гусев.

Антонов возразил:

— Союзный договор 1991 года говорит, что Горбачёв хотел сохранить единую страну.

— Всё это было сходу отметено Ельциным в августе 1991 года, — возразил аспирант.

— Ошибка Горбачёва заключалась в том, что он не стал бороться, а опустил руки и смирился с развалом.

— У него на тот момент была легитимная верховная власть, армия, КГБ, — вставила Кира и своё слово.

Антонов сказал:

— Иностранные «специалисты», дирижировавшие Чёрным Октябрем в 93-м, шесть американцев, выбиравших за нас и для нас президента 16 июня, 3 июля.

— Систематический диктат Международного валютного фонда, — прошипел, как гусак, Гусев.

— Всё это признаки несуверенности страны в главном и основном, в возможностях распоряжаться собой по собственному усмотрению, — добавила с насмешкой Кира.

— Власть переходит к Западу.

— Или США.

— Это гарант невозврата.

— У руля остаются те же люди, что и при советах.

— Советов давно нет. И не было.

— Дипломат этот дважды отмечен Государственной премией СССР. Книги его у меня есть. Я его знал лично. Нестыковки в протоколе 1985 года. Несуразности.

— Правда? — удивилась Оля.

— Вы хотите развеять красивый миф о Мистере No? — кашлянул профессор.

— Кем он был? Одним из антисталинистов? Или антисоветистом?

— А какова марксистская риторика в «малом» Политбюро? Выслал и Солженицына, и Сахарова. Шевченко, правая рука Андрея, перебежал. В школе дразнили меня «водокачкой, стала стукачкой».

— Уважаю за профессионализм! Он выработал свои навыки дипломатии.

— Тихо и скрытно работать? Миф «Мистер Нет» в том, что он отстаивал СССР перед американцами.

— Отношения с США? Тут капиталистические принципы, навязываемые СССР.

— Деревенский парень. Происходил из кулаков шляхетского рода. А отец его уезжал на заработки в Америку. Он Горбачёва выдвинул так высоко…

— Дипломат промахнулся с генсеком.

— Риторика прикрывала его истинное влияние, и это просто элементарное «прикрытие» сути. Ратовал за продажу природных ресурсов. И вот мы-колония?

Антонов уже переходил на юмор:

— Его принял в Ватикане папа.

— Он не мог выиграть в спорных делах. И во время Карибского кризиса 1962 года переговорщиком был с американцами Кузнецов. Игрок погнался за картой, которая ему выпала.

— Крым — это наши Карибские острова.

Антонов наблюдал за этой странной салонной полифонией, каждый невольно демонстрировал свою идеологию. Хозяйка салона на всё идёт ради тряпок, дач, квартир. Всё напоказ, и своё мещанское рыло.

Он продолжал поддерживать разговор в компании:

— Хрущёв говорил, что, мол, скажи этому дипломату снять в морозный день штаны и сесть… на лёд, он и это сделает. — Кира усмехнулась, словно говорила о личной обиде. — Хрущёв на

встрече в ООН вещает миру «кузькину мать» и стучит ботинком по трибуне. Агрессивная риторика.

— Хрущёв стучал по трибуне, а дипломат кулачками бил тож, — усмехнулся Антонов.

— Знай, в правительстве не любят и не уважают твоего Андрея… Салтыкова бы Щедрина на него…

— А славянофилы? — возразила Кира и поправила волосы

— Шевченко — лучший друг Андрея — перебежал.

— У нас заочно приговорили его к высшей мере наказания.

— Посол защищал Шевченко, требуя прекратить слежки.

— О! Ты не перебежчик ли? — смеялась Кира.

— Он не просто выступил на заседании политбюро, а сразу же, как Горбачёв его открыл, не раздумывая ни секунды, встал и сказал: «Предлагаю генеральным секретарём ЦК КПСС избрать Михаила Сергеевича, — Антонов встал и вышел.

10. Приезд в Москву

Приятно вспоминать людям из глубинки, как первый раз приехали в Москву.

Подъезжали к МКАД. Движение на трассе стало мощнее, будто вошли в большой речной поток из маленькой речки. Полковник стал зорче следить за обгоняющими его иномарками.

— Ты посмотри, — мельком взглянул на Марию, он волновался, как его дочь встретит женщину. — Столько аварий! Что же вы хотите сказать, за рулём-то мальчишки! Спешат! Гоняют, как на истребителях.

Мария оглянулась. На заднем сиденье были Оля и Саша.

— А что дальше? — заглядывала нетерпеливая Саша в «Сказки народов мира», потирая кончики большого и указательного пальцев.

Оля прикрыла книгу, держа пальчик между страничками. Сказка для Саши была интереснее Москвы, которую, как ей казалось, она знала как свои аристократические пальчики на прелестной ладошке. — Давай дочитаем!

— Кто разобьёт эту палицу вдребезги, за того я выдам замуж свою дочь!

Оля говорила, не открывая книгу, и Саше стало это обидно:

— Ты это читала?

— Нет, не читала, а если ты читала, то расскажи, что было дальше.

— Я могу тебе и до конца рассказать — все сказки одинаковы. Один принц разбил эту палицу, и король отдал в жёны свою дочь… Все сказки одинаковы.

— Нет! Понимаешь, король велел сыграть сразу две свадьбы: он женил своего сына на дочери другого короля, а силачу отдал в жёны собственную дочь.

— Ну и что? Я всё правильно отгадала.

— Как что? Он ходил, совершал подвиги, нашёл себе невесту, пройдя через такие испытания, а у него отняли.

— Глупая! Ему-то досталась тоже дочь короля!

— Но ведь он не ради неё совершал подвиги! А ему просто заменили… А сказка заканчивается, что все счастливы, вот: «Обе молодые четы жили потом долго и так хорошо, что лучше и не бывает».

— Чувствуешь тут иронию: «лучше и не бывает».

— Нет тут никакой иронии — король велел, и

всё! «То-то было веселья!»

— Это ты уже сама придумала?

— Нет, — Оля начала листать книжку. — Там есть одно место: «Когда король увидел, что силач вернулся — удивился: “Как же тебе всё-таки удалось получить у короля невесту без сватов?” А силач отвечает: “Как удалось, так и удалось, это уж моё дело, как я её получил. Просто я произвёл на него слишком сильное впечатление”…»

— Рано вам ещё о слишком сильных впечатлениях разговаривать! — укоротил девочек старый полковник. — Перед вами древняя столица Руси, а вы какие-то албанские сказки до дырок читаете. Восток-дело тонкое. Или вас в гарем потянуло? Пристегнуть ремни, приземляемся!

— Дедушка, у нас тут ремней нет. Оля, а ты что все эти сказки наизусть знаешь? Во даёт! Ты что, их учила?

— Нет, просто это ещё мамина книга, когда меня ещё не было…

Борис Константинович любил бывать в Москве, но жить здесь не смог, что-то мешало чувствовать себя раскованно. Однако всегда, пролетая над Москвой, он стремился отыскать тот дом, к которому он мчался и в этот приезд. Когда он долго не был в Москве, Красная площадь ему

виделась особенно величественной. Москва притягивалась к ней, как к магниту. Даже в небе на высоте восемнадцати километров чувствовался этот магнетизм. Полковник хотел открыть это чувство для Оли сам, как открылось ему это за всю жизнь, с того дня, когда босоногим мальчишкой пробегал он по отшлифованной столетиями брусчатке. Ему хотелось, чтобы Оля увидела не просто большой город, но тот, который жил в его душе.

* * *

Утром Борис встал раньше всех, эти часы он любил-и голова свежая, и сил много.

— Мария, доброе утро! — приветствовал он, зайдя на кухню. — Что так рано? Чай пьём?

— Всё вскакиваю — не проехали ли мимо доярки, — рассмеялась. — А хорошо утром в Клёповке было, да?

— Забудь, если ты на орбиту мою вышла.

— Кофе будете?

— Спасибо, — ему нравилась её заботливость, которой не было у Киры, хотя мать её была истинной домоседкой и любила дотошную кухонную стряпню. — У нас сегодня интересный план знакомства с Москвой, хочешь прокатиться с нами?

— Оле будет свободнее без меня. Я вам очень

благодарна за неё.

— Мы не чужие. Я только для вас сюда и приехал. — Затем крикнул девочкам: — Оля! Я вас уже дожидаюсь.

— Дедушка, мы сегодня с Олей пойдём сами, — не открывая глаз, буркнула Саша. — Я буду ей показывать Москву. — А Оле шепнула: — Я познакомлю тебя с одним парнем. Такой классный! Илья второй институт кончает-всё знает! С ним побродим по городу, а чего со стариками ходить, да? А у него кинокамера ништяк! И вообще он всё-всё знает.

Борис Константинович спорить не стал:

— Кто рано встаёт — смотрит на восток, кто любит поспать — идёт на закат… У кого внуков нет — гуляют с собачками, — он проговорил это больше для себя, чем для кого-то. Не хотят его участия — тем лучше для него.

Мария чувствовала себя не очень уютно в большой московской квартире. Прихожая больше, чем её комната в деревне. Здесь всё накапливалось годами, бабушками и дедушками, создавалась некая музейность, но старина не утяжеляла, напротив, дополняла современную обстановку.

— Мария, к нам сегодня придут интересные люди, — Кира хотела разрушить отчуждённую

учтивость. — Не уходи… Тебе не будет скучно.

— Я поброжу по Москве.

— Возвращайся быстрей… Если заблудишься, звони.

— В Москве нельзя заблудиться, метро всё связывает.

— А куда, если не секрет, ты хочешь пойти?

— Не секрет… В музей Достоевского.

Кира прошла в просторную, двадцатиметровую ванную.

— В музей? С девочками? Да, там пространство, конечно… не сосчитать, сколько людей. Мне даже кажется, что у всех движения, глаза, звук голоса от этого меняется. Огромное влияние друг на друга, — сказал полковник.

— Тебя что-то тяготит, потому что мы приехали? Ты уже сказал дочери? Как твоя дочь к этому отнесётся? — Мария волновалась.

— Это касается только меня. Что ты хочешь ещё спросить?

— Август 91-го, — она напряжённо смотрела на него. — Что с нами будет через 30 лет?

— Вот тебе и август! Заводы останавливаются, колхозники, как коровы недоенные, разбрелись и мычат, но не телятся. Вы откуда приехали? Государство-то уже давно развалилось, ибо госу-

дарство не Бог.

— Удивительно точно. По Чехову. Пари по поводу смертной казни. У банкира в саду юрист сидел лет двадцать, кажется?

— Ах да! Вы же государство меряете надоями молока. Закрыта Третьяковка лет десять и теперь откроется, может, только через тридцать лет. Мы больше не увидим ни Крамского, ни Репина. Перестройка, распродажа, аукцион. А ты часто там бывала?

— До сих пор закрыта? Больше десяти лет? — удивилась Мария.

— Ты представляешь меня каким-то монстром. И боишься любить. А я тепла хочу, общения. Мне кажется, мы наблюдаем, изучаем друг друга.

Мария промолчала, уловив раздражение, которое он прикрывал насмешливостью.

11. Салон Киры

Кира слушала и смотрела по телевидению программу Аллы Пугачёвой. Как хотелось и ей выглянуть в окно, а там увидеть миллион алых роз. Но пусть художник будет не бедным, а богатым и успешным. Она считала, что в её роду были князья. Но древо своего рода она ещё не

составила полностью. Кто бы ей помог?

Звонок в дверь, кто-то пришёл.

— Познакомьтесь, Фёдоровна. Я как Анна Шерер у Толстого.

Фёдоровна давно была в доме своим человеком. Сначала эта пожилая женщина приходила разогреть обед для Сашеньки, потом стала помогать в уборке квартиры, и как-то так незаметно сделалось, что стала просто необходимой, незаменимой. Раньше Кира дарила ей на праздники и на день рождения хорошие подарки, потом, когда пенсия превратилась в нищенскую подачку, убедила соседку брать за свою работу деньги. Кире стало легче, перестало тяготить чувство зависимости, а соседка, всякий раз, получая деньги, терялась, не знала, что сказать и куда смотреть.

— А это наша Мария. Приехали посмотреть Москву. Фёдоровна, вы у нас коренная жительница, доверяю вам их, как гиду.

Хозяйка оставила их вдвоём, полагая, что они быстрей поймут друг друга.

— Ах! Какое счастье, что я вас вижу! — в голосе Фёдоровны была какая-то приветливая теплота, что-то родственное, участливое и понимающее. — Как вам показалась Москва? А я, знаете, Москву не очень люблю, я ленинградка… Хотя и

Ленинград сейчас не тот. Раньше вот идёт человек, курит, и не бросит свой окурок, потому что кругом ни соринки.

— Вы? — Мария удивилась, глядя на эту хорошо сохранившуюся женщину — Вы пережили перестройку, как войну? Вы выглядите лет на пятнадцать моложе.

Смущение и лёгкий румянец разлились по славянскому округлому лицу, раскрывая доброе, материнское.

— Мне было четырнадцать лет. Я работала в воинской части в госпитале. — Она держалась в квартире привычно, словно здесь жила её дочь, и от этой её простоты становилось светлей и как-то свободнее.

— Надо вспоминать хорошее.

— Как? Хорошего и был спектакль «Мария Стюарт». Однажды в театре стою в кассу, вдруг подходит мужчина из очереди: «Я узнал тебя по голосу. Это из госпиталя!» Узнал. Как трудно было, а все верили. Он лётчик. Герой Советского Союза. На крыле вынес другого лётчика прямо у немцев под носом. А потом скольких я ещё встречала! Я ведь с мужем всё объездила. Мы должны были поддерживать структуру государства. Мы и поддерживали.

Приход нового гостя вновь ознаменовался исполнением короткой мелодии. Среди собравшихся оказалась странная женщина. Если бы её одеть в костюм Бабы-яги, она бы сделалась только от одного этого лучшим персонажем ТЮЗа. Оля не могла от неё оторвать взгляд: нос — крючок, глаза — большие, выплёскивающие черноту, волосы — пакля, вывалянная в саже.

— Наташа, познакомьтесь с моими гостями, чтобы знать, кто что любит пить и есть, — голос Киры стал напыщенный. — А это наша Марфа, — произнесла она театрально. Кира называла эту женщину «чёрной вдовой», напоминая ей, что у той было три мужа и всех трёх она схоронила, словно неся на себе судьбу паучихи.

— Меня зовут Наташа… — тихо сказала чёрная вдова.

— Марфа, — перебила её хозяйка салона, — ты суетишься о многом, а одно только нужно.

— Я испекла пирожки, — Наташа говорила виновато. — Я готовлю вкусняшки для гостей. Когда у меня умер первый муж, я думала — не выдержу. Вот когда второго схоронила, легче было. И третий раз вышла. Вот соседка мне завидовала. Потоптанная жизнь у неё. Зависть страшнее ненависти.

— Ну, ваше место на кухне, я же не ограничиваю вас всё кушать: «На халяву и уксус сладкий». Надо знать своё место.

— Мой третий муж был писатель. Жена его, правда, была аптекарским работником. Вы, наверное, слышали, что она устроила? Его заставляли отказаться от членского билета. Она его через партком пыталась вернуть. Я столько для него сделала. Я перепечатывала, переписывала ему всё. Иногда изменю по-своему, а он: «Что ты меня всё исправляешь? Ты писательница или я...» Мне ведь после него ничего не осталось, всё его жена и детки забрали.

— Ты своих мужей любила?

— В третьем души не чаяла за то, что он писатель, хоть и чужой муж, а я отбила.

— Это не любовь, здесь только следы страсти, — с таким неприятным вниманием слушает Кира чёрную вдову. — Иногда простая зависть очень подпитывает артистку-женщину.

— О! Я мечтала быть актрисой кино. Если женщина в себе почувствует трепет зарождавшейся жизни-она мужчину своего так, так полюбит, как никого прежде не любила! — И возникло светлое выражение в глазах чёрной вдовы. — Это же восторг увенчанной любви! Время пронеслось

быстро, как блаженный сон.

— Вам бы увидеть в зеркале себя, а не своего персонажа, — сказала Кира сочным режиссёрским голосом. — Помните, как пел Лемешев арию Ленского? Главное, найти правильное интонирование. Я выбрала развитие. А вы? Вы же три года учились в музыкальной школе!

12. Знакомые незнакомцы

Славецкий, пригибаясь у дверного проёма, рассчитанного на жильцов не выше среднего роста, вышел из каморки, прицепил висячий замок без ключа на дверь — для видимости. Открыл калитку, сняв с шаткого столба проволочный проржавевший круг в бисерных капельках дождя. Подниматься в гору тяжело, словно он всю ночь провёл не в постели, а разгружал вагоны. «Чтобы быть в виду, надо быть на виду», — мысленно повторял он. Ступеньки осклизлые, как голыши, выложенные из надгробных плит церковных. Он любил представлять себя в давнопрошедшем времени. Он держался за холодную металлическую трубу, прикреплённую вдоль ступенек. Наконец гул города стал ясным, звучным, дома ровными рядами длинных очередей тянулись к

центру. Этажи громоздились, окна поднимались от земли всё выше. Здесь ему нравилось меньше, чем там, внизу, где всю зиму дымили трубами одноэтажные домишки, а летом всё зеленело и пело птичьими голосами. Его вдохновляло, что где-то здесь жил Мандельштам.

А кто же любит оставаться в городе летом?

На улице Вадиму казалось слишком жарко, в комнате-душно. Нагромождённые на полках, на столе, на кресле и даже на полу книги пропитывались въедливой пылью, бороться с которой у него недоставало сил и не было пылесоса. Вечером он наливал в таз холодной воды и ставил его у кожаного дивана, потёртого, как в каморке у Раскольникова. Утром менял воду-это его кондиционер.

Он вошёл и увидел, что вода в тазу мутная, такое же было лицо у Вадима, будто он тоже провёл бессонную ночь.

Когда одиночество сковывало Вадима Николаевича, он затихал, уходил в себя. Но последние дни долго так оставаться не мог. Друг-это страховка, это человек, с которым надёжно. Сегодня было особенно не по себе, и нужно было с кем-то поговорить, кому-то выплеснуть наболевшее, раскрыть душу. И они были рады друг другу в

такие минуты. Было в его дали детства что-то глубинное, тёмное, тяжёлое, что чувствовалось, даже когда он смеялся.

— Хорошо, что пришёл сам, — приветствовал Вадим друга по-женски «сам». — Я собирался сегодня зайти к тебе, да голова какая-то тяжёлая. Сейчас сделаем чаёк.

С ощущением тепла приходило и оживление, тяга к общению.

Посидев с полчаса, они как-то разом сошлись на том, что надо бы и неплохо бы было появиться в салоне Киры, как они называли между собой эту квартиру.

Быстро пошли. И вот они уже у дома. Одновременно с ними у двери оказались и две хорошенькие дамы.

Это пришла Люба. И вдруг подошёл ещё молодой человек, похожий на индуса.

— Меня зовут Алекс. Ты девочка не московская, — сказал Алекс, разглядывая Любу. — Ты здесь никого не знаешь. Это высшее общество. Здесь не только водят совместные хороводы, но и происходят интеллектуально-любовные сближения. Держитесь ближе к Ренэ Герра из Ниццы. Но данное ему обещание не раскрывать его инкогнито заставляет прикусить язык. Будете

гордиться, что общались с ними. Я буду твоим гидом, я написал уже несколько книг, я поэт. Меня зовут Алекс. А сейчас я вас познакомлю с высокочтимым мэтром Ренэ.

Вошли ещё гости.

Алекс подвёл симпатичную девушку к Ренэ.

— Вы любите передачи «Романтика романса»? — спросил Алекс, думая, что это то, что хотел сказать Ренэ.

— Иногда, — ответила Люба.

Он провёл дам к столу, сервированному по-шведски.

— Ты любишь лобстеры, я знаю, — индолог Алекс, худенький, как индус, шутил.

— Я их не пробовала, — смутилась Люба.

— Рекомендую откушать. Лобстерами они стали уже на кухне. Омары атлантические не каждый день кушаем, — говорил он скорее Ренэ, чем девушкам. — Не подумайте, что я гастрономический маньяк. Русская интеллигенция, а особенно творческая, за восемьдесят лет строительства коммунизма потускнела. Иудеев сорок лет водили по Египту, а русских восемьдесят. Вот загадки прошлого. Надо бы жить будущим, а мы всё ныряем в прошлое. Приходите на выставку «Они унесли с собой Россию». Эти картины вы

никогда не увидите, они в Париже. Кисти художников-эмигрантов. Если гора не идёт к Герра, то Герра идёт в Москву.

Люба смутилась от необычности обстановки.

— Раки краснеются среди чёрной и красной икры. Эти лобстеры всё ещё похожи на живых морских омаров. Не правда ли? Прикинь.

— Панцирь периодически линяет у них и так растёт. Самки живут пятьдесят лет, а самцы тридцать. Но сейчас мы не узнаем, кто самка, — засмеялся Алекс, обнимая за плечи девушку.

Люба застыла перед лобстером, тыкнула в него вилкой, перевернула ножом. И рассердилась. Руками брать постеснялась.

— Светик, а девочки боятся лобстеров. Они не живые? — Алексу нравилось общаться с другим поколением, с другим кругом. — Я тоже не был человеком этого круга. У меня родители геологи. А тут цвет общества, бомонд. Гордиться будете, что общались с ними. Общайтесь.

— Света? — шепнула Люба подруге. — Не поняла.

— Это легендарный Святослав. Автор предисловий и послесловий к собраниям сочинений мировой литературы, — пояснил Алекс.

— А своё он что-нибудь написал?

— О! На алтарь публичного успеха он своих книг ещё не положил. Это жертва за успех на сцене и в ящике.

— В ящике?

— Его устраивала работа ведущего. Как Нина Заречная лошадей гнала, так он концерты. — И Алекс, подняв бутылку, спросил: — Армянский коньяк или шампанское?

Кругом разговор, смех и непривычная столичная богема.

Подошёл муж Киры и отец Сашеньки, усталый, изношенный человек, состарившийся не от своих лет, а от какой-то душевной тяжести. Лицо такое — цвета побежалости — радугой по металлу.

Вадим Николаевич пожал руки деликатно, предупредительно, но чуть, на полсекунды переусердствовал и внёс некую двусмысленность.

Среди гостей Киры каждый как будто ждал чего-то, какого-то особого к нему внимания. А Кира, зная это «чтобы быть в виду, надо быть на виду», оттягивала момент разговора.

— Борис, вас ещё не закружили девчонки? — рассеянно улыбнулась полковнику Мария.

— Что вы! — Полковник обнял её. — Я рад! Я помолодел лет на двадцать. Позвольте мне продолжать в том же духе. Осипович, а вы, кажется,

незнакомы с Марией? Я хочу сказать, что это умный человек, и мы с ним сейчас спорили. Ты вовремя пришла и разрядила.

— Мне так нравится, когда вы разговариваете! — сказала Кира сочным голосом. — Чтобы люди разговаривали так много, как во времена Толстого и Достоевского! «Жизнь задыхается без цели».

— Говорят, наш век не романный, — заметил Вадим Николаевич.

— У Марии традиционный музейный день, — заметила Кира.

— Меня тянет эта тихая улочка, только жаль, что дома напротив рушат.

— Строится Москва. Ну что, Осипович, значит, по-вашему, человеку совсем ничего не нужно, кроме самого себя, — продолжил полковник прерванный разговор.

— Человеку нужно то, что ему нужно, вот только это я и сказал. Ну, может быть, это только я такой нехотяй?

— Кто вы?

Оля, в небесно-голубом, застыла, как облако, и прислушивалась к разговору двух мужчин, один из которых был в очках с большими линзами и в странном плаще, словно из тумана.

— Нехотяй? Ты ничего не хочешь? И когда это с тобой случилось?

— Когда папа был дипломатом.

— Где?

— В Поднебесной.

— Интересно. Какие люди! Но таких нет, которые ничего не хотят. А где его золотой посох?

Вадима хозяйка салона Кира за глаза звала «наш Телесий». Эту метафору нечаянно употребил друг его. Было в дали юности что-то глубинное, тёмное, что чувствовалось, даже когда он смеялся. Он рассказывал, как убил одну толстую змею, а другая уползла. И что-то стало с ним твориться. Он отрастил длинные волосы и красил их, стал завязывать на шее косыночки.

— Разрешите, милая леди, представиться, — отвёл внимание Оли от мужчины с косыночкой на шее. — Славецкий.

Но вдруг мелодия двери опять оповестила о приходе нового человека.

— Извините, господа, — Саша ввела молодого человека в гостиную, она держала его под руку, словно знатная леди, а он так сильно выгнул назад плечи, что все невольно улыбнулись этой весёлой паре. — Кто не знает нашего учёного Илью — прошу знать.

Илья пожал руку Славецкому и ощутил твёрдость, но при всей этой твёрдости было что-то ласково-галантное, возникало ощущение — эта рука очень подходит моей. И почему-то именно ему он передал газеты, которые специально нёс для полковника.

— Илья, рассуди нас — мысль ложна только оттого, что непонятна? — спросил он.

— Я не люблю играть в слова, — буркнул полковник. — Мы должны выходить на правильную мысль, а не запутывать друг друга словесными экзерсисами. Не упрощать, но пояснять всё: даже самое сложное. А от вас какая-то тень.

— Отойдите подальше, всем хватит места под солнышком, — защищался со спокойной улыбкой, словно всё в нём было заранее тщательно продумано. Ещё в пору детских игр в доме известного генерала, которому доверяли решение дипломатических вопросов, он уже иронизировал.

— Извините, — произнёс с примиряющей улыбкой Илья. — Вы ещё в истории не всё сказали.

Оле казалось, что, когда Илья говорит, в нём что-то светится. Она смотрела на Славецкого, и в этой затянувшейся паузе ей стало жалко его.

13. Помощник в ЦДЛ

В нижнем буфете ЦДЛ, как бы высоко поставлен чиновник ни был, вёл себя по-товарищески, как с небожителями. Новых сразу замечали и тех, кто возвышал себя, ставили на место. Шевченко бывал здесь в своё время. Критики говорили, да Антонов и сам признавался, что обладал сверхсекретным оружием — предвидением. Но употреблял это оружие редко. О бывшем помощнике господине Шевченко Антонов знал наперёд.

Если бы прошло полвека, и автору пришла бы идея провести своё журналистское расследование, например, в 2025 году. Перестройка систему аппарата государства так изменила, что если бы Шевченко мог видеть или хотя бы слышать, что творится, то, возможно, понял бы, что его вина в том, что он опередил своё время, как Ульянов-Ленин.

А когда в начале 1985 года на книжных полках магазинов США появилась книжка Шевченко «Разрыв с Москвой», это была бомба. Он описал свои мотивы и размышления не с целью кого-то опорочить и тем самым осудить, а понять.

— Сбиваться в стаи — это способ существования коллективных особей. Чему же тут удивляться, что коррупция захлестнула страну? А жёны и любовницы со времен Гоголя влияют на расстановку кадров и в высших эшелонах власти.

Антонов любил беседовать с вундеркиндами и с теми, у кого есть дар.

— Кто такой настоящий дипломат? — спросил Антонов.

— Это мудрый муж, который убедил жену, что белая норковая шуба её сильно старит.

— В дом-музей явились гости, обходя четыре комнаты.

— Откуда вам это известно?

— Знания передаются. Газета Times публикует очерки Шевченко.

— А жёны спасали ценности, разбросанные по магазинам, базарам, скупая их. Что же тут криминального? — Шевченко расправил плечи, клюнул сосиску и спросил у Антонова: — О том, что Шевченко, переступая через своё честолюбие, преподнёс в семидесятых бриллиантовую брошь, ты знаешь? А Лина, жена Шевченко, на время приезда в США становилась подругой посла.

— И что? Что? Шляхтича и дома пороли? Как ты не понимаешь, какого уровня этот дипломат

был! Он представлял великую державу на международном уровне.

— Говорят, с него началась перестройка. Он выкрикнул Горбачёва до предложения и голосования по протоколу.

— У каждого человека есть два Солнца. Солнце на небе и Солнце в душе. Пусть всегда будет хорошая погода.

Антонов задумывался и пришёл к выводу, что существует и движет человеком не только генетическая память, но и генетическая судьба. Ни золото, ни бриллианты, ни власть так не влияют на судьбу, как генетическая память. Мы отрабатываем миссию и в личном плане, и в коллективном. У коллектива есть общая память, и личность не может быть свободной, находясь в этом коллективе.

— Если папа дипломат, то так или иначе судьба предоставит и тебе шанс, — сказал он Ольге, положив её руку себе на колено. — Нужно уловить миг, удивительный миг.

14. Горбатый мост. 1991

Есть свадебная традиция у москвичей: объехать несколько мостов и повесить замок. Кира

тоже свой замочек оставила на Горбатом мосту. Это один из самых старых и счастливо уцелевших мостов Москвы. Нагруженный прекрасной людской ношей замков «на счастье» Горбатый мост, казалось, улыбался на фотографиях.

Кире, видимо, нужны были люди, чтобы чувствовать, что жизнь крутится, вертится вокруг её оси и у каждого есть своя орбита. Зачем ей нужны эти люди? Она удерживала их силой гравитации обаяния. Одна необходимость порождает другую, и всё в этой жизни состоит из подобных цепочек. Кире стало интересно: завязывался разговор между её отцом и Славец-ким. Она искренне полагала, что не любит плохой театрализации. Не живут в полную силу, а все вроде репетируют, играют ситуации.

— Да, я военный человек и горжусь этим. Для меня все штатские… — он напрягся.

— Не люди, — помог Славецкий. Он думал, что знает человеческую натуру и вправе судить, исходя из этих знаний.

— Господа, граждане-товарищи! — попытался начать с шутки Греков. — Мне кажется, что мы находимся на такой волне человеческой истории, что сейчас всё решается в России! Шкала ценностей перенесена сюда, и оттого, как мы с вами

увидим мир и события, будет зависеть судьба всей планеты! Я не шучу! Вы должны научиться слышать и понимать друг друга, чтобы эта шкала опять не оказалась ложной!

Откуда взялся этот Греков, спросите вы. У Киры было именно это и интересно, что тут, в её салоне, могут быть самые неожиданные встречи, люди из разных кругов Москвы: и из Садового кольца, и из глубинки.

— Они неполноценные люди, — невысокий, с седым пушком на затылке, Борис говорил таким генеральским голосом, что по телефону часто вводил в заблуждение по поводу своей внешности представительниц прекрасного пола. — Мы лётчики! Нас выбирали одного из ста тысяч! Это лучшие люди, особая порода. И в физическом, и в интеллектуальном плане нам дали всё.

— Но вы заплатили за это свободой, — тихо заметил Славецкий, по природе своей он был человек мягкий, и, в общем-то, не в плане осуждения он говорил, а хотел понять.

— Какой свободой?! Кто из нас более свободен: вы или я? Что такое свобода, уважаемый литератор? Правильно я понял род вашей деятельности?

— Ну допустим. Так что, по-вашему, свобода?

— Это знак равенства между тем, что я хочу, и тем, что я могу. Вы достигали этого?

— По-другому понимать можно, товарищ полковник? — Славецкий сузил глаза, но не улыбнулся. Он ничего почему-то не делал сам, но поговорить он может. — Художнику даётся свобода для понимания людей, а военному и бывалому человеку-для обретения власти над людьми.

— Что значит «бывалому человеку»? — спросил Илья.

— Если за вехи истории принимать военные события и рытьё каналов, что же такое цивилизация?

— Я понял, почему свободе мешает власть, — Славецкий поднял руку, открытой ладонью как бы взвешивая что-то.

— Но в хаосе вы скорее лишитесь своей свободы. Вы не желаете порядка, который вам предлагается? Но сами вы не хотите заниматься мироустройством, — горячился полковник. — Что же тогда вы такое? Это женщинам и девчонкам вести такой разговор, но так просто разговаривать не подобает мужчине. Как же без власти удержится порядок?

— А как удерживается порядок в природе? — задал вопрос Илья с какой-то искоркой в глазах. —

Вы, мудрецы мира, ответьте, почему муравьям удалось разумнее построить своё существование, чем нам?

— Насилие порождает силу! — полковник ударил ребром руки по колену. — И я буду утверждать, что сила для установления порядка нужна!

— Художник находится над этой силой, — развивал какую-то свою высокую идею Илья, поднимая всё выше голову. — Человек-творец — вне насилия, вне этого порядка на земле…

— Что значит «над»? — загремел он.

— Вне их, — произнёс Илья, подчиняясь какой-то внутренней окрылённости.

— А кто же будет Родину защищать? Уголь добывать? Мы никогда не догоним Европу, потому что нам всего надо в четыре раза больше, у нас четыре типа одежды, четыре типа питания, топлива надо в четыре раза больше. Европа — это Гольфстрим. А у нас Сибирь, тайга, топи, тундра. А у вас ницшеанство, — полковник резко встал.

— Ваша теория зла, — поспешил выступить в защиту Ильи Осипович.

Илья понимал, что беда этого опытного честного человека в том, что он только свою жизнь считал правильной:

— Вы оба правы, но вы оба ошибаетесь.

— У меня такой опыт! И я ошибаюсь? — он негодовал.

— Но у меня другой опыт.

Однако полковник Илью не услышал, словно мешал рёв двигателей истребителя:

— Кто может меня учить, если этот человек от горшка два вершка не поднимался! Сила, какой бы жестокой она ни была, если она противостоит насилию, должна быть оправдана!

— А как же «не убий»? — Илья верил, что можно к душе любого человека достучаться. — А всепрощение? — во взгляде его была детская открытость.

— Я ношу крестик, как уступку моде, из уважения к одной женщине. — Полковник на мгновение закрыл глаза. — Что нам говорить о той жизни, о которой мы ничего не знаем? Каждый период истории свои даёт ответы. Дай человек тоже. Всё в жизни решается заново.

— А десять заповедей? Ведь это всё касается больше той жизни, чем этой, — Илья был больше на стороне полковника, но иногда его правды совсем не принимал.

— Извините, полковник, — усмехнулся и произнёс как-то через губу Славецкий. — Он живёт

как бы свою жизнь, к быту, к реальности не приспособлен. — Вот вы крестик-то надели, а партийный билет положили? Вы как Понтий Пилат, как коммунист.

— А что общего между коммунистом и Пилатом?

— Хотел отпустить назарянина, не хотел ссориться с иудеями. Когда узрел, что они не хотят исполнить его желания — отпустить бедного, как бедуин, человека, то отправил его к Ироду, земляку его. Но назарянин не стал показывать чудеса и развлекать богатого римлянина, облечённого всемогущей властью. Ирод отослал назад в преторию Иерусалима, по-нашему в мэрию. Понтий в третий раз не желает брать на себя ответственность за этого безобидного чудака. И отдаёт решение вопроса разгневанной толпе, зная наперёд, что они не изберут назарянина для прощения на праздник по иудейским законам. Трижды отрёкся от назарянина Пилат. Однако в эфиопской церкви прокуратор Понтий-святой. У загадочного Булгакова Пилат «в белом плаще с кровавым подбоем». Понтий-предтеча коммунистов. Товарищ полковник, вы ещё коммунист?

— Я-полковник! Я защищаю своё отечество. Горжусь этим, уважаемый литератор. Или вы

не мученик-литератор, а уважаемый судья-редактор? Или как вас? Все редакторы-людоеды! На меня где сядешь, там и слезешь! — лёгким упругим движением он отскочил, словно его облили кипятком. — Я служил Родине! А вы что сделали для нашей с вами Родины? Разваливали то, что я берёг?! — не быстро и не медленно при выпрямленном корпусе проделал несколько ровных шагов.

— Почему разваливали? — тут Илья опять ринулся объяснять движение жизни полковнику из одного желания помочь ему. — Просто старались изменить жизнь, которая и вас, наверное, не устраивала.

— Или вы камни мечтаете превратить в хлебы? Заводы работали, колхозы давали людям всё, чтобы жить, растить детей. Не боялись в старости смерти от голода… А вы что хотите сделать вашей свободой? — сражался полковник словами со словами.

— Разве страх смерти зависит от голода или болезни? — Илья удивлялся, сколько нерастраченной энергии было в этом старике-лётчике, словно он ему не отец, не дед, а ровесник. — Смерть-это смерть, а голод-это голод.

— У нас не умирали от голода, не боялись ни-

щеты, не собирали на свалках куски хлеба, не бросали детей! — от полковника исходило столько силы и уверенности.

— Вы-то сами бывали на свалках? — туго сжал Славецкий окрещённые на груди руки.

— Не был, но знаю.

— А я был! — вдруг сорвался голос Славецкого в какой-то детский крик и завис. Он сам прервал паузу. — Десятки раз был. И дети, и женщины, и старики выковыривали пустые бутылки, куски хлеба. Работал над этой темой как журналист. Но мой материал не пропустили на страницы газет, поэтому вы, полковник, ничего не узнали.

— Это клевета!

Кира понимала, что отчим сейчас обрушит ещё большее обвинение, это был его старый способ защиты даже дома с женой или детьми. Она совсем недавно узнала, что он отчим ей. И теперь смотрела на него другими глазами.

— Вадим, — по-хозяйски расставляла она на столике кофейные чашечки, загораживая собою отчима, и своей намеренной неловкостью прервала разговор. — Я сегодня была в колледже. Как вы думаете, Сашеньку надо перевести в другой класс? Идёт набор особо одарённых детей, и собеседование-английский язык — за неделю до

занятий. Может быть, пока Сашенька здесь, пусть позанимается с репетитором?

— Я сам позанимаюсь с ней.

— С твоим произношением?! Нужен носитель языка, языковая практика нужна.

Вдруг зазвонил телефон. Кира подняла трубку.

— Папа, тебя спрашивает Иван Корнев.

Полковник, важно приосанившись, точно на военном параде, подтянутым армейским шагом промаршировал мимо гостей в прихожую.

— И Оля пусть к ним подключится, — вынул заложенные руки из-за спины Вадим Николаевич. — Хочешь, Оля?

— Я в деревне начала изучать немецкий.

— Зачем?

— Там нет английского.

— Как? Во всей школе нет?

— Там маленькая школа.

— Ничего, поприсутствует. — Вадиму Николаевичу нравилась эта тихая девочка, которая, как ему казалось, всего стеснялась и от этого с особым уважением относилась к людям, которые живут такой жизнью. — Может быть, у неё пробудится интерес, и она самостоятельно будет продолжать в деревенской тиши изучать язык…

Вадим Николаевич жил литературной по-

дёнщиной, сохраняя особую почтительность к знаниям и людям, которым это было дано с детства. Теперь, казалось, он был привязан к дочке и к бывшей жене больше, чем до разрыва с ними.

Наконец пришёл Зубр, невысокий, поджарый — истинный горец, однако со светло-русыми волосами и вологодской голубизной в глазах. С его появлением все как-то подтянулись, сели прямее.

— Хотите свежий анекдот? — выпалил он задиристо. И начал: — Пришла делегация чукчей в приёмную комиссию и жалуется: «Не хотим называться чукчами! Анекдоты слушать о себе надоело!» «Хорошо! Учтём ваше пожелание».

Когда высокая Кира походкой манекенщицы прошла по новому ковру своего салона и прикинула, куда усадить Андрея Зубра, всё внимание было ей. Хозяйка была приятно возбуждена — её интерес наблюдательницы жизни будет удовлетворён. Она почти не обращала теперь внимания на Грекова и Славецкого. Зубр ей виделся не таким, каким он был перед всеми, а как бы с портрета, который она на него составила. Портрет этот, если бы взялся нарисовать художник, вышел бы сантиметров на десять выше самого человека. Ей казалось, что Зубр встаёт на носоч-

ки или подпрыгивает. Этот человек сам создаёт для себя символы и каноны, потом из них строит пирамиду и вдруг с азартным задором разрушает. Так он делает свою жизнь деятельной и значимой. Кире, чтобы узнать человека, важно было, что сам человек говорит. Она больше верила в естественность движений, жестов. Всему мера — сознание, знание и воля. Но язык тела лучше, чем слова.

* * *

Мария слушала, но в разговор не вступала. Думала о своём. Вспоминалась почему-то Евдокия, глубинная, затерявшаяся на просторах черноземья Клёповка. Какое мужество, какую душу надо иметь женщине, чтобы пройти сквозь такие тернии жизни, не сломиться, не впасть в меланхолию. Ей вспоминались не лицо, не руки, не глаза, а голос. Прошла сквозь такую жизнь, которая по тяжести, быть может, перевешивала лихолетья войны. Как щедро природа наделила силой и волей эту натуру. Кто давал ей эту силу? Перед людьми на колени не падала, одна с двумя детьми мыкалась. Почему такое бесправие — дети тяжким камнем упали на неё и тянули, тянули… Дети?! Женщина прорастает в них и уже

становится неотделимой, а мужчина отторгается и так увеличивает дистанцию, что рвутся все связи. Спрашивают, какая идея объединяет всех людей? Дети объединяют всех людей! Вот вам и идея. Раньше в народе говорили, у кого нет детей-это высшая кара Божья. И сиротку в дом брали, чтобы загладить свою вину перед природой и людьми и умилостивить Бога. Пуста всякая идея, если она не заполнена болью за детей. Пока мужчины это не поймут, — на земле будет хаос. Она представила, что бы было, если б они поехали к отцу Оли. Но вот этой боли она боялась и оттягивала встречу, объясняя занятостью то одним делом, то другим, да и дорога до Дальнего Востока не такая близкая. Но чувство вины перед дочерью, как тень, ползла и не рассеивалась даже в темноте ночи, словно она была темнее и гуще, иногда мысли эти так плотно обволакивали её в своё покрывало, что она просыпалась и засыпала с ними. И когда слушала этих салонных москвичей и небожителей подвала, ей было грустно. Как далеки они от Клёповки, от Евдокии, от Среднего и Верхнего Дона.

Вновь проснулась, никого в квартире уже не было.

Отдыхала от суеты последних дней. Эти

несколько часов возвращали ей силу, и не хотелось спешить выходить в город. Она привыкла всегда и везде быть с дочкой и чувствовала необыкновенную пьянящую, словно мешающую ей, свободу. Теперь можно время уделять только себе. Это новое чувство ещё неосознанное, непривычное возбуждало в ней какое-то праздничное особое настроение. И вдруг вспомнила школу, белую сирень, комаров, соловьёв. Мария отмахнулась от мысли о деревне так, как от этого отмахивались все, кто уезжал в город. Что нового может дать деревня человеку, ей или её дочери? Нет, надо решаться на переезд и ради Оленьки, Борис Константинович прав. Но и эти мысли она заглушила. Нет, сейчас она не хочет думать обо всём этом. Может она позволить себе праздник хоть раз в жизни? И она вышла на улицу.

* * *

Август 1991 года был похож на весну. В городе не чувствовалось уходящее лето так, как в деревне. Суета автомобилей и пешеходов, мелькание витрин, яркая реклама — всё в ней возбуждало радостное стремление быстрей двигаться, больше увидеть и успеть побывать там, где ей хотелось. Спустилась в метро. Молчаливая задумчивость

москвичей с газетами и книгами пробуждала в ней чувство уважения как к иностранцам. Движение поездов под землёй ей казалось таким же стремительным и лёгким, как самолёта в воздухе. Она любовалась лицами, поднимаясь по эскалатору. Вышла на станции Тверская. Хотелось пешком пройти до Красной площади. Что это? Праздник? Парад? Ползут маленькими колёсами, точно гусеницами, военные машины. Стайка мальчишек пронеслась мимо и громко с озорливостью крикнула: «Танки!» Но эти БТРы лишь по своей причастности к военным действиям походили на танки. Парни в защитноафганской форме сидели сверху, и было похоже то ли на парад, то ли на шествие вывода войск. Она смотрела на лица людей, которые тоже сопровождали это шествие. Была какая-то тревога в воздухе. Но спросить она не решалась, словно боялась услышать что-то страшное. Приблизилась и шла за медленно ползущими машинами, как сотни, тысячи людей. Шествие подошло к памятнику Юрию Долгорукому и встало.

Военные в бронежилетах принялись за разгрузку ящиков с боеприпасами. Потом понесли их к зданию Моссовета. Толпа прохожих подтягивалась и окружала их всё большим кольцом.

— Вы что же это удумали, а? — пожилая женщина из простых работниц кинулась с вопросами к молоденьким военным, похожим на курсантов. — Кто вас сюда пригнал? — размахивала она руками, словно находилась на стреле строительного крана и указывала майна-вира.

— Уйди, мамаша, мы выполняем приказ!

— А у самого-то голова на что? — она бросилась от первой группы солдат ко второй. — Мать-то у тебя есть?! В кого стрелять будешь? В меня?!

Перед колёсами первого БТРа появились доски от строительных лесов, какие-то ржавые металлические трубы. Подкатили, как бревно, высокую, чугунную тумбу для мусора. Мария обошла эту замысловатую баррикаду. Цепочка военных, а за ними и люди, пришедшие за машинами, вошли в тёмно-красную арку.

— Моссовет берут!

Она оглянулась — маленький, худенький старик, как дед Михаил из Клёповки.

Солдат провели во двор, выстроили вдоль стены Моссовета. Они стояли плечо к плечу, словно на уроке физкультуры.

— Хлопцы, курить хотите? — протянула пачку сигарет женщина в синем простом платке. — У меня сын тоже в армии. Возьмите, вот тут у меня

пирожки с мясом.

— Нам нельзя, мамаша.

— Ну и что ж нельзя, а есть-то хочется.

— На то и солдат — сила воли должна быть.

— Бомж останавливает на улице толстую женщину: «Госпожа, помогите мне, я не ел три дня». «О боже! — воскликнула дама. — Как бы я хотела иметь вашу силу воли!..»

— Откуда приехали, ребята?

Толпа быстро выстроилась в такую же шеренгу напротив солдат.

— С Урала есть?

— А мы — кто откуда, — отвечал один и тот же рыжеватый солдат.

— Понятно. А прибыли из каких частей?

— Из разных.

— Что делают, — разволновалась женщина с пирожками и с сигаретами. — Они, наверное, и присягу ещё не успели принять, их сюда пригнали!

Она чувствовала, как сзади подпирает толпа, желая тоже приблизиться к этим мальчишкам.

— Вы ночь ехали?

— Ребята, да ушёл ваш.

Перед рыжим парнем очутился блок импортных сигарет. Он рассмеялся. Вскрыл целлулоид-

ную упаковку и пустил пачки сигарет по шеренге. Солдаты рассовывали их по карманам.

— Что вы, ребята! Ведь все мы знаем, что такое армия. И сигарет-то не дадут. Вас хоть сегодня кормили?

Рыжий хохотал, точно у него сегодня день рожденья. И вдруг все в ряду переглянулись, замерли. Раздвигая заслон из толпы, прошла группа офицеров.

Вдруг одна старушка раскрыла пакет и стала вынимать сладкие булочки.

— Подожди, мамаша, — остановили её сзади, — сейчас их начальство пройдёт. — В поле две воли: чья сильнее.

Булочки вызвали смех.

— Так я что ж, — сетовала старушка, — я порядка не хочу нарушать. Вот купила гостинчика для своих, а тут вон какие дела. Возьмите, ребята, от всей души. Только, сынки, прошу вас Христом Богом, — голос бабушки дрогнул, как-то заскрипел, и она закашлялась, — чтоб пушки эти не стреляли, сделайте что-нибудь, — с трудом договорила, протягивая им пакет с булочками.

— Нельзя, нельзя!

Кто-то взял у неё пакет с булочками и стали оттискивать её из толпы назад.

— Ребятки, у меня ведь такой, как вы, муж с войны не пришёл, — донеслось её всхлипывание. — Война — великое настоящее горе.

— Весёлое горе — солдатская жизнь. Мы объедением без сытости не страдаем.

Рыжий отмахнулся:

— В карман её не засунешь. А есть нельзя.

Сзади напирают всё сильнее, и Мария, почти прижатая к рыжему парню, хотела повернуться и выбраться из этой толпы, но сзади плотной стеной продолжали давить. Обернулась, но многие были выше её ростом, и толпа, всё увеличивающаяся, держала их тоже нарастающим давлением. Похоже, что те, кто был за нею, сдерживал напор, поэтому она ещё сохраняла полшага дистанции между собой и этими парнями с винтовками.

Вдруг нависла тишина, грозная, военная, безжалостная ко всему живому. Притихли, словно ударили кого-то бессмысленно, беспричинно.

Шеренга выровнялась, откачнувшись, замерла. Сверкающие штыки блестели. Вдруг распахнулось окно на втором этаже Моссовета, полетели лёгкие, изгибающиеся на ветру листовки. Кружились над обнажёнными штыками. Толпа подтолкнула её сзади так, что она ткнулась в рыжего парня, чтобы не упасть. Он быстро убрал

штык, направив смертоносное остриё в кирпичную стену дома. Замер, не глядя ей в лицо. А толпа всё напирала. Пожилая бедно одетая женщина прорвалась вперёд и отчаянно хватала эти листовки, совала в хозяйственную сумку и опять ловила, словно это были для неё какие-то особо ценные бумаги.

— В народе, что в туче: в грозу всё наружу выйдет.

— Шла бы ты домой, бабуля! Тебе-то это надо?

— Стар дуб, да корень свеж. Аль я не живая, что ты со мной как с мёртвой говоришь?

— Народ глуп: всё в кучу лезет.

— Глас народа Христа предал.

— Волка на собак в помощь не зови.

Толпа сбивалась, давили, толкали. Крики то ли ликования, то ли отчаяния слились в сплошной гул. Вдруг на втором этаже Моссовета открылось ещё одно окно, несколько рук торопливо выбрасывали листовки. Эти радостно-зловещие вестники опускались прямо на голову людей толпы. Рыжий парень — солдат с обнажённым штыком — дико смотрел на обезумевшую толпу, и она ему казалась одноликой, управляемой откуда-то извне, как луноход, который собирал образцы пород для Земли, подчиняясь воле чело-

века за сотни тысяч километров. Рядом солдат с силой упирал штык в асфальт, но рыжий солдат сразу не догадался, что так будет безопаснее, и теперь ему приходилось держать винтовку над собой.

Мария не могла поверить в то, что видит: штыки, толпа, руки, взметнувшиеся вверх. Ей показалось, что пока эти листочки летят от второго этажа до рук, они не принадлежат никому. Как хочется поймать эти кружащиеся в воздухе слова, чтобы узнать правду. Но эта иллюзия только на миг подчинила её. В каком-то отчаянии она пыталась оттолкнуть обезумевших людей, напиравших с такой силой, что трудно стало дышать. Ей неприятны стали их лица, загоревшиеся от азарта. Вот упала старуха, из её сумки выпали булочки и растаптывались, превращаясь в месиво. Стало страшно, жутко. Руки дрожали, в ногах была какая-то слабость. Как выбраться из этой страшной давки? Куда она теперь спешила, куда шла, она уже не совсем представляла. Дождь то принимался сыпать мелкими каплями, то прекращался, но она его почти не замечала, не обращала внимания, как вода попадает в её босоножки. Вот идёт она по Москве будто босая. Движение машин было остановлено, словно на

гулянье в большой праздник.

Наконец поток людей вынес её к оцеплению, которое сдерживало доступ на Красную площадь. Здесь парни в военной форме показались ей ещё моложе, чем у Моссовета. Им также давали сигареты, шоколадки, зажигалки. Но толпа была здесь более агрессивной, словно раздражена тем, что их не пускали пройти по древней святой брусчатке.

— Кого выставили против нас? Детей наших?! — гудел бас. — Знают, что их никто не тронет.

— Где народ увидит, там и Бог услышит.

— Дети, дети, — горько сетовала пожилая, худенькая женщина. Как же это так?! И кто разрешил всё это?

— Кто? Коммунисты.

— Что, коммунисты? Я тоже коммунист! А кто защищал тебя в войну?

— Так я не про тех коммунистов говорю, а про этих!

— Про каких, про этих?

— А про тех, что в Кремль пробрались, чтобы народное добро хапать!

— А ты видала?

— Народ всё видит, его не обманешь.

— Это ты, что ли, народ-то?

— А ты-то кто такой, чтобы тыкать меня?! Коммунист, коммунист. По мне всё одно, какая партия! Лишь бы воров не было и обманщиков таких, как там сидят.

— Это в чём же они тебя обманули?

— А тебя не обманули? В коммунизм, говорят, верьте! Они себе коммунизм и построили, а нам что? За ружья опять похватались. Кровушки испить хочут?

— Тётка, ты хоть понимаешь, кого эти солдатики охраняют и кто здесь против кого?

— Всем один конец будет.

— Эх, бабка, бабка, что ж ты всех за собой тянешь, ты-то свой век прожила, а они ещё нет. А этому пацану, если он приказ не выполнит, военный трибунал. Посадят на десять лет.

— А у меня вся жизнь — каторга.

— Чем больше кошку гладишь, тем больше она горб поднимает.

Мария посторонилась. Старая женщина прошла мимо, поправляя платок узловатыми пальцами. Она невольно посмотрела на свои руки, которые непрерывно болели от дойки, и опять ощутила в них боль, словно только пришла с фермы.

— Что это происходит? — решилась она спро-

сить у пожилого человека с радиотелефоном. — Извините, я приезжая. Что в Москве происходит?

— Вы знаете, что они с вами сделают?! — прикрикнул он не то на неё, не то на того, кто только что отошёл.

— Работали, работали! А заработали чирей, да болячку, да третий горб.

Подошли двое военных.

Поняв, что ей не попасть на Красную площадь, Мария опять влилась в толпу и пошла, сама не зная, зачем и куда приведёт её эта залитая августовским дождём дорога. Гранитные камешки, отшлифованные шинами машин, поблёскивали в чёрном сыром асфальте то красноватым, то почти белым гранитом и создавали какую-то весёлую пестроту.

Она шла долго и очень устала, но там, в деревне, она привыкла забывать про свою усталость. Толпа вышла из центра, и улицы стали такими же, как в том городе, к которому она привыкла с детства: скверики, переулки, дворы домов… Кто-то хорошо знал, куда надо идти, и сокращал дорогу.

— Жалко, что не уехали отсюда, — её обгоняли двое молодых высоких парней, похожих на иностранцев, темноволосых, с вытянутыми лицами. Доучились бы ещё год — и в Америку, в этой

стране всего можно ожидать. То горб, то долина. Родина — чужбина.

А кто же настоящий архитектор перестройки? Министры иностранных дел — иностранцы, как во время Петра I? Почему мы к ним, а не они к нам в наши окна и двери лезут? Народ — высшая правда. Народ историю делает, выполняя волю свыше.

Шумно говорящие москвичи обогнали и затерялись в толпе.

— Демократию развели, давно бы надо было всё это прекратить, сколько можно терпеть, — с ней поравнялись мужики с загорелыми лицами строителей. — Развели базар, всё продают. От спекулянтов пройти по улице невозможно. Скоро нас с потрохами продадут, будем мы с тобой белыми неграми.

Впереди показались бронемашины. Подъехали. Остановились. Люди, как муравьи, натаскивали вокруг них доски, ржавые железки, сломанные ветки, в своей наивности представляя это баррикадами. Солдаты, свесив ноги в открытые люки машин, курили, весело отвечая на угрозы и одобрительные возгласы снизу. Им, видимо, странны были баррикады, БТРы, толпы испуганных обывателей, их слова, которыми они обменивались.

Парни чувствовали наконец свою армейскую силу. Это их возбуждало и радовало. Да и вряд ли кто верил в реальность этих баррикад. Они не могли оставаться в бездействии. Что это было? И народ шёл в надежде понять и увидеть.

Москвичи отдельными ручейками стекались к Горбатому мосту, ибо он находится в нескольких метрах от здания Правительства России.

Коренные москвичи знают историю этого моста от бабушек и прадедушек. Это один из самых старых и маленьких мостов Москвы.

Он возник на плотине Среднего Пресненского пруда, и называли сей горбатый мост ещё бабушки-москвички Нижний Пресненский, ибо был ещё и Верхний Пресненский.

Здесь на прудах заливали каток, и Миша Лермонтов скользил по льду, как по времени.

По нему, возможно, проезжал и Александр Пушкин, ведь его невеста Натали жила недалеко. Вот был великий архитектор русского языка-Пушкин! Народный язык поднял до литературного. Его никто не свалит, никакая мода.

Ведь построен мост в середине XVIII века. 1806 год — тут первый московский публичный сад. А мост облицевали белым камнем, стояли на нём фигурные фонари. И, казалось, дуга моста,

как бровь великана, удивлённо смотрела на прохожан.

XX — век технократии. Мост назвали «Мост имени 1905 года».

На мосту кровь проливали, которая наполняла собой речушку Пресня.

18 декабря 1905 года по приказу разрешили пропускать через Горбатый мост повстанцев, кто намерен сложить оружие и покинуть Пресню. Москвичи поднимали руки и входили на мост, как на эшафот. Многих расстреляли после обыска и допросов. Восстание подавили.

Мост связывал Пресню с Центром. В 1980-х годах мост реставрирован. Перед тем, как началась великая реставрация капитализма.

* * *

Вооружённое противостояние у Белого дома. Подойти было невозможно к Дому Советов. Эти ручейки слились в поток, и уже не надо было спрашивать, куда и как идти дальше. Они подошли от реки, и Белый дом не показался высоким и величественным, как из Клёповки. Вокруг какие-то кирпичи, асфальт, повреждённый колёсами тяжёлых строительных машин.

Мария старалась ступать там, где нет луж и гря-

зи, но ноги были уже мокрые, она почувствовала зябкость, словно сейчас с дождём повалит и снег. Людей было не так много, и можно было видеть все окрестности. Вокруг простор, будто затевалась новая стройка. Народ на ступеньках, костры, пиво и водка. Она не понимала, почему нужно идти именно сюда, а не оставаться у Красной площади, где, как ей казалось, должно произойти самое важное. Но вдруг на балкончике, над главным входом, появились люди, все оживились, повернулись, встали так, чтобы было видно. Прошла вперёд, забралась на горку кирпичей. Рядом иностранец спросил парня:

— Кто это? Почему?

— По кочану, — парень не понял, что это иностранец.

— Как перевести «по кочану»?

— Капуста.

— Зелёная?

— Да. Зелень.

— Идёт! Идёт!

— Я же говорил, что он здесь!

— А кто это? В фиолетовом кто?

— О! Да это там пара генералов!

— А рядом с ними?

— Бард, песни поёт.

— Да, Вознесенский это.

— Не Вознесенский, а Евтушенко.

— Тихо! Что орёте? Дайте послушать, что говорят. Это было похоже на то, как бы сам Ельцин вышел с телеэкрана. Она никогда не видела его так близко.

Наконец все захлопали, словно в концертном зале Дома Союзов. Она захлопала вместе со всеми, забыв, зачем пришла сюда, она не ожидала здесь встретиться с этим поэтом-артистом. Его руки ей казались такими длинными, что он закрывал собою всех, кто так решительно вышел с ним к народу. Но голос нового оратора погасил её детское восхищение от фиолетового поэта. Трибун говорил резко, однако располагая к доверительности многих, кто был внизу под балкончиком. Совсем неожиданно было, что он призвал помочь, не уходить.

— Что он говорит? — старик вдруг поднял расслабленно свисшую вниз голову и постучал по-деревенски Марию по плечу.

— Я прошу вас защитить меня ночью, — перевела она ему услышанное. — Если вы уйдёте, то военные займут Белый дом и все наши с вами демократические завоевания.

— Что? Что, дочка, он говорит ещё? — старик,

как ребёнок, дотронулся до её руки.

— Плохо слышно, я тоже не всё понимаю. Он просит защитить демократию.

— Кого?

— Нас с вами.

— От кого? — старик поглядел по сторонам, везде молодёжь, как на дискотеке, и поговорить не с кем. — Не подкрасив, товару не продашь…

— Что, отец, выпить не хочешь, а? — вышел на него пьяный мужичок. — Высоко сокол загоняет серу утицу?

— Мир за себя постоит. Мира не перетянешь.

— В тузы полез. Это туз, да ещё и козырной! Пойдём по маленькой найдём где-нибудь… Двум головам на одних плечах тесно. А наши головы тут и вовсе не понадобятся…

— Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.

— Кто законы пишет, тот их и ломает. Бать, ты как с луны свалился. Где жил-то, по Парижам али всё хвосты коровам дёргал, коровий разведчик? Что мне законы, были бы судьи знакомы.

— Верблюд не видит своего горба.

— Ты «ну», я «ну», а выехать не на чем… — Мужичок достал из-за пазухи фляжку. — Давай, отец, выпьем, что ли? Помянем тех, кто тут кровь

проливал в 1905 году.

— Верблюд, рассказывая о коне, непременно изобразит его горбатым.

— Ты из Казахстана, что ли?

— Из Советского Союза. Был горбат — выпрямился, был слеп — прозрел.

Мария посмотрела на свои мокрые замёрзшие ноги и не смогла представить, как можно здесь выдержать ночь. Государственный деятель говорил напористо, просил о помощи с какой-то внутренней уверенностью, словно требовал и отдавал приказания.

Потом, когда делегация с балкончика ушла, она долго не могла понять, что же ей теперь делать. И лишь холод привёл её в чувство. Она пошла по улице, оглядываясь на это белое здание правительства. Мария отходила всё дальше, ей казалось, что она спускается вниз, оглядываясь, видела, как величественно вырастало здание Белого дома — Дома советов народных депутатов СССР. Прошла ещё, и что-то её опять заставило оглянуться. Но теперь и она стояла высоко, словно вровень с этим могущественным зданием. Белый дом был как бы на горе, но теперь отдалённый, на пламенеющем горизонте небосклона. Она оглянулась третий раз. И опять увидела зарево, оно

словно разгоралось. Закат огненными мазками разлился по небу, захватывая его наполовину. Казалось, в небе что-то горело. Она стояла ошеломлённая этим виденьем, но никто почему-то не замечал этого.

Вот огромная выстроенная по шесть человек толпа движется прямо ей навстречу. Она отошла на тротуар. Ровные шеренги приблизились, поравнялись с нею и замелькали мимо. Они заполнили собою всю проезжую часть и шли таким ровным шагом и правильными рядами, что Мария забыла про закат и стояла, как заворожённая, глядя теперь на это зрелище. Она хотела понять, что это за люди, впервые она видела за сегодняшний день организованную колонну.

— Кто вы? — задавала она им вопрос, ступая на проезжую часть, но они проходили мимо, словно не видя её. — Скажите, откуда вы? — но они даже не поворачивали головы. Марии стало не по себе, она остановила седого человека, шедшего сбоку колонны. — Кто эти люди?

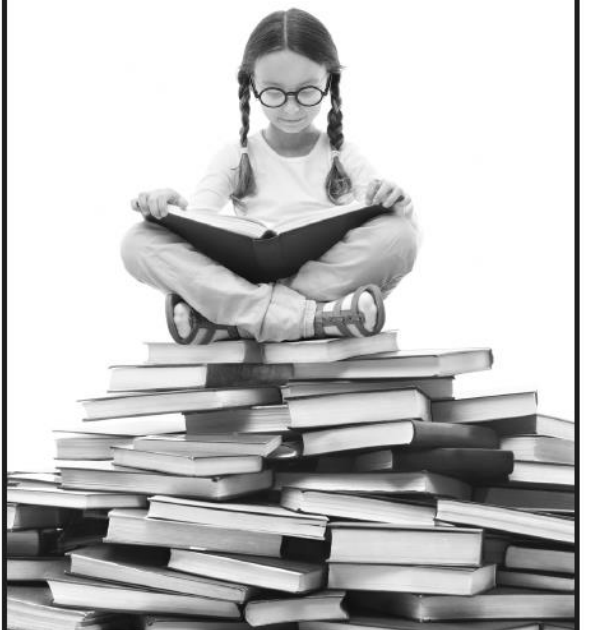
— Рабочие. С завода ведём, — он говорил быстро и серьёзно, но в глазах и в голосе был звенящий радостный блеск. — Митинг в цехе провели, — он обошел её и улыбнулся, как улыбаются восточные мужчины русским женщинам.

Стройность, с которой шли люди, была поразительна, она возникла, видимо, стихийно и поддерживалась в дороге по привычке, по той вековой привычке, которая прививается и детям детей, и детям внуков — рабская послушность думать и действовать по команде.

Продолжение следует...

Детская литература

Детская литература



Российский
колокол

Наталья Каратаева

Наталья Валентиновна Каратаева (псевдоним — Наталья Мейн) родилась на Дальнем Востоке в семье военного в 1949 году. Образование высшее,

учитель биологии и химии.

Публиковалась в сборниках: РСП — «Детская литература», «Поэт года», «Писатель года», «Фантастика», «Антология русской прозы»; Lit.Center — «Книга на лето», «Современные записки»; ИСП — «Литературные раздумья. 220 лет Виктору Гюго», «Сила слова», «Совёнок»; и в альманахах: ИСП — «По следам книжной Сибири», «Гений романтизма. 220 лет Александра Дюма», «Поэты и прозаики земли Русской»; МООСПР-«Серебряная строка»; Книга. Ру-«Мой мир»; в альманахе «Андеграунд»; в американском альманахе русской литературы DOVLATOFF; а также в журналах: «Литературный огонёк», «Литературный Крым», «География русского слова» (изд. 4); в серии для детей «Весёлый апельсин».

Финалист конкурса «Позитивное мышление» (2021). Лауреат международных литературных фестивалей: «Всё начинается с семьи» (МСП им. Св. Кирилла и Мефодия), ИСП — детской литературы им. А. Барто, «Казак Луганский», фантастики «Аэлита». Президиумом РСП награждена медалями им. И. А. Бунина, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова. Автор книги для детей «Сказки Маши» (ИСП).

Ворон

Ветка рябины напружинилась и вздрогнула. Пушистый, лёгкий снег, сквозь который пламенели кисти ярких красных ягод, закружился в хороводе зимней пляски. Едва не надломившись, рябина устояла. Слишком сильная и большая птица села на её упругую ветвь. Рябина прислушалась. Тихо кругом, всё замерло. Где-то далеко кружил по снегу заяц, заметая лёгкие следы.

Слушать лес — что может быть приятнее зимой. Тихая вьюжливая пурга убаюкивает своим размеренным танцем сонное царство леса. Сквозь дрёму и сон едва пробиваются звуки жизни. Рябинка слегка коснулась сознанием окружающего её пространства. Вот пень, стоит рядом уж который год. Летом всегда зелёный, поросший мхом, осенью осыпанный рыжей листвой, а зимой ну просто красавец — белая шапка набекрень, серебрится лёгкой пушистой снежностью.

Полууснувшее сознание рябинки лишь слегка улавливало лёгкие шорохи погрузившегося в сон зимнего леса. Но это неважно. Важно отдохнуть, выстоять в холода и вновь подготовиться к яркой и суетной жизни лета.

— Ах, лето, лето. Как я люблю лето, — тихо шепнула она в полудрёме. — Шёлковая зелёная трава на лужайке, щебет милых пташек…

Тихий шёпот слов ли, или, может, ей показалось, стал просачиваться в сознание рябины. Что за шёпот? Откуда он? Нет, это ей показалось. Она слишком молода, слишком юна и пока ещё не в силах разобраться во многом, что происходит вокруг.

— Моё единственное желание, — шептала рябина, — дождаться тепла, солнца, весны.

— Здесь пройдёт путник, — вновь услышала она.

— Не может быть! — воскликнула рябина. — Неужели я слышу или мне это кажется?

— Кажется, не кажется, слушай меня. Здесь пройдёт путник. Он устроится под твоими ветвями. Сделай так, чтобы он не замёрз, чтобы он дождался утра, а утром он уйдёт. Ты поняла меня… — голос зазвучал мощно и властно.

— Поняла, поняла, — почему-то даже обрадовалась рябина. — Будь спокоен, я сделаю так, как ты говоришь.

Птица улетела. Ветка спружинила, и сразу стало легко. Невесомый пушистый снег медленным танцем заструился вниз.

— Что это было?! — воскликнула рябина. — Не забыть бы этот сон до весны. То-то я расскажу своим подружкам, что мне приснилось этой зимой.

Рябина вновь стала погружаться в лёгкую дрёму и почти уже забыла это небольшое зимнее происшествие, воспринятое ею как сон, но вдруг почувствовала, как что-то большое и тёплое слегка привалилось к стволу.

— Уж не этот ли путник, — рябина отряхнулась от дрёмы. — Как же мне его спрятать, укрыть, обогреть? Ох, какое сложное дело получила я от этого вестника. Птица… это разве птица? Она разговаривает, она внушает, но она же и думает, и заботится ещё о ком-то. Разве птица может о ком-то заботиться?.. А я, я же рябина, как я могу позаботиться о ком-то ещё, кроме себя самой? Я обыкновенное дерево, я стою на месте, я не умею разговаривать, я только стою, только молчу.

— Ой! — воскликнула рябина. — Но сейчас-то я ведь разговариваю. — Странно, конечно, что кто-кто слышит меня, — удивилась рябина, вспомнив вдруг большую птицу, севшую ей на ветку, — с кем-то я могу говорить. Да, с птицей, например, но люди… они же слышат только себя, они не понимают, что…

Рябина замолчала. Она вспомнила, что обеща-

ла позаботиться о путнике.

— Как это сложно, — прошептала рябина. — Зимой, когда так холодно, что кажется, весь мир заледенел и уснул белым сном. Белым, как сама… — рябина вздрогнула, — я не буду думать о холоде, зиме, ведь стоит об этом подумать, как становится ещё холодней. Эта вездесущая царица холода и льда непременно пошлёт своих слуг. И ведь наказывают всегда таких, как я, слабых…

Рябина слегка застонала от таких тяжёлых предположений, но решительно переборов эти неприятные мысли, встряхнулась. Её тонкие ветки наклонились ниже над странником. Опушённые пушистым снегом, они создали заслон холодным ветрам.

— Да-да, это именно тот путник, о котором говорила мне птица, ворон, да-да, именно ворон. Но странный ворон, очень большой и очень разговорчивый, впрочем, меня это не касается.

Как устал этот путник! Я чувствую его тяжёлое дыхание. Он почти что упал под мои ветви. Его силы на исходе. Как он устал! Бедняжка! Но я чувствую тепло и биение его сердца так отчётливо. Ему нужна моя помощь, очень нужна.

Налетевшая вдруг вьюга закружилась вокруг рябины, её холодное дыхание коснулось ствола

рябины, тонких веток. Присыпанные снегом кисти рябины, казалось, ещё больше замёрзли и поникли вниз пламенеющими гроздями.

— Тише ты! — воскликнула рябина в гневе. — Разве ты не видишь замёрзшего путника, ему надо помочь. Уходи…

Глаза вьюги взглянули на рябину, они смотрели холодно и безжизненно. Взгляд её проник куда-то далеко внутрь, и внутри рябины что-то заледенело. Но почему-то затем снежные ресницы вьюги дрогнули, и, фыркнув снежной россыпью, она умчалась прочь.

Наступил рассвет. Розоватое в лёгкой дымке утреннее солнце пробивалось сквозь холодную мглу, засеребрилось на голубоватых, пахнувших ещё морозной ночью, сугробах. Человек зашевелился. С трудом поднявшись и опёршись о сухой ствол рябины, посмотрел на небо и всходившее утреннее солнце. Его рука слегка дрожала. Он благодарно похлопал по стволу рябины.

— Спасибо тебе за заботу.

Его глаза, слегка зеленоватые, заиграли живым блеском. Он сорвал горьковатую гроздь замёрзших пламенеющих ягод.

— Ох, и вкусна же ты, рябина!

Слова путника ещё долго звучали в созна-

нии рябины. И даже засыпая, она повторяла так понравившиеся ей слова: «Ох, спасибо… ох, вкусна!»

Так непонятна эта другая жизнь, другие существа, люди, птицы. И так понятна благодарность, наверное, всем. Тихое снежное утро стремилось скрыть присутствие жизни, присутствие человека, и уже вскоре следы ушедшего путника были почти не видны. Наступило вновь безмолвие, белое безмолвие зимы.

Любовь Ментры
Сердце трав и цветов

Дышу ароматом мяты…

— Ах, какое сказочное утро, — восхитилась нимфа Мента. — Мой милый родничок — твоя вода хрустальная и венчальная, ты течёшь по воле свободной через леса и луга, ты впитываешь капли дождя, падающие с небес, ты вбираешь соки земли и соединяешь в себе силы небесные и силы земные. Ты сбираешь свои малые воды в большие и смело несёшь свои подарки Посейдону, богу морей: «Прими, Посейдон, мои дары, мою работу, что делаю я и мои подружки-нимфы вме-

сте со мной. Мы держим вместе свод вод земных, подобно своду звёзд на небе».

Каждое утро пели нимфы богу Посейдону свои песни, пели песни каждой речушке, каждому ручейку, каждому озерку, что текли по поверхности великой планеты Земля, которую считали своим домом.

Спела песню однажды Мента водному потоку, что впадал в глубокое ущелье и уходил далее в глубь пещер каменных. Заглянула нимфа в глаза подземного озерка и оставила отражение своего лика на воде. И было всё прекрасно далее. Пела песни нимфа-текли воды светлые и прозрачные, тёплые и душистые, любовью и светом напитанные.

Но вот однажды прогуливался подземный бог Плутон по своим владениям, и наткнулся в своём царстве на озерко малое, подземное, что образовалось от ручейка, втекающего с внешнего поверхностного мира, и увидел он лик неземной красоты, лик нимфы прелестной. И влюбился Плутон в отражение, которое оживало тогда, когда падал луч луны через расселины в скалах. Лёгкая рябь пробегала по воде, и казалось Плутону, что прекрасное создание поёт песни ему.

Испил однажды Плутон водицы из этого озерка,

и ещё больше проникла в его душу песнь светлая и тёплая, каких и не слыхивал он ранее. И стал Плутон пропадать очень часто у этого озерка и любоваться отражением нимфы. И вот однажды он услышал дивную песнь, то вновь посетила нимфа ручеёк и вновь пела ручейку и озерку тайному песню жизни, чтобы жил этот ручеёк долго и нёс благость всем, кто находил его. Поднял Плутон глаза и встретился взглядом с нимфой, и полюбил Плутон нимфу.

Прознала про тайную любовь Плутона его жена Прозерпина и решила отомстить своей сопернице. Повернуть любовь мужа к себе. Подкараулила Прозерпина нимфу и пригрозила, что-де отомстит она ей за причинённую обиду. Как ни упрашивала нимфа Прозерпину, как ни умоляла, не смилостивилась жена Плутона и своими чарами превратила нимфу в растение.

Долго ждал Плутон нимфу в своём царстве, может, вновь заглянет она и споёт свою песнь тайному озеру, но не дождался, решился выйти на поверхность земли и там поискать свою возлюбленную. Вышел Плутон к тому месту, где падал ручеёк в бездну со скал, но и там не нашёл её.

Пригорюнился Плутон, присел на камень. Но вдруг почудился ему аромат тонкий и необык-

новенный, проникающий глубоко в душу, — так прекрасен и чуден был аромат. Чем-то знакомым повеяло от него. То был аромат нимфы возлюбленной, и показалось Плутону, что сама нимфа приближается к нему. Долго дожидался он своей возлюбленной, но не дождался. Лишь воды ручья, в которых растворились чары Ментры, по-прежнему пели ему песни любви. И понял он, что нет уже в этом мире его возлюбленной и нет ему места в этом мире. И ушёл печальный Плутон в своё подземное царство, бережно сохраняя в своём сердце светлую песнь нимфы Ментры и печаль неразделённой любви.

Но он унёс с собой в своё подземное царство небольшой кусочек другой, ещё непонятной пока ему жизни — зелёный пучок травы. То были сладкие и чарующие песни самой нимфы, заколдованные и рождённые вновь в растении мята.

Прощание с лесом

Осенний лес в последних лучах яркого, почти летнего солнца, с пёстрой, уже начинающей желтеть листвой встретил меня тихо и торжественно. Природа с величавым и мудрым спокойствием готовилась к зиме. Не было в ней летней суетли-

вости и шаловливого трепета листвы. Почернели и поникли травы. На тонкой паутинке сверкнул серебристый лучик росы.

И всё же есть в осени особая, неповторимая торжественность. Не сравнимая ни с буйным всплеском трав лета, ни с синей огненностью весеннего неба, ни с холодным спокойствием зимы, дыхание которой, ещё очень лёгкое, но уже ощутимое, пронизывало всё вокруг. Трепетные осины дрожали в лёгком порыве ветерка, как бы взывая о помощи, и протягивали гибкие ветви к уходящему солнышку. Пустынней и темней становилось в лесу.

Да и лесные жители приуныли. Где то летнее буйное веселье, где хороводы и пляски под ласковым солнцем? Не порхают уже в лёгком веселье среди трав и кустов прозрачные платья воздушных прелестных фей. Ведь их детки, маленькие лесные жители-колокольчики и ромашки, лютики и незабудки, — уже отцвели. Их крошечные головки поникли в зябком полусне. Не проснуться им до следующего жаркого солнышка, до следующей весны.

Глухо затопали ножками маленькие гномики в свои скромные лесные избушки. Да и сам Царь леса поёживается — холодновато становится в

уже не греющем, когда-то прекрасном плаще из листьев, цветов, трав.

Чу! Ветер подул! Кружится лист с красавицы берёзки, задевающей верхушкой ещё синеющее небо. Кружится, застилает полянку, где ещё не так давно пели песни и водили хороводы маленькие лесные жители.

Долго я стояла у края полянки, прощаясь с моими милыми друзьями. Долго машут они мне вслед своими маленькими разноцветными платочками. Один платочек сохранился у меня на память.

Открою я зимой книжку, а там, между листами — маленький жёлтый платочек, подарок берёзки.

Прости же, лес! Прости и прощай!

Язык музыки

Вечернее солнце едва коснулось верхушек деревьев, и в отсвете неба появились новые краски жизни. Лёгкие, пронизанные заходящим солнцем облака, переливающиеся малиновыми и розовыми красками, таинственно соприкасаясь в вечернем небе, привносили умиротворение и сладкой песней ложились на сердце.

Воздух становился ароматней, прозрачней. Где-то далеко послышались звуки волшебной музыки — мягкой и нежной, как краски вечерней зари, они пели, сливаясь с природой, в тончайшем и сладостном проникновении. И было так глубоко это таинственное взаимопроникновение музыки, природы и души, что казалось, ты не здесь, а в другом неземном и нереальном, более совершенном мире.

Эти тонкие, едва уловимые мгновения жизни, когда душа сливается с Мирозданием и находит своё отражение и созвучие с ним, есть сладчайшее наслаждение и обретение самого себя.

Послушайте звуки и краски уходящего дня, они есть Жизнь — Вечная и Прекрасная.

Листопад

Желтеет лист, наполняя аллеи душистым запахом отцветающего лета. Аромат проникновенно ложится на сердце и щемит слезой уходящее прошлое.

Отчего так сладостен, печален откровенный разговор с самим собой — понимание ли своей души открывает он нам в такие редкие, светлые минуты. Или, может, именно так мы слышим

тихий шёпот Природы, или что-то более высокое и таинственное напоминает нам о своём присутствии, разрывая сердце своим откровением.

Так плачет душа от невыносимой радости общения с давно забытым другом и преданным так пошло за грошовые мелкие житейские радости каждодневной жизни.

Всё может быть. Отрицать непознанное трудно, нелепо. Омытое слезами очищения сердце утром следующего дня бывает так забывчато.

И всё же пройдите осенним днём, не торопясь, под листопадом — неслышно и тайно приходит в ваше сердце единственная и манящая радость на этом свете, любовь Природы, которая всегда с вами, внутри вас. Услышьте её шёпот и благость, печаль или радость — тайные Вестники Жизни…

Вечереет

Вечереет. Ушёл зной лучезарного дня. Прохладный свежий ветерок почти неслышно перебирает ветви тонкоствольной ивы, опустившей свои ветви до тёмной прохлады мерцающих вод. Алой краской залился закат.

Игра воздуха, света и последних лучей уходящего солнца в своём бесконечном многообразии

отражала все немыслимые и сияющие невообразимой чистотой краски и блики как бы другого, не принадлежащего нам, мира. И жизнь, и радость, сквозившие там, так далеки от нас, так прекрасны. Они захватывают всё существо, и кажется, нет более ничего прекраснее на свете, кроме как этой чистейшей, первозданной в своей искренности и величии ещё одной ипостаси Бытия, ещё одного Лика Природы.

Послушные Творцу, его могучей кисти, его вдохновению льются на землю потоки вечной благодати, как бы говоря человеку — встань, смотри, внемли и пей эту божественную благодать, испить и насладиться которой невозможно, ибо она Вечна и Прекрасна.

Книга о радости

Жил один Мудрец. Долго жил. Много знал-познал. Смотрел на землю, а видел, как червяк под землёй ползёт, смотрел на птицу, а видел, сколько зёрен она склевала, смотрел на море, а видел, сколько рыб зародилось с начала Творения и сколько ещё народится, смотрел на звёзды и знал, какая погаснет, а какая на землю упадёт.

Всё знал Мудрец. И скучно ему стало на Земле

— всё знает. Затужил он, задумался. Летел мимо орёл, и спросил его Мудрец:

— Что мне делать?

— Радуйся, — ответил Орёл.

Пролетала мимо стрела охотника, и спросил её Мудрец:

— Что мне делать?

— Радуйся! — прозвенелаастрела.

— Да будет так! — сказал Мудрец.

Ушёл он в горы и написал там

«Книгу о радости»

И написаны были в книге такие слова:

«Я пою вам о красоте – радуйтесь, люди!

Я пою вам песни о любви – радуйтесь, люди!

И трепещет, и бьётся, и звучит в этой книге Радость.

И огромна в этой книге жажда жить дальше,

а читается эта книга всю жизнь,

не уставая».

Культурология

Культурология

Российский
колокол

Людмила Лазебная

Людмила Семёновна Лазебная родилась в Пензенской области.

Специалист по немецкому и английскому

языкам, кандидат филологических наук, MBA (Международная академия управления при Президенте РФ). Отмечена государственными, ведомственными и общественными наградами.

Почётный работник общего образования Российской Федерации.

Автор многочисленных сборников прозы, поэзии, в том числе аудиокниг. Печатается в России и за рубежом. Произведения переведены на иврит, немецкий и английский языки.

Член Союза писателей России, Российского союза писателей, Международной гильдии писателей, Член-корреспондент Международной академии наук и искусств.

Моя малая родина

Хороша и самобытна моя старая деревня! Много веков благоденствует она с тех пор, как первые поселенцы — выходцы из тёмных и болотистых мордовских лесов — пришли на это место и, окинув взглядом просторы, вбили в жирный чернозём острые берёзовые колья, смастерили временные шалаши из сосновых веток и мха и развели костры. Не знавали до того ни степь, ни лес, ни река человека в этих местах. С той ночи

и началась история моей малой родины. Много спето песен с тех пор, много сказок рассказано… Расскажу и я одну — то ли сказку, а может, и быль… А как только рассказ мой закончится, пусть вспорхнут слова мои воробьиной стайкой и усядутся рядком на гибкие ветки людской памяти. И пусть запоют тогда духи предков моего рода свои протяжные песни, радуясь, что живёт предание старины далёкой, и их потомки чтут память о них.

* * *

Итак… Давно это было! Жил в мордовском лесу столетний старик. Был он ростом изрядно велик, головою мудрён, в делах колдовских вельми изощрён. Бородою седой свою грудь прикрывал, взглядом зорким любого пугал. Вот пришёл раз к нему охотник один — сам хозяин себе, своих слов господин. Совета просить: как бы в новые земли податься и на веки героем остаться? Старику понравились умные речи. Он накинул охотнику шкуру на плечи:

– Вот шкура медведя, хозяина леса,
в ней – сила семейного старого беса.
Он скажет, как быть,

Что делать и как поступить…

Но коли беда в пути поджидает —
бесстрашного беса она напугает.
Зачнёт он давить твоё тело.
Знать – шибко опасно то дело!

Коль станет невмочь,
постараюсь помочь…
Я вижу, бес служит отцу твоему.
Велик и могуч твой отец и наш вождь!

Препятствовать станет,
коль тайно уйдёшь!
Не душно ль тебе под шкурой медвежьей?
Уйдёшь – не вернёшься потом к жизни прежней!

– Тяжёлая ноша, не сдюжу, боюсь…
– Тогда за тебя я малясь помолюсь…
– откинув прочь шкуру, промолвил старик
и с силой вонзил в бересту волчий клык.

Багровой рудой береста заалела.

– За мной повторяй для успешного дела:

«О, Славный, Могучий наш бог Святобор!

Ты ведаешь тайны лесов, рек и гор!

Тебе поклоняются птица и зверь,

Тебя почитаем мы, люди, поверь!

Дозволь мне, охотнику, лесом пройти

Да в землях чужих силу, власть обрести».

– Ступай! – пронеслось по вершинам осин. —

Ступай же! И впредь ничего не проси!..

Охотник, прощай! – колдун молвил и враз,

В тумане растаяв, он скрылся из глаз…

На росной полянке, под полной луной

Забылся сном дивным охотник младой…

Из чащи лесной вдруг явились: Чомор,

С ним Тара, Дриады, и Хуха, и Свида,

А следом – и вся Святоборова свита…

– Вот – человече, он храбр и силён!
Что скажешь нам, Тара, достоин ли он
Моих оберегов на долгом пути?
Без нашей подмоги ему не дойти!

– Достоин, Хранитель! Дай сил, чтоб пройти
Сумел он сквозь чащи твои колдовские.
Пусть выйдет на новые земли, какие
Он сердцем отыщет, полюбит навек.
И пусть там поселится человек!

Кивнул головою лохматой Чомор,
и шумом листвы вновь наполнился бор.
– Быть посему! – Хранитель сказал
И Хуху, и Ворсу к себе подозвал.

– Ты, Хуха, открой ему тайну одну,
Коль будет достоин, гляди по уму!
Ты ж Ворса, следи и испытывай долю!
Чтоб дух укреплял он, и силу, и волю!

…А Свиде, что нежной рябины милей,
Шепнул он на ушко, тайком от друзей…

Зарделась, смущенная Свида,
Наряд поправляя для вида...

– Мне дюже понравился он, —
промолвила скромно.
– Быть может, влюблён
В юную ладу какую —
Обычную деву, земную?

Чомор улыбнулся и тихо ответил,
Слова его Свиде донёс братец-Ветер:
– Нет в его сердце зазнобы,
Нет гнева, обмана и злобы!

Запел соловей, забрезжил рассвет,
Исчезли все духи, растаял их след...
Очнулся охотник, сил полон, желаний...
Вдали стрекотали сороки в тумане.

Прохладой повеяло, сыростью мха,
Гудели берёзы, стонала ольха...
Вдруг близко в болотах послышался шорох,
Услышал охотник сквозь утренний мо-

рок:

«…Туда, за туманы, в далёкую даль
тебя увлекает волшебная хмарь!
Ступай, коли жаждешь победы, сын мой!
В дубравах столетних найдёшь свой покой!»

Хранителям низкий отвесив поклон,
В дорогу неспешно направился он…
Идёт и поёт, и в песнях земных
Он славит богов и любимых, родных…

Глядь, в чаще лесной, средь поваленных елей,
Увидел Охотник прекрасных оленей.
Меж веток лапастых, не веря судьбе
Стонал оленёнок, прижатый к земле…

Охотник, стараясь, из всех своих сил,
Мальца от погибели освободил…
Тут Свида явилась к нему с Хухой вместе,
Была она в облике нежной невесты.

Хуха на ухо мужчине шепнул,
Даже по-дружески глазом моргнул:
– Чомор доволен, достоин ты чести
Мужем стать верным для Свиды-невесты!

Свида, нежнее весенней зари,
В очи взглянула: – А ну, догони! —
Зазывно промолвила и побежала
Меж юных берёз. И в травы упала…

Охотник, став мужем неистовой Свиды,
Был счастлив любовью и нежностью дивы.
Сердца их навеки связала любовь,
И крепким был дом их, и щедрым был кров…

Прошло с той поры много зим, много лет.
Уж сын повзрослел, а охотник стал сед!
А Свида, как прежде, – мила, молода,
Ей не страшны ни беда, ни года!

Вот в зимнюю пору в дом их лесной
Явился раз путник голодный, хромой...
Оставил охотник его на ночлег,
А тот был совсем не простой человек!

Средь ночи глубокой достал он кинжал
И спящего сына убил наповал.
Свида вскочила с постели своей,
И не было в мире зверя страшней!

Волчицей, оскалившись и свирепея,
Вмиг перегрызла виновнику шею!..
Волка увидев над сыном и гостя —
В луже кровавой, с обглоданной костью,

Охотник, не медля, схватился за меч
И махом снёс зверю голову с плеч!
Раздался гул жуткий над чащей лесной:
«О! Что же ты сделал, любимый, со мной!

Не волка убил ты – жену погубил!
Прощай же, мой милый, прощай же навек!

Но знай, что подослан был тот человек!

Ты сам его в дом наш средь ночи впустил, —

С кинжалом, которым он сына убил!..»

Рыдая, упав на колени без сил,

Понял охотник, что натворил!

Вдруг Хуха явился, весь в ряске болотной:

– Я знал эту тайну змеи подколодной.

Она подослала хромого слугу,

Чтоб Сеиду и сына убил он к утру!

Давно враждовали они меж собой

За то, кому быть доведётся с тобой!

Не лей свои слёзы, охотник, не плачь!

Для Сеиды ты был и любовь, и палач!

Так Святобор седовласый решил,

Когда ты его об услуге просил.

Та ведьма узнала, взбесилась она.

На помощь явился ей сам Сатана!

Теперь ты, познавший и счастье, и горе,

Свободно ступай из чащобы на волю!

Как только твой конь станет в травах валяться,
Там место найдёшь, где обосноваться:
Строй деревеньку, друзей созывай…
Землю паши, урожай собирай!

Ты смелый охотник, истинно слово!
Мудрый, не делал николи худого!
Тебе, знать, по роду так суждено
В неведомом месте устроить гнездо!

Вот так и пришёл сильный и ловкий человек-охотник со своими товарищами на новое место, где река быстра и широка, лес соснами до небес, луга травные и бескрайние, овраги ягодные. Оглядел он всё вокруг, снял седло со своего верного коня и пустил его на вольный выпас. Конь встал было на дыбы, заржал громко, стукнул передними копытами по земле да повалился в густую траву. Как и предвещал Хуха, начал конь по траве кататься, да с боку на бок кувыркаться. Увидал то охотник и решил на том самом месте поселиться…

Много с тех пор воды утекло, много сменилось людей в этой местности. Много чего забыто, что

было, а много чего придумано. Так уж водится! Главное, что жива та деревня, течёт та река, шумит тот лес… Как и прежде, поют в лесу соловьи, стрекочут сороки… Жизнь продолжается! Вот и сейчас такая же тёплая июльская ночь подходит к концу. Предрассветный час! Всё живое пока ещё сладко спит и видит сны. Где-то по соседству хрипло и обыденно пропел уставший от жизни петух, и через минуту задорно ответил другой, молодой и голосистый, обещая всему миру солнечное утро и погожий летний денёк…Дивно! Живи, моя деревня! Живи и благоденствуй ещё столько и пол-столько! Да хранят тебя Высшие Силы и седой Святобор!

* * *

Святобор — бог лесов и лесных угодий. Он предопределяет участь, жизнь и судьбу всех обитателей леса, чтобы были гармония и согласие в природе.

Чомор — один из главных духов, хранителей леса.

Тара — богиня — защищает от трудных опасностей (санскр. угры), и поэтому она также известна как Уграгара. Богиня вездесуща и также проявляется и на Земле.

Дриады — покровительницы деревьев.

Свида — лесной дух, обращается в человека и зверя.

Хуха — дух лесной, хранитель тайн.

Ворса — леший.

Санкт-Петербург
02.08.2023

Литературоведение

Литературоведение

Российский
колокол

Владимир Голубев

Владимир Голубев-прозаик, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живёт в г. о.

Серпухов Московской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской прокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ.

Писательскую деятельность начал в 1992 году. Первая большая публикация-в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса», «Асины сказки», «Сказы Матушки Оки», «Забытый рубеж», «Летучий корабль», нескольких детективов и др.

Лауреат Общенациональной литературной премии им. П. П. Бажова, лауреат II степени Литературной премии им. А. Дельвига в номинации «Большая проза».

Продолжение. Начало в №№ 1–2, 3–4.

Главы из книги «Загадки литературной сказки»
Часть II
Недолгая сказка Ореста Сомова

В первой четверти XIX века литературная сказ-

ка занимает в творчестве русских писателей ещё очень незначительное место. Но уже со второй четверти столетия интерес к ней резко возрастает. На подобную перемену повлияло, видимо, то, что духовная атмосфера в стране после бунта декабристов сильно изменилась, что, естественно, привело к усилению реакции и в духовной сфере. Но главное, что подчеркнуло интерес литераторов к сказке, как нам видится, кроется не в политике государства, а в активном распространении в культурной жизни России идей романтизма, даже скорее романтического национализма или идеи народности, вместо остатков давно на ладан дышащего классицизма, идей Просвещения и сходившего на нет сентиментализма. Неудержимая, как ртуть, творческая мысль писателей устремилась выискивать новые пути осмысления и отражения действительности.

В России возникает новая волна увлечения западноевропейской литературой. Особенно вырос интерес к творчеству немецкого сказочника Эрнста Гофмана, не миновала она и отечественных писателей. Так, в 1829 году выходит поучительная сказка для детей «Чёрная курица, или Подземные жители» Антония Погорельского. Сказочные

образы в ней напоминают «Щелкунчика», также в ней мы видим переплетение реальной жизни с таинственным и волшебным миром подземного королевства. Однако достоинства рассказанной истории не только в её нравоучительном сюжете, что даже Белинский считал её весьма дидактичной (хотя кто из нас, давайте признаемся, не мечтал в детстве, не уча уроки, отвечать на все вопросы учителей), а в поэтичности придуманного очарованного мира, куда попадает главный герой — мальчик Алёша. Мир, окружающий нас по воле нашей фантазии, оказывается раздвоенным и призрачным.

Но наряду с неистребимым пристрастием русских писателей к зарубежным источникам, всё же в 20-30-е годы в воздухе по-прежнему витает проблема национальной самобытности, звучавшая то громче, то тише, почитай с XVIII века. Концепцию народности, национальной самобытности отстаивал и наш герой, в творчестве которого видное место отдано именно сказкам…

* * *

Орест Михайлович Сомов — поэт, прозаик, переводчик, литературный и театральный критик, очеркист — родился 10 (21) декабря 1793 года

в небольшом городе Волчанске Харьковского (бывшая Слободско-Украинская губерния) наместничества.

Появился будущий литератор в обедневшей дворянской семье. Отец — капитан Михаил Лукич Сомов, мать — Аграфена Андреевна Стойкина. Дворяне Сомовы вели свой род от выехавшего из Золотой Орды мурзы Ослана, принявшего в 1389 г. крещение под именем Прокофий, внук которого, Андрей Львович по прозвищу Сом, был родоначальником Сомовых. По другой, современной версии, Сомовы — потомки угасшего княжеского рода, происходящего от ярославских князей, ветвь князей Шехонских-Сомовых.

Начальное воспитание Орест, как тогда было принято, получил дома, а затем обучался в частном иностранном пансионе. В 1809 году, по другим сведениям-в 1810 году, поступил в Харьковский университет, который в то время становился крупным культурным центром, изучать словесность. В университете преподавал русский писатель, филолог, доктор философии И.С. Рижский, автор «Науки стихотворства» и сподвижник Н. И. Новикова, который, правда, скончался весной 1811 года. Безусловно, Сомов читал труд первого ректора университета, как и,

видимо, слушал стихи недавнего выпускника, поэта-сатирика И. Н. Нахимова. Свою альма-матер литератор покинул, по-видимому, без экзамена.

Сомов свободно владел немецким, итальянским и французским языками. В Харькове, при университете, издавались журналы «Харьковский Демокрит» и «Украинский вестник», где начинающий литератор с 1816 года стал размещать свои первые литературные опыты — стихи и прозу, как оригинальные, так и переводные. Видимо, благодаря воспитанию, Орест Михайлович сформировался и на всю свою недолгую жизнь остался приверженцем использования в литературе живого разговорного языка. Он благополучно избежал влияния архаичного книжного стиля XVIII века, как и не оставили глубокого следа в его творчестве карамзинисты, искавшие средний стиль при формировании русского литературного языка. Видимо, оттого и через двести лет современному читателю достаточно легко знакомиться с произведениями Сомова.

В конце 1817 года молодой двадцатичетырёхлетний литератор оставляет пыльный Харьков с невысыхающими лужами и вонью на Сумской. В наёмном экипаже, разгоняя гуляющий скот, мимо шалашей и балаганов торговцев, он поки-

нул приютивший его город. За земляным валом свежий воздух наполняет коляску, и с чувством тревоги перед неизведанным Сомов, попрощавшись с раздольными стелями, держит путь в сырой и по-европейски надменный Петербург. Столица приняла молодого южнорусского автора благосклонно. В 1818 году он становится членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, а спустя два года — действительным членом Вольного общества любителей российской словесности. Сотрудничает почти во всех журналах этих обществ — в «Благонамеренном» и в «Соревнователе просвещения и благотворения», «Невском зрителе», «Альционе», позже и в «Полярной звезде» как поэт, прозаик и критик.

* * *

В 1819–1820 годах Орест Михайлович в качестве секретаря князя П. П. Щербатова посетил Польшу, Австрию, Францию, Германию. Поездка, связанная с лечением сенатора, необычайно расширила кругозор Сомова. Перед ним во всём блеске и нищете предстала Европа, начавшая оправляться после долгих наполеоновских войн. В саду Тюильри и по бульвару Итальянцев прохаживались напудренные модники, а в чопорном предместье

Сен-Жермен из окон особняков раздавалась музыка с изысканных балов. В Латинском квартале с шумом гуляли неугомонные студенты, а грязный и бедный Сен-Марсо следовало обходить стороной, иначе на голову тебе выльют ушат помоев или вообще оставят без кошелька, а то и жизни…

Путешествие удалось, ведь только в Париже Сомов пробыл пять месяцев, и всё это дало ему не только свежие впечатления, но и новые материалы для собственной литературной деятельности. Но прежде чем у литератора проявился самобытный дар сказочника и рассказчика, он прошёл основательную литературную школу. Его стихотворные опыты, неустанная работа переводчика приучили молодого Ореста к поразительной точности и ясности выражений, заставили по выражению Н. Н. Петруниной, на чью статью «Русская фантастическая проза эпохи романтизма» мы во многом опираемся при написании этого очерка, «…овладеть разными стилями от “метафизического” языка литературного трактата до стихии живой разговорной речи». Обширная журнальная проза Сомова — путевые письма, размышления, описания, анекдоты, «характеры», появляющиеся в печати с 1818 года и особенно умножившиеся после возвращения из-за грани-

цы, — развивала наблюдательность будущего повествователя и точность его описаний, приучала схватывать резкие черты оригинальных, контрастирующих между собой характеров.

Также к середине 1820-х годов сложилась и эстетическая программа Сомова, что как нельзя характерно для той эпохи, когда литературное сознание неизменно опережало творческую практику. В 1823 году выходит трактат Сомова «О романтической поэзии» — один из важнейших памятников русской эстетической мысли эпохи декабристов. Основной тезис автора, не потерявший актуальности и поныне, — «народу русскому (…) необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых». Путь к её созданию Орест Михайлович видел в обращении к живым источникам народной поэзии, «нравов, понятий и образа мыслей», к сокровищам родной природы и истории. И в своём непродолжительном творчестве он по мере сил старался осуществлять эту программу.

Все потуги харьковского дворянина шли в русле европейского романтизма, позже получившего термин «романтический национализм», с его интересом к родной истории, особенно в годы подъёма национальных государств и их перелом-

ными моментами (романы В. Скотта, публикации «Песни о Нибелунгах», «Беовульфа», «Слова о полку Игореве» и т. д.), составлением словарей национальных языков, сбором фольклора и т. д., и вели к обогащению русской национальной культуры.

* * *

С конца 1826 года Орест Михайлович сотрудничает с изданиями Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, став штатным сотрудником газеты «Северная пчела» и журнала «Сын отечества». Сотрудничество продолжалось до конца 1829 года, но в 1826 году у него завязываются дружеские отношения с А. А. Дельвигом, и с 1828 года они уже сообща издают альманах «Северные цветы».

Провозглашённая Сомовым идея романтической народности была близка литераторам-декабристам. Это послужило основой для его сближения с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым и привело его в число сотрудников издаваемого ими альманаха «Полярная звезда». О. М. Сомов с 1824 года работает столоначальником в правлении Русско-американской компании, фактически помощником Рылеева. После восстания на Сенатской площади в декабре 1825 года литератор

был также арестован, но вскоре освобождён: следствие подтвердило его непричастность к деятельности тайных обществ, часто собиравшихся в конторе компании. По воспоминаниям современника, император Николай I возмутился во время допроса Сомова: «Хороша же собралась у вас там компания!»

Но тем не менее, несмотря на оправдание, Сомов лишился службы в Российско-американской компании, а значит, и постоянного заработка. Рассчитывать на значительные доходы с имений он не мог по причине их отсутствия. С тех пор вся его жизнь — это нелёгкая жизнь профессионального литератора, средства к существованию ему теперь доставляет исключительно литературная работа. С 1827 года в различных альманахах появляются его оригинальные повести. В том же году завязываются отношения Сомова с писателями пушкинского круга: став сотрудником «Северных цветов» А. А. Дельвига, постоянным автором «прозаической» части этого альманаха, он попадает в их общество. Сомов выступает в альманахе не только как прозаик-беллетрист, но и как критик, автор годичных обозрений российской словесности.

В 1829 году Орест Михайлович наконец-то

полностью разорвал с Булгариным, одиозная репутация которого к этому времени окончательно определилась, и теперь целиком связал свою судьбу с изданиями Дельвига — «Северными цветами», а в 1830–1831 годах-и «Литературной газетой», став после Антона Антоновича его главным редактором (в ноябре 1830 года). Выход газеты удалось возобновить, и она издавалась и после смерти Дельвига, до конца июня 1831 года. Также они с А. С. Пушкиным готовили к изданию альманах «Северные цветы» за 1832 год, однако из-за финансовых недоразумений отношения Сомова с Пушкиным окончательно расстроились, и Орест Михайлович оказался не у дел. Начались бесконечные поиски работы, чтобы хоть как-то прокормить семью. Он снова был вынужден довольствоваться ролью литературного подёнщика в изданиях Н. И. Греча и А. Ф. Воейкова.

* * *

Ко времени, когда Сомов пришёл в альманах «Северные цветы», он был заметным деятелем украинского землячества в Петербурге. По всей видимости, на этой почве возникло его знакомство с молодым Н. В. Гоголем, около 1830 года приехавшим в столицу. Но ещё в 1829 году в

рецензии на юношескую поэму Гоголя «Ганц Кюхель-гартен», вышедшую под псевдонимом В. Алов, Сомов приветствовал вступление на литературную арену «таланта обещающего» будущего поэта. Именно в период участия Ореста Михайловича в изданиях Дельвига появилась в «Северных цветах» глава из исторического романа Гоголя «Гетьман», а в «Литературной газете» — его статьи и художественно-повествовательные фрагменты. Общение с Сомовым, уже выступившим в жанре «малороссийской» повести, способствовало углублению фольклорноэтнографических интересов Николая Гоголя.

Ещё для последнего, не увидевшего свет альманаха «Звёздочка» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, остановленного декабрьскими событиями 1825 года, Сомов написал «малороссийскую быль» «Гайдамак» — повесть о разбойнике Гаркуше, где народный быт и эпическое предание слились в целостной картине национальной жизни и появляются элементы чудесного. В дальнейшем народные предания, обычно о русалках и колдунах, о ведьмах и упырях, писатель станет использовать в своих «небылицах». Как правило, они основаны на подлинном этнографическом и фольклорном материале, снабжены особыми

примечаниями и пояснениями. Но главное для романтика Сомова-дух народа, выражающийся в его поверьях и мифологических представлениях. Потому-то в «небылицах» Сомова народные побасёнки рассказываются как бывальщина и не подвергаются скептическому анализу. Народное предание им и остаётся, хотя и облечено в одежды литературного повествования. Оно становится ближайшим средством характеристики народного героя. Потому-то разнообразие фантастической повести Сомова отражается прежде всего и по преимуществу в зеркале национальных типов, как они рисуются в воображении автора.

С 1827 года, года литературных дебютов Сомова-повествователя, в его творчестве явственно обозначилось несколько тематических линий. Самая обширная и важная в литературном отношении группа его произведений — «малороссийские были и небылицы», которые печатались под псевдонимом Порфирий Байский («Юродивый», 1827; «Русалка», 1829; «Сказки о кладах», 1830; «Купалов вечер», 1831; «Киевские ведьмы», 1833 и др.). Все они отмечены стремлением уловить и воссоздать картину народного сознания, которую автор ищет и находит в сплетении народных поверий и народноэтических идеалов правды

и справедливости. Н. Н. Петрунина отмечает, что своими первыми малороссийскими повестями Сомов проложил дорогу для гоголевских «Вечеров…», а в позднейших сам испытал воздействие Гоголя. Своеобразным знаком того, что замысел малороссийских небылиц Сомова разгадал и оценил А. Пушкин, может служить его стихотворение «Гусар» (1833). Поэт по-своему пересказал повесть Сомова «Киевские ведьмы». Сказ о ночном путешествии на шабаш киевских ведьм Пушкин вложил в уста побывавшего на Лысой горе «очевидца» — москаля, представителя иного типа национального сознания нежели тот, который выражают герои Сомова. Под напором ухарства и непобедимого здравого смысла русского служивого драматическое и поэтическое малороссийское предание зазвучало «небылицей».

Сомовские тексты пропитаны романтизмом, так, его киевская ведьма-молодая девушка, мать которой научила её колдовству и заставляла летать на шабаш на Лысую гору. Вся история овеяна таинственностью, фантастическое описание шабаша ведьм сочетается со странным и трагическим финалом в отличие от народных сказок, где всегда происходит торжество добра над злом:

Катруся Ланцюговна высосала всю кровь казака, а затем сама была сожжена ведьмами на Лысой горе.

* * *

Другие повести Сомова («Оборотень: народная сказка», 1829; «Кикимора: рассказ русского крестьянина на большой дороге», 1830) родственны малороссийским и в тоже время отличны от них. Эти повести в большей степени продолжают развитие сказочной традиции и основаны на русских крестьянских поверьях, автор в них использует даже заговоры. Как мы видим, отдав дань украинским мотивам, Орест Михайлович постепенно переориентируется на русский фольклор. В «Кикиморе», «В сказании о храбром витязе Укроме-табунщике: картине из русских народных сказок» Сомов одним из первых, ещё до Даля, Пушкина и Гоголя, начинает ориентироваться на устный повествовательный монолог (рассказ простонародного сказителя, позже мы увидим тоже у Гоголя, Писахова и других авторов), в дальнейшем эта манера получит название «сказовой». Уже подзаголовки сообщают читателю, что перед ним именно сказки.

Обращение к народной сказке в «Оборотне»

было продиктовано рядом творческих задач, которые писатель намеревался решить в этом произведении. Ориентация на сказку отвечала его требованиям национальной самобытности и оригинальности литературы и соответствовала представлениям Сомова о форме и способах изображения фантастического. Использование сказки согласовывалось с полемической направленностью «Оборотня». Автор избирает условно-сказочную форму изображения чудесного и тем самым противопоставляет своё произведение творениям писателей школы «неистового» романтизма, нагнетавших атмосферу ужаса в далёких от реальности ситуациях. Простодушная вера в чудесное включена в этих повестях в более широкий культурный контекст, дана в ироническом восприятии просвещённого рассказчика или слушателя. Но это повествование также было сродни фантастическим повестям Н. В. Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в которых воспроизводился поэтический мир народной мифологии, преданий и легенд.

К концу 20-х годов в своих сказках Сомов пытается изобразить героическую личность. Это стремление воплотилось в «Сказании о храбром витязе Укроме-табунщике» (1829), в «Сказке о

медведе Костоломе и об Иване, купецком сыне» (1829). В них появляется балагурно-сказочная манера повествования, наиболее ярко проявившаяся в зачине и концовке: «В старые годы, в молодые дни, не за нашей памятью, а при наших дедах да прадедах жил-был в дремучих лесах во муромских страшный медведь…». Купецкий сын-это простой прохожий, идущий по своим торговым делам и случайно зашедший в деревню для ночлега. Казалось бы, какое ему дело до ужасного медведя, от прозвища которого — Костолом — бегут мурашки по коже? Отдыхай и следуй дальше на торг, скажут многие из наших современников, но Иван не трус, он герой, человек явно с высокой социальной ответственностью, и его совесть подсказывает ему помочь незнакомым людям. В «Костоломе» ярко проявляются национальные черты главного героя — Ивана, купецкого сына: доброта, желание помочь ближнему, смелость, народная религиозность, честность, щедрость (оставляет медвежью шкуру крестьянам), молодечество (хвалится, что никого не боится и показывает силушку, что не просто так хвастается), но в тоже время в нём присутствует скромность: победив медведя, герой покидает радостную деревню. Иван не просит вознагра-

дения от крестьян за опасную охоту, могущую запросто погубить доброго молодца, в отличие от главного героя «Хоббита», заключившего договор с гномами…

Портрет купецкого сына выполнен автором в рамках народной традиции: «…высокий и дюжий парень, статен, бел, румян, белокур, лицо полно и пригоже, словно красное солнышко». Много в тексте фольклорных формул и эпитетов, например, «скоро сказка сказывается, не скоро дело делается» или «близко ли, далёко ли…». Но много пришло в эту стилизацию и из литературной сказки, во-первых, писатель сообщает об определённом месте действия — это не какая-то там неведомая глухомань, а муромские леса, имеющие точное местонахождение; во-вторых, в повествовании отсутствуют волшебные помощники, дарители и чудесные предметы, помогающие герою, и многое другое, свойственное сказкам; в-третьих, схватка с Костоломом вообще никак не описывается рассказчиком, она выведена за пределы истории, и каждый может домыслить её самостоятельно; в-четвёртых, практически нет волшебства, победа над медведем одержана, как, видимо, подразумевает автор, с помощью физической силы, смекалки и

железного аршина. Но мы уже не раз говорили, что рационализировать сказку старались ещё и в XVIII веке, и Сомов продолжает эту традицию.

* * *

Позже Орест Михайлович также по мотивам народных сказок создаёт произведение «В поле съезжаются, родом не считаются» (1832), где, как видно, само название пословичного характера доносит до читателя основную мысль текста — в жизни важен не социальный статус и положение человека, а его личные качества (удаль и мощь). Будучи средоточием народной мудрости, пословица в заголовке сказки ещё раз подтверждает настойчивое следование автора фольклорным традициям. Здесь в Сомове можно увидеть предвестника драматурга А. Н. Островского, большинство названий пьес которого являются пословицами, что в целом делает художественные произведения понятными и близкими широкому кругу зрителей, а писателю позволяет напрямую, без обиняков, выразить свои глубинные настроения. Усиление доли ритмически-рифмованного начала в произведении Ореста Михайловича, восходящее к традициям раёшного стиха, отражает стремление автора

создать стилизацию под настоящего сказочника-балагура, занимательно и по-народному шутливо обо всём рассказывающим.

Героическая тема развивается у Ореста Михайловича и в «Сказке о Никите Вдовиниче» (1832), примечательной также в стилистическом плане. Пословицам и поговоркам в структуре сказки отводится ряд важных функций. Они характеризуют как главных, так и второстепенных действующих лиц, раскрывают образ автора и позицию повествователя, организуют сюжет. Внимательно присмотревшись, легко выделить характерные черты героя-богатыря авторской сказки, попробовать создать его литературный портрет. Так, в народнопоэтических традициях обрисован внешний облик героя («Сказка о медведе Костоломе и об Иване, купецком сыне»). По законам поэтики русского фольклора герой растёт «не по дням, а по часам» («Сказка о Никите Вдовиниче»). Он, как правило, простоват и слывёт «дурачком бессчётным» («В поле съезжаются, родом не считаются»), по социальному положению часто является обычным крестьянином, а по роду деятельности — табунщик, работник, в разговоре использует пословицы и поговорки. Без молитвы не осуществляется ни одно значимое

событие в сказке — с неё начинается как день, так и битва, следовательно, христианство определяет мировоззрение и мировосприятие героя. От связи с родной землёй с народом, православной культурой и проистекает готовность героя «защищать невинность и карать злых притеснителей».

* * *

Характерная черта поведения многих героев О. М. Сомова — пересечение ими границы между миром живых и миром мёртвых. Нужно отметить, что далеко не всегда судьбы героев складываются благополучно, когда человек пересекает границу и углубляется в «иной», «чужой» мир, в отличие от народных сказок. Чужой мир — это не только пространство, но и соответствующее время действия. Писатель старается разворачивать сюжеты, как правило, в русле традиционных представлений о времени господства тёмных сил: это ночь либо мрак, буря или ненастье. У Сомова волшебное и бытовое переплетаются столь тесно и причудливо, что вступают в сложное, со множеством смыслов, взаимодействие. Сюжетные перипетии ряда сомовских рассказов и повестей создают для читателя атмосферу загадки, вызывают ощущение

жизненной непрочности, зыбкости привычного миропорядка, окружающего нас со всех сторон. Они открывают поле для проявления личной инициативы героев, корректируют границы закономерного и случайного и, конечно, ставят под вопрос кажущиеся незыблемыми истины.

Одной из заслуг Ореста Сомова стало широкое введение в русскую литературу украинской темы, картин малороссийской жизни, быта, национального характера, который он знал, несомненно, очень хорошо. Также с помощью фольклорной фантастики писатель пытается по-своему решить важнейшие общечеловеческие проблемы (трагедийность человеческой судьбы, рок, предательство, месть, вероотступничество и т. д.), углубленно разрабатывает различные стороны характера человека.

Как мы видим, интерес к сказкам, народным и авторским, только возрастал на протяжении всей творческой деятельности писателя. Обращение к ним было для Сомова одним из путей создания истинно национальной литературы и становления отечественной культуры. В его произведениях получили творческое воплощение и переосмысление композиции, мотивы и обрядность сказочного эпоса. Ему в большей степени

удалось донести до читателя подлинный смысл и характер фольклорных сказок и в то же время начать создавать собственный художественный мир литературных произведений, в котором народному миропониманию отводилось существенное место.

И, наконец, остался третий, так и несобранный цикл Сомова — «Рассказы путешественника», повести из западной жизни («Приказ с того света», 1827; «Вывеска», 1827; «Странный поединок», 1830; «Самоубийца», 1830 и др.). Свои повести Сомов не раз собирался объединить в сборники. Но намерения этого он так и не осуществил, как не успел он завершить и романа «Гайдамак», первые фрагменты которого появились в конце 20-х годов и который впоследствии год за годом оттесняла на второй план насущная работа над переводами и малыми жанрами «альманашной» прозы. О.М. Сомов очень рано ушёл из жизни, не успев как писатель до конца самоопределиться и раскрыть все свои возможности. Теперь можно только гадать, что бы имела русская культура, проживи Орест Михайлович ещё хоть пару десятков лет. Тем не менее и в формировании, и в развитии русского повествовательного искусства он оставил заметный след.

* * *

Орест Михайлович был человек кроткого и доброго нрава, честный и благородный — это признавали все близко знавшие Сомова, даже недруги из противоположного литературного лагеря. Всю свою жизнь он положил на чашу служения литературе, и такие самоотверженные люди, безусловно, заслуживали не только уважения в обществе, но и определённого преклонения. Конечно, свой отпечаток на восприятие писателя в литературных кругах наложило то обстоятельство, что он переходил, часто из-за куска хлеба, от одной литературной группы к другой. Возможно, по этой причине, как утверждают некоторые исследователи (В. Э. Вацуро и др.), у Ореста Михайловича не сложились дружеские отношения и с А. С. Пушкиным, которого он знал с начала 20-х годов и с которым сотрудничал до самой смерти. Хотя нам видится также и другая проблема, о которой не принято открыто говорить в советском, да и в нынешнем литературоведении, а именно — о порой «излишне снисходительном» отношении большинства наших классиков дворянского происхождения к литераторам-разночинцам, к сочинителям из мелкопоместных дворян, вы-

нужденным своим трудом зарабатывать на кусок хлеба. Мы уже не говорим о писателях и поэтах из народа, например, судьба Ивана Семёновича Ивина (Кассирова), самого издаваемого писателя конца века (случай с сапогами у Л. Толстого), или Ивана Захаровича Сурикова…

Орест Михайлович Сомов был женат на Марье Леонтьевне, в браке родился сын Николай (30 июля 1831 года). Последние годы писатель не имел постоянного литературного пристанища и какой-либо службы, могущей дать средств для сносного существования его и семьи. В январе 1833 года он тяжело заболел гриппом и не смог уже встать на ноги. Умер Сомов в глубокой нужде в Санкт-Петербурге 23 мая (8 июня) 1833 года, не дожив до своего сорокалетия. Кстати, в 2023 году отмечаются 190-летие со дня смерти писателя и 230-летие со дня его рождения. Похоронен писатель на Смоленском кладбище. По имеющимся открытым данным дворянской генеалогии, его сын Николай Орестович обратился в 1849 году и 10 апреля 1850 года внесён в третью часть дворянской книги Харьковской губернии под № 2693, возможно, имел трёх дочерей и сына.

* * *

В своём небольшом очерке мы не ставили цель осветить всю широкую палитру деятельности писателя. Орест Михайлович был известен современникам как литературный критик, журналист, переводчик, поэт, прозаик, издатель. Мы лишь отважились напомнить о его сказочном наследстве и его роли в становлении литературной сказки. Художественные достижения, в том числе фольклорные стилизации, О. М. Сомова открывали новые пути для литературного развития, способствовали успехам А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и особенно сказочника В. И. Даля, а также целого ряда авторов русской романтической прозы. Они приближали время господства прозаических жанров (в первую очередь романа и повести) на быстро растущем пространстве оригинальной и достаточно самобытной российской словесности.

Сказочная фантастика Сомова, где чудесные превращения оказываются воплощением легенд, преданий, поверий, в целом соотносится с многочисленными «волшебными повестями», «сказками» отечественных романтиков XIX века (произведения А. Погорельского, О. Сенковского,

В. Одоевского, М. Загоскина, Н. Гоголя и др.). При этом фольклорные и «книжные» корни романтических сюжетов причудливо переплетаются. Основой для сопоставлений текстов Сомова с данными писателями служит созданный ими «антимир», где в перевёрнутом виде изображены обычные человеческие праздники, развлечения: народные гуляния, православные обряды и так далее.

Хотя первые положительные отклики на художественную прозу О. М. Сомов получил ещё от своих современников, более-менее серьёзное изучение его творчества ведёт отсчёт лишь с начала XX века — в работах В. Данилова (1908), С. Браиловского (1909), правда, связанных в первую очередь с взаимоотношениями Сомова с А. С. Пушкиным. Вхождение Сомова в круг общения с великим поэтом и декабристами способствовало невольному вовлечению писателя в научный оборот, однако имело также свои минусы — он удостоился лишь поверхностных взглядов как носитель так называемых «передовых идей», но и какие-то плюсы — Сомова хотя бы не предали полному забвению.

Следующий всплеск интереса к Оресту Михайловичу пришёлся уже на «перестроечный»

и постсоветский периоды, на общей волне увлечения мистической и фантастической литературой, находящейся в советские годы на «полулегальном» положении. Таким образом, усилиями ряда учёных был создан определённый фундамент для рассмотрения проблем, связанных с осознанием специфики художественной системы О. М. Сомова.

Широкие массы читателей могли познакомиться со сказками Ореста Михайловича только в различных сборниках сказок и повестей, что стали в основном активно выходить в перестройку и в последующие годы (Москва — 1980, 1984, 1987, 1989; Бердск-1991,1992 и др.). Но произведения Сомова, разбросанные по десяткам изданий, по-прежнему поджидают своего вдумчивого издателя и читателя, в том числе и детвора с удовольствием прочитала бы слегка адаптированные сказки, а подростков заинтересовали бы страшные истории.

Случится ли возрождение сказочного творчества Ореста Михайловича Сомова? Всё зависит от нас с вами…

Глава 3
Прогулка с Феей Сказочника
Николай Петрович Вагнер

«Я помню её с тех пор, как стал помнить себя, но кто может сказать: когда и где в первый раз явилась на свет она-фея Фантаста?

Она везде и нигде! Она является из воды, из леса, из воздуха, из маленькой искорки, которая блеснёт на мгновение, в тёмных потьмах осеннего вечера, из большого пожара, от которого зарево высоко стоит в небесах; из холодной струйки, бойкого, студёного ключика, из бурной волны широкого могучего моря», — так в XIX веке писал сказочник и ещё к тому же спирит и духовидец Н. П. Вагнер. И ему отчего-то веришь, что всю его долгую жизнь где-то поблизости от него парила либо бродила та самая фея и шептала на ухо профессору-биологу занятные сказки. Тем паче ходят разговоры, своим гостям он её неоднократно представлял в полутёмном кабинете, в сгустке тьмы…

* * *

Приступая к разговору о нынешнем герое, мы немного лукавим, относя писателя к совершенно забытым сказочникам. Надеюсь, читатель привык к сказочной обстановке нашей книги и не обижается на нашего брата-литератора. Творчеству Вагнера на самом деле иногда везло, его — реакционера и даже антисемита — посмели издать на заре советской власти в 1923 году, о нём, несмотря ни на что, упоминали в учебниках по детской литературе!

Как всегда, начнём с биографии, без неё трудно понять простого человека, а тем более автора сказок, впрочем, как и мотивацию поступков любого человека. Так вот: Николай Петрович Вагнер родился 18 (30) июля 1829 года в Верхотурском уезде Пермской губернии, в Богословском заводе (в настоящее время-город Карпинск Свердловской области) в семье врача, работавшего на горных заводах Урала.

Сведений о матери писателя Ольге Андреевне (девичья фамилия Грубер) очень мало. Известно только, что она дочь известного геолога А. Е. Грубера (14 ноября 1744 — 24 июня 1807, католика [1782]), позднее принявшего православие.

Мать-Фёкла Степановна (брак заключён в 1782 году), православная. Родилась она тоже на Урале в 1798/1799 году, где её отец служил у знаменитых заводчиков Демидовых, а умерла в Москве 5 июля 1885 года. В первом браке была замужем за историком П. С. Кондырёвым (1789 — 24 марта 1823) — профессором Казанского университета, умершим от болезни печени.

Отец будущего учёного и писателя Пётр Иванович Вагнер родился в 1799 году в городе Пинске Минской губернии (Западном крае). Окончив уездное училище, обучался на фармацевта в Дерпте, а после на лекаря в университете Вильно (ныне город Вильнюс).

Род интересующих нас Вагнеров имеет как минимум две версии появления в Российской империи: первая — устоявшаяся и встречающаяся во многих источниках. Вторая представлена израильским филологом и историком С. Ю. Дудаковым (История одного мифа: очерки русской литературы XIX–XX вв. — М.: Наука, 1993. С. 242–269), в ней говорится, что род Вагнеров происходит из крещёных евреев. Их предок, Василий Алексеевич, был управляющим графа Алексея Кирилловича Разумовского и перешёл в христианство в 1744 году, получив при крещении

отчество своего восприемника. По именному указу императрицы от 19 марта 1745 года он получил потомственное дворянство. Впоследствии состоял адъютантом при Разумовском (Голицын И. И. История русского законодательства о евреях. СПб., 1886. Т. 1. С. 51). Откуда Дудаков взял информацию — неясно. А мы же возвратимся к общераспространённой первой версии: родился Пётр Иванович Вагнер в семье российского немца, по вероисповеданию католика. Вагнер *(нем.* «каретник») — очень распространённая фамилия и в Германии, и в странах бывшей Австро-Венгерской империи, и не очень редка она и в России, где, по-видимому, большинство Вагнеров имеют именно немецкое происхождение. По крайней мере, это справедливо в отношении семьи, о члене которой пойдёт дальше речь. Как указывает современный исследователь С. И. Фокин, ссылаясь на семейные предания потомков Н. П. Вагнера (точнее, слова праправнучки В. Н. Вагнер [1927–2008]), эти Вагнеры происходили, вероятно, из саксонского рода, основание российской ветви которого положил Иоганн Вагнер (1758–1818). Возможно, в конце царствования Екатерины II он с семьёй переселился в Российскую империю, в Волынскую губернию, и обосновался в город-

ке Пинске, где принял российское подданство (1811). Там И. Вагнер и стал владельцем «вольной аптеки».

Детство будущий учёный и сказочник провёл на Урале, где работал врачом его отец, почти что в тех же местах, где проведёт своё отрочество самый знаменитый сказочник Урала — П. П. Бажов. Маленький Николай получил начальное образование в Екатеринбурге, в уездном училище. С 1840 года, когда отец был утверждён профессором минералогии, геологии и сравнительной анатомии Казанского университета, семья перебралась в Казань. В 1841 году Николая Вагнера перевели в частный пансионат М. Н. Львова, с 1842 по 1845 год-он ученик 2-й Казанской гимназии.

Молодой человек небольшого роста — так Вагнер сам себя позднее описывает в своих воспоминаниях о ближайшем друге, выдающемся химике-органике, академике А. М. Бутлерове: «Мой рост в первом курсе был таков, что во всех лавках не могли найти шпаги настолько короткой, чтобы она не заходила ниже моей щиколотки, и принуждены были обрезать почти на вершок самую короткую шпагу, какую только нашли в гостином дворе. Мой портрет…

В нём не было ничего красивого — это был

портрет юноши, почти ребёнка, с довольно большими зелёно-серыми глазами, с непокорными волосами, которые постоянно торчали вихрами, и с большими, выдававшимися, как бы оттопыренными, губами».

В 1845 году юный Вагнер поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Императорского Казанского университета, где сдружился с Сашей Бутлеровым, кстати, последний как исследователь заинтересуется спиритизмом и втянет в это увлечение и Николая Петровича. О своих с другом политических взглядах в то время И. И. Вагнер пишет: «Мы все были патриоты и безусловные монархисты, и никакие вопросы и сомнения нас не тревожили», что весьма странно для будущего литератора, но в середине XIX века такой студент, думающий об учёбе и науке, а не преобразовании страны и всего мира, ещё был возможен в России.

А пока у юного Коли кипит беззаботная студенческая жизнь профессорского сынка. По весне полноводная и величественная Волга сливается с вешними потоками, стекающими в Казанку, на которой стоит город. На высоком увале возвышаются белые стены кремля, выстроенные по повелению самого царя Ивана Грозного, с ориги-

нальной сторожевой башней царицы Сююмбике и соборной Благовещенской церковью внутри. Со стен и с бульвара вокруг них открывался величественный вид на разлившиеся повсюду воды. В эти весенние вечера Николай с друзьями почти каждый вечер неизменно выходили гулять по улицам Казани, любоваться на реку. Первое тепло, смутные мечты о будущем волновали и одновременно приводили в смятение молодёжь, впрочем, как и ныне. А когда уже смеркалось, то шумная компания студентов возвращалась домой по главной Воскресенской улице. Коротышка Вагнер садился на плечи к брату Пятницкого-Николаю, который был высокого роста, и накрывался его длинной шинелью. От этой забавной комбинации двух человек выходила фигура колоссального, почти фантастического роста. Прохожие, приметив невообразимого пешехода, с ужасом сворачивали с тротуара и ещё долго, шлёпая по грязи, с изумлением смотрели вслед великану, с испугом крестясь на купола ближнего собора.

* * *

Университет Вагнер окончил в 1849 году со степенью кандидата, получив золотую медаль

за конкурсное сочинение «О лучших характеристических признаках для классификации насекомых». Будучи ещё студентом, он с 1848 года начал печататься, в журнале «Русская иллюстрация» вышли его научно-популярные статьи на зоологические темы: «Жуки атехви» и «Жуки-могильщики».

После окончания университета Н. П. Вагнер работал преподавателем естественной истории и сельского хозяйства в Нижегородском Александровском дворянском институте, в 1851 году получил степень магистра зоологии за сочинение «О чернобылках, водящихся в России». С 1852 по 1858 год был адъюнктом при физико-математическом факультете Казанского университета, в 1855 году удостоен докторской степени за диссертацию «Общий взгляд на паукообразных». В 1858–1859 годы несколько раз ездил в научные командировки за границу. В 1860 году его утвердили профессором зоологии Казанского университета.

По всей видимости, добившись желанной должности в университете, дающей материальную независимость и стабильность, Николай Петрович женился в том же 1860 году на Екатерине Александровне Худяковой (1840-ок. 1917). В браке у них родилось шестеро детей: Екатерина (1860),

Пётр (1862), Ольга (1863), Юлий (1865), Владимир (1867) и Надежда (1876); ещё одна девочка умерла в младенчестве. Смерть двухлетнего ребёнка потрясла Николая Петровича, после неё он пересмотрел свои взгляды на чувства к детям и стал стараться не так сильно переживать за детей, о чём позднее напишет Ф. М. Достоевскому («… я боюсь их любить», говорит он о детях), что, кстати, заметно и по его сказкам, например, «Гулли».

Второй сын, Юлий, стал также известным биологом и отчасти повторил судьбу отца, занявшись беллетристикой — публиковал популярные очерки в журнале «Мир Божий». Писал Юлий Николаевич также для детей — в издании журнала «Игрушечка» вышли его книжки «Растения» и «Животные».

Привлекает нездоровое внимание некоторых исследователей и трагическая судьба Владимира Николаевича, сына Вагнера, видимо, давно страдавшего каким-то психическим заболеванием, в результате чего в 1888 году он убил собственную жену и после громкого процесса был сослан в Сибирь.

* * *

Вершиной научной деятельности Вагнера признаётся работа 1862 года «Самопроизвольное размножение у гусениц насекомых», кстати, написанная им в 33 года, что само по себе символично, и ставшая сенсацией в научном мире. В этом исследовании впервые в мире было открыто явление педогенеза (явление детского размножения). За неё Н. П. Вагнер в 1863 году получил Демидовскую премию Академии наук, а в 1869 году — премию Бордена от Парижской академии наук и был избран в почётные члены Сибирским университетом. С 1861 по 1864 год Николай Петрович редактировал «Учёные записки Казанского университета».

Затем стал профессором Петербургского университета (с 1871 года), организатором и директором Соловецкой биологической станции, крупным исследователем фауны Белого моря. В 1877–1879 годы он издавал и редактировал научно-популярный журнал «Свет», а в 1891 году был выбран президентом Русского общества экспериментальной психологии. Это, впрочем, не мешало Вагнеру быть ярым сторонником спиритизма и полемизировать по этому вопросу со

всеми, в том числе и с Д. И. Менделеевым. Особо следует отметить его общение с Ф. М. Достоевским, видимо, тоже на почве спиритизма, так они познакомились на даче в Старой Руссе в 1876 году: сохранилась значительная переписка между ними за два года общения, по большей части касающаяся спиритических сеансов, а также возможного сотрудничества Достоевского в журнале Вагнера «Свет» и издания в журналах его сказок (всего сохранилось семь писем Достоевского к Вагнеру, относящихся к 1875–1877 годам, и одиннадцать писем Вагнера за тот же период). Сотрудничества в журнале «Свет», который посвящался в основном вопросам спиритизма, не случилось, как и с Л. Н. Толстым, на которого особенно рассчитывал Николай Петрович.

* * *

Научная деятельность и внешняя жизнь Вагнера складывались вполне благополучно, и вряд ли уже сорокалетний учёный предполагал, что его не просто увлечёт, а как слабого пловца затянет в водоворот литературных занятий аж на целых тридцать лет. Учитывая же его долгое увлечение спиритизмом, живописью и ещё много чем, иногда кажется, а не привело ли это замечательного

учёного к непомерному расходу собственного времени и сил, может, лучше было бы если б он сосредоточился только на научной деятельности и литературе?

Как же серьёзный учёный «докатился» до детской литературы, до сказок? В каком же источнике он пригубил родниковой воды, напившись до сих пор непостижимого вдохновения? Что за сюжеты и образы снизошли на маститого биолога? Тем паче он спрашивает в своей «Сказке» словно самого себя, да не только интересуется, а просто изничтожает волшебство: «…что такое сказка? К чему она нужна, ведь это всё неправда, выдумка? Разве были когда-нибудь скатерти-самобранки да ковры-самолёты, волшебники и волшебницы?» И там же отвечает: «Ведёт она к добру, сеет отвращение к злу».

Послушаем снова его самого. Вот собранные нами выдержки из того, что Н. П. Вагнер написал в своём эссе «Как я сделался писателем?»:

«Из книг на меня, шести-семилетнего ребёнка, произвела сильное впечатление сказка Ершова „Конёк-Горбунок“, но это впечатление было чисто внешнее. Прежде всего и более всего сказка мне нравилась своей стихотворной, лёгкой, ритмической формой… Предположение к этой

ритмической форме сложилось гораздо ранее, чем сказка попала в мои руки, и первое влияние здесь вовсе не зависело от книги. Оно сложилось под влиянием живого лица и живой речи, и этим я всецело обязан моей старой няньке, крестьянке Наталье Степановне Аксёновой, личности весьма своеобразной и даровитой… Простая, необразованная, но много видевшая на своём веку, она самоучкой выучилась читать и писать и читала много, а главное, много знала наизусть, из старинных песен, баллад и рапсодий, знала целые строфы из „Светланы“ Жуковского и вообще многое из поэзии двадцатых и тридцатых годов… Большинство русских сказок я также узнал от моей няньки. И вот на эту уже подготовленную почву попал мне „Конёк-Горбунок“… В то время, более полувека назад, точно так же, как и теперь, занятия каждой интеллигентной семьи, кроме обычных житейских хлопот, забот и мелких развлечений, сосредоточивались на литературе и музыке… На мою долю выписывался „Детский журнал“, и ему я был очень рад и читал его с истинным наслаждением… В десять лет мне нравились баллады Жуковского и поэмы Пушкина… В течение моего гимназического курса я перечитал довольно много книг, которые попадались

мне под руку, но ни одна из этих книг не производила на меня такого сильного впечатления, как французские романы Дюма… я взял в руки Евангелие с желанием познакомиться, насколько можно основательно, с учением Христа…»

Добавим сюда ещё взрослые увлечения славянофильством под влиянием С. Т. и К. С. Аксаковых модными немецкими философскими концепциями, а ещё позже он, как и многие его современники, стал атеистом и ревностным дарвинистом, но в конце концов, как известно, увлёкся спиритизмом, которое стало для него главным увлечением на всю оставшуюся жизнь…

Но и это ещё не всё. В упомянутых ранее воспоминаниях о Бутлерове Вагнер пишет, что отчасти толчком к занятию литературой послужили его беседы в 1850-х годах с А. М. Бутлеровым: «Если я что-нибудь сделал для русской литературы, то первый толчок на этом поприще, так сказать, санкция, была дана мне Бутлеровым: “Эх, Николай! Надо бы тебе прочесть притчу о талантах… Как это всё у тебя даром пропадает!” И это суждение заставило меня крепко задуматься и серьёзно приняться за научную популяризацию, а через два года я начал писать первый мой литературный рассказ».

* * *

Вернёмся и пойдём всё-таки дальше по уже упомянутому эссе. Нас, конечно, в первую очередь интересует стезя Вагнера именно как сказочника. Так вот, литературная фея не даёт покоя учёному, и после 1857 года Вагнер признаётся, что начинает усиленно обдумывать планы повестей и четырёх драм, но так и ничего не написал из задуманного, а только начал два рассказа, которые так и не закончил.

Может статься, робкие литературные пробы учёного-биолога так и канули бы в Лету, но в 1868 году в «Обществе переводчиц» во главе с Н. В. Стасовой и М. В. Трубниковой выходит в свет перевод первого тома сказок европейской знаменитости Г. Х. Андерсена. Они, кстати, выпустили на российский рынок два издания «Полного собрания сказок» великого датского сказочника. Читая похвальные и даже восторженные отзывы об этих сказках в журналах и газетах, Вагнер поддался искушению и приобрёл книги. Многие из сказок ему также понравились, но некоторыми он остался недоволен, находил их слабыми и задал себе вопрос: неужели я не могу написать так же или лучше? Таким образом, задача была

поставлена, и в течение последующих трёх лет Николай Петрович написал около дюжины сказок, которые и составили первое издание «Сказок Кота-Мурлыки». Кстати, в предисловии к первому изданию автор, словно в манифесте, поведал об авторе и его взглядах, том самом Коте-Мурлыке, как о старом и весьма почтенном коте, полном всяческих противоречий, который любил науку и искусство, но терпеть не мог учёных и искусников, предпочитавшем простых людей — «самых маленьких червячков», а не поклонников золотого тельца…

Но во время этой работы его отвлёк иной литературный труд. Следует пояснить, что в то время материальное положение ординарного профессора, как, впрочем, и ныне, было весьма неблестяще и непременно требовало посторонних заработков. В 1869 году на глаза учёному попадает объявление об издании журнала «Нива», где победителю предлагалась премия в тысячу рублей за повесть из русской жизни. Вагнер, прельщённый материальной выгодой, решился попробовать свои силы на новом поприще, теперь уже прозаика. Дадим слово самому Николаю Петровичу: «Сюжет повести сложился очень быстро. Было выставлено два характера „Тёмный и Светлый“,

и повесть носила это название. Я написал её в два месяца. Отделав и переписав первую часть, я прочёл отрывки из неё четырём товарищам. Успех этих отрывков превзошёл все мои ожидания. Товарищи, между которыми был один профессор русской словесности, единогласно хвалили её и никак не советовали посылать в „Ниву“. Она появилась потом в „Русской Мысли“ под названием „К свету“». От себя добавим, что повесть была опубликована лишь только в 1883 году.

Таким образом, как утверждает Николай Петрович, он сделался писателем, «…и если бы теперь кто-нибудь мне предложил вопрос: какая книга сделала на меня наибольшее впечатление и развила моё дарование, то я принуждён был бы сказать: „никакая“. Живые люди, живая речь на меня действовали гораздо сильнее, чем всякая книга. Сказки Андерсена нашли во мне уже готовую почву; она была заложена с детских лет. Она была воспитана моею нянькой, старшей сестрой. Вокруг меня всё было, так сказать, проникнуто этой интеллигентной музыкально-поэтической атмосферой. На столах нашей квартиры постоянно лежали или повести Марлинского, или поэмы и стихотворения Пушкина, или баллады Жуковского… Я помню также, что в четырнадцать лет

я собирал моих братьев, сестёр и чужих детей, усаживал их в зале и целые часы рассказывал им экспромтом какую-нибудь бесконечную сказку, в которой не было ничего, кроме фантазии. Моя маленькая аудитория с увлечением слушала эту сказку и на другой день усердно приставала ко мне и просила её продолжения». Таков, по его собственному мнению, путь любителя-сказочника. Как нам видится, он актуален до сих пор для всех детей нашей страны. Как бы ни было удивительно, но любовь к «несерьёзной» литературе не помешала Вагнеру стать очень и очень серьёзным учёным. В наши дни многие родители опасаются негативного влияния сказок на своих детей и готовы потчевать их только благостными историями про добрых розовых единорогов или котиков, не дай бог, ребёнок услышит слово «смерть»…

Кстати, первое издание тех самых «Сказок Кота-Мурлыки» (1872) выходит также в издательстве Н. В. Стасовой и М. В. Трубниковой. Судьба книги сложилась удачно, до 1913 года она выдержала девять изданий, умудрившись быть напечатанной и в 1923 году, да и на закате «перестройки» в 1991 году ей повезло ворваться, подобно цунами, на книжные прилавки СССР, тогда ещё весьма чита-

ющей страны, тиражом в 300000 экземпляров!

Многочисленные издания сказок иллюстрировались такими знаменитыми мастерами, как В. И. Якоби, М. П. Клодт, В. В. Васнецов, М. А. Зичи, Н. Н. Шишкин и А. И. Куинджи. Со многими из них Н. П. Вагнер был лично знаком.

* * *

Но кроме устоявшегося в веках состава «Сказок Кота-Мурлыки» имеются произведения, очень близкие по духу и строю знаменитому сборнику, тем паче, что сказка «Фанни» ранее включалась в него. Современный исследователь В. А. Широков также обращает особое внимание на сказку «Великое», написанную по восточным мотивам (она имеет и другое название — «Сказка о принце Гайдаре»), которая также не всегда входила в сказочный сборник. Помимо всех её художественных достоинств, может быть, именно она послужила причиной, по которой известный детский писатель А. П. Голиков выбрал свой загадочный псевдоним Гайдар.

Философская сказка — вот, видимо, излюбленный жанр в творчестве Николая Петровича, порой она переходит в рассказы, притчи, повести, легенды. Повествование в них ведётся

преимущественно от лица рассказчика, иногда автором используются элементы сказа (к слову, Вагнер лично знал Н. Лескова, состоял с ним в переписке), он тщательно прописывал язык своих героев, делая его индивидуальным, свойственным определённым сословиям (например, «Новый год»). Часто писатель использует уменьшительноласкательные суффиксы для передачи положительного эмоционального отношения к своим героям. В основном так говорят простые люди, и благодаря этому приёму сказочник стремится показать лучшие качества народной души — ласковость и добросердечие («мамонька», «касатик», «родименький» и другие), придавая народный колорит и напевность. Иначе обстоят дела с господской речью, она, наоборот, отличается примесью иноязычной лексики, в основном это французские элементы этикета, свойственные высшим слоям общества. Здесь Вагнер подчёркивает контраст, даже скорее пропасть, между сферами российского общества, воспитанными и образованными на европейский лад и простыми людьми, хранителями истинных сокровищ родного слова и веры предков.

* * *

Писал Николай Петрович сказки для всех, не делая разницы между детской и взрослой аудиторией. Одной из центральных тем сказочника, по мнению исследователя В. И. Мильдона (Русские писатели 1800–1917. М., 1989. Т. 1), кстати, эту статью мы использовали при написании очерка, — это взаимоотношение в человеке разума и чувств. В аллегории «При царе Горохе» Вагнер утверждает, что человечество колеблется между функциями мозга и сердца, подавляющими друг друга; нужна равнодействующая, но неизвестно, как её найти. Герой рассказа «Весной» объявляет любовь прихотью нервов и, доказывая превосходство воли и разума, кончает самоубийством на глазах невесты. Русская и европейская действительность второй половины XIX века критикуется писателем за то, что такие человеческие чувства, как любовь и сострадание подавлены голым расчётом.

Как считает современная исследовательница наследия Вагнера-Е. Ю. Киселёва, в творчестве писателя проявился бунт против приземлённости литературы, его романтическое мироощущение, ярко воплотившееся в сказках. «Основное свой-

ство этого замечательного таланта есть фантазия, но фантазия особенная, мы сказали бы, мечтательная фантазия, творящая образы не реальной, а фантастической красоты», — писал критик Л. Е. Оболенский. (Кот-Мурлыка [Н. П. Вагнер] как романист. — Русское богатство, ж. — СПб., 1888. -№ 11.) Мы видим романтические начала его творчества в наличии двоемирия, в экспрессивности языка, в принципах создания характеров и построения сюжета. Сказки Николая Петровича, безусловно, опираются на романтическую традицию, о чём уже писали исследователи, в частности, на произведения русского романтика В. Жуковского, В. Одоевского и немецкого Э. Т. А. Гофмана. Ведь в литературе последней трети XIX века в творчестве В. Гаршина, В. Короленко, А. Чехова постепенно реанимируются романтические тенденции. Повышается роль автора, его лирическое начало. Именно в личности человека многие авторы, философы и публицисты видят возможность спасения и движения вперёд. Одна из причин всплеска романтического мироощущения — общее пессимистическое настроение той эпохи, что было связано с её кризисным характером, с крахом народнических идей, и в то же время с ощущением того, что необходимы

социальные перемены. Этот пессимизм, разочарование в просветительских идеях породили позже развитие символизма на русской почве, для которого характерны двоемирие, мистика, внимание к запредельному.

Всё это привело в начале XX века к широкому распространению литературной сказки как жанра, но мы не будем подробно касаться этой темы в рамках данного очерка, лишь только отметим, что литературные труды Вагнера воздействовали на русское общество. Романтические тенденции, которые в творчестве других писателей проявлялись только как тенденции, в творчестве Н. П. Вагнера громко заявили о себе. Именно поэтому он оказался предтечей литературы Серебряного века. А сказки Вагнера, написанные в 1860–1870 годы, близки к сказкам Серебряного века по своему пессимистическому и даже трагическому мироощущению.

В сказке «Новый год», которую мы уже упоминали, написанной явно под влиянием рождественской сказки «Девочка со спичками» Андерсена, мальчик Гриша из бедной семьи, в детстве очарованный новогодним праздником у его превосходительства, не умер, как герой датского сказочника, а наоборот, выжил, выбился в

люди и всю жизнь прожил ведомый своей «путеводной звездой»: «он всю жизнь хлопотал о том, как бы устроить для всех Гришуток приюты, где бы они воспитывались и выходили в люди не по прихоти случая или “путеводной звезды”. Он мечтал, что придёт, наконец, то блаженное время, когда не будет глухих закоулков на разных “Песках” и люди не будут жить в подвальных этажах, подле помойных ям и мёрзнуть от холода в зимние морозы. Пятьдесят лет тому назад он вышел на смертный бой с тем чудовищем, которое зовут людской бедностью. Он бился с ним ровно полвека, и что же?.. Чем больше он бился, тем больше вырастало чудовище. Он чувствовал, что борьба кончилась, что победило его страшное чудовище. Грустный, испуганный сидел он один в своём кабинете накануне Нового года, опустив на руки свою седую голову». Финал сказки открытый, писатель не показывает какого-либо решения, не оставляет читателю подсказок. Даже не верится, что написал все это учёный, профессор с критическим мышлением, и даже не попробовав, не рискнув показать различные причины бедности, наоборот, нарисовав абсолютное поражение человечества в борьбе с этим явлением.

* * *

Поиски Вагнером «новых форм» отразились и на самом жанре литературной сказки. Сказка стала прежде всего философской — в отличие от сказок, например, Д. Н. Мамина-Сибиряка или П. П. Бажова, в которых ставились социально-психологические проблемы. У Вагнера его герои, особенно дети, поглощены решением важнейших недетских вопросов о смысле жизни. Героиня сказки «Гулли», сирота, воспитанница баронессы, в детстве видела сон о Божьем дереве, распространяющем вокруг себя «свет любви»: «и кажется Гулли, что нигде на земле, в целом мире нет ничего, ничего выше этого чувства, нет блаженнее любви ко всем и к этому дивному свету», «Гулли выросла, и всю свою короткую молодую жизнь она вспоминала то, что видела во сне, когда она была маленькой девочкой. Вся жизнь её, недолгая жизнь была полна тоски и ожидания. Что бы она ни делала и где бы ни была, вдруг ей почудится, что где-то вдалеке зазвучит родная песнь этих небесных птиц…

Бледная, скучная, худая, она постоянно томилась и к пятнадцатой весне её тихой жизни захирела и умерла. Муттерхен похоронила её и

осталась одна, совсем одна, без детей, без внучек и без своей дорогой, милой Гулли!..» Именно поэтому во второй половине XIX века, в эпоху разгула реализма, И. И. Вагнер со своими произведениями оказался связующим звеном между литературой минувшего романтизма и грядущего русского символизма.

* * *

У тех, кто даже поверхностно знаком с произведениями Вагнера и Андерсена, сами собой напрашиваются аналогии между русским писателем и великим датским сказочником. Не зря, например, свою статью В. Широков так и озаглавил «Русский Андерсен», и называть так русского сказочника начали ещё в XIX веке. Подробная книга воспоминаний Г. Х. Андерсена «Сказка моей жизни» начинается со слов: «Жизнь моя настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная!». Хотя долгие годы писатель искренне заблуждался, считая свои сказочные истории чем-то вроде побочного занятия, ну а себя представлял скорее драматургом, романистом, поэтом, но, увы, отнюдь не сказочником. Только в конце жизни, трезво оценив созданное за долгие годы он признал свой истинный путь — путь творца сказок.

А вот русский сказочник Кот-Мурлыка не оставил ни полноценной автобиографии, ни слов благодарности к своей литературной стезе, повлиявшей на его судьбу. Но Вагнер не зря упоминал свою фею Фантасту, она была с ним. В молодые годы она являлась в бессонные ночи и «летала со мной по всему миру», показывая, что за тьмой явятся чуть брезжащий свет и жизнь, дающие нам надежду.

Помимо прямых сюжетных аналогий в сказках Кота-Мурлыки многое сближает Вагнера с великим датчанином. И для первого, и для второго сказка — прежде всего средство познания мира, способ активного мировоззрения. Она не только учит ярким и сильным человеческим чувствам, но и предлагает определённую модель поведения, предлагает путь, на котором можно найти своё счастье. Не случайно огромный интерес к фольклору, к сказке во всех европейских странах совпал по времени со многими крупными научно-техническими открытиями. Человечество, начав быстро развиваться по пути технического процесса и активно постигая мир, окружающую вселенную, создавая чудеса науки и техники, нуждалось в духовно-нравственной опоре, как, впрочем, и ныне, во времена между полётами на

Луну и на Марс. Эту опору нашли в искренней вере в бесконечное могущество человека, а в эпоху просветителей вера в силу человеческого разума, ещё живущая в сказках Андерсена и Вагнера, искала поддержку в бескорыстном парении духа, в чистоте души.

Литературная сказка писателя всегда смело бралась за вечные темы, притом на фоне интересного и увлекательного сюжета она осваивала тему любви, тему борьбы светлых человеческих чувств с противостоящими им тёмными силами, ей не чужды ни юмор, ни сатира. Вот как легко и изящно разоблачён задиристый, самовлюблённый хвастун Курилка в одноимённой сказке Вагнера! Эту сказку исследователи часто сопоставляли с андерсеновским «Воротничком». И там, и тут очеловеченные предметы не только ведут глубокомысленные разговоры, вступают в трогательные взаимоотношения, но вся история заканчивается притчеобразным резюме, прямо подсказывающим слушателю или читателю необходимую линию поведения. Как помнится, сказка великого датчанина «Ель» поведала миру людей незамысловатую историю лесного деревца, для которого пиком жизни явился рождественский вечер, когда ёлочка, вся изукра-

шенная, выслушала вместе с собравшимися на рождественский вечер детьми сказку про Клумпе-Думпе и в первый и последний раз узнала, что такое праздник. И пусть после праздника ель отправили в печь, она сгорела, но, оказывается, есть высокий смысл в том, чтобы однажды испытать радость самовыражения и приобщения к чему-то светлому и высшему…

Вагнеровская сказка «Берёза» тоже о взаимосвязи всего сущего и смысле жизни как служения добру: дерево сломала налетевшая буря, берёза погибла, потому что ветер оторвал её корни от родной земли. Но на ней поселились насекомые, животные, для них она стала домом. Затем бедный дровосек унёс её, изрубил и бросил в печь, на которой была сварена отменная овсяная каша, порадовавшая детей. «.. Пусть каждый пользуется жизнью как может!» — говорят герои сказки. Жестокая дарвиновская борьба за выживание, за существование находит здесь своё метафорическое воплощение.

Имеется перекличка между «Пимперлэ» и андерсеновским «Оле-Лукойе», «Фанни» и «Девочкой со спичками» при всей самобытности вагнеровских образов. Писатель не копирует, не ворует образы и сюжеты, он сам просто насквозь

пронизан настроением датского сказочника, подпав под его влияние. Роднят обоих сказочников и сентиментально-религиозные мотивы. Но, сопоставляя творчество Андерсена и Вагнера (например, в 1881 году И. Феоктистов в «Педагогическом листке» или в 1922 году Н. Бахтин в «Педагогической мысли»), отечественные литературные критики ставили русского сказочника выше за большую социальную направленность, заострённость и современное звучание сюжета. К слову, ряд сказок Кота-Мурлыки использовали в революционной практике пропагандисты-народники как среди интеллигентской молодёжи, так и в рабочих кружках. Так, наибольшим вниманием пользовались «Макс и Волчок», «Колесо жизни» («Жером Гранжо»), «Курилка», изредка «Фанни». Получил общественный резонанс и такой интересный литературный факт. Юноша-кадет Семён Надсон пришёл в 1887 году к редактору журнала Н. П. Вагнеру, и когда тот подал юноше руку, Надсон пожал её с необыкновенным почтением, сознавая, что жмёт именно ту руку, которой были написаны «Сказки Кота-Мурлыки».

* * *

После 1881 года Николай Петрович почти перестал писать сказки, но выпустил немало различной беллетристики. Получили признание его повести «Гризли» (1882), «Впотьмах» (1887) и «Ольд-Дикс» (1887), идеи которых в чём-то предвосхитили естественнонаучную мысль и технологию нашего века (фрейдизм, газовый хроматограф, компьютер, даже выход человека в космос); роман «К свету» (1883). Также Н. П. Вагнер по-прежнему занимался научной и общественной деятельностью, распыляя собственные силы.

Из-под пера Николая Петровича выходит роман антисемитского характера «Тёмный путь» (1881–1884, 1890), по мнению современных исследователей его творчества — С. Ю. Дудакова, В. А. Широкова-на статью последнего (Русский Андерсен // Вагнер Н. П. Сказки Кота-Мурлыки / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Широкова. — М.: Правда, 1991) мы во многом опираемся при написании этого очерка. Роман вызвал бурную полемику и резкую критику в литературных и общественных кругах. Многие современники отвернулись от Вагнера, а осуждающие мнения о романе и его авторе звучат и поныне.

* * *

Видимо, в старости Вагнер культивировал свои профессорские чудачества, возможно, немного актёрствовал на людях, порой даже незнакомых. Имеются воспоминания И. И. Ясинского, который встречал Н. П. Вагнера и его жену летом на даче в Териоки (ныне город Зеленогорск под Санкт-Петербургом). Так он его описывает: «Вагнер производил на меня странное впечатление. Сутуловатый, угрюмый, с тусклым тяжёлым взглядом бесцветных глаз, какой-то полинялый и погружённый в себя». Ясинский ещё немало рассказывает о «чудачествах» профессора на почве спиритизма и веры в духов и призраков.

Много о чудачестве Н. П. Вагнера рассказывают и студенты, которых обучал профессор. Вот воспоминания Ю. И. Фаусек (Андрусовой): «Однажды Вагнер пришёл к нам на лекцию без воротничка; вместо него на шее у него был повязан довольно грязный носовой платок, кончики которого торчали с одного бока, как два заячьих уха. Мы смотрели на него с удивлением. „Вы удивляетесь, mesdames, — сказал Вагнер, прервав лекцию на минутку. — Это, конечно, вам кажется странным, но духи сегодня утром запретили мне надевать

воротничок, и я должен был вместо него употребить носовой платок“. В другой раз он явился с одним выбритым усом, а другой беспорядочно торчал во все стороны».

* * *

В конце своей жизни, последние десять-двенадцать лет, старый сказочник вёл себя странно в глазах окружающих, до конца оправдывал спиритизм, не замечая своих очевидных ошибок, из-за чего оказался постоянной мишенью для насмешек. Также Вагнер почти перестал заниматься научной деятельностью и литературной работой. Он уже давно не ел мяса, перестал спорить с окружающими и по-прежнему прятался за маской чудака и оригинала. Всё-таки, что это было — его естественное поведение или защита от общества, а может, позёрство? Видимо, мы не узнаем ответ никогда. Старому сказочнику теперь искренне радовалась только детвора, как автору всем известных сказок, тому самому Коту-Мурлыке. В кармане пальто он всегда носил белую крысу и, завидев ребят, доставал её, к их неописуемому восторгу (воспоминания А. И. Менделеевой).

Скончался Н. П. Вагнер 21 марта (3 апреля) 1907 года в Петербурге от прогрессивного паралича,

похоронен на Смоленском православном кладбище. Могила писателя до сих пор сохранилась подле церкви Ксении Блаженной.

Вот что пишет в своих воспоминаниях В. М. Шимкевич (1908), на протяжении многих лет знавший Вагнера по Петербургскому университету (с 1885 года до самой кончины): «Русская жизнь часто заставляет людей уклоняться от прямого, казалось бы самой судьбой намеченного, пути. Так и Н. П. Вагнер-то берётся за решение тонких гистологических вопросов, для чего у него не было надлежащей технической подготовки, то принимается за популяризацию, то пишет романы и повести, то увлекается спиритизмом и философией оккультизма. А в результате громадный талант даёт не более того, что даёт заурядный западный европейский исследователь. Потеряв в зоологии, Н. П. Вагнер не сделался и крупным беллетристом. Мне пришлось слышать один весьма резкий отзыв о его беллетристике: „это какой-то всемирный плагиат“. Конечно, это хвачено слишком через край, но действительно, когда читаешь его повести и романы, то всё время кажется, что где-то и когда-то нечто подобное читал. Лучшее, что им оставлено, это конечно, „Сказки Кота-Мурлыки“, но и там так

часто чувствуется то Андерсен, то Гофман. Как тут не припомнить знаменитую фразу Дмитрия Карамазова из „Братьев Карамазовых“, старого знакомца нашего героя — Ф. М. Достоевского: „Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил“».

Знаменателен отклик на смерть писателя известного литературоведа и эссеиста А. Г. Горнфельда, опубликованный в его сборнике «Книги и люди» (1908): «Смерть вернула мне Кота-Мурлыку. Милый старый друг далёкого раннего детства, он давно умер для меня: уж не помню, тогда ли, когда я гордо „перестал читать сказки“ — и перешёл от них к Жюлю Верну, — или тогда, когда, уже студентом, я прочёл его „Тёмный путь“ и в ужасе отшатнулся от этого знакомого ласкового лица, перекошенного страшной и злобной гримасой. Теперь он умер для живых, и воспоминания воскресили во мне живую близость — к старому коту-сказочнику, — или к моему прошлому…». «Сказка забавляла, сказка трогала, сказка увлекала. Но при всём этом она неизменно ставила вопросы; она хотела, чтобы ребёнок думал. Казалось, что эти образы, то чудно прекрасные, то нелепые, то мрачно-зловещие, то разухабистые, но всегда поэтически-нереальные, ведут в мир

фантастики, но они вели дальше: через фантастику в мысль».

* * *

Более ста пятидесяти лет прошло со дня написания сказок, их первого выхода из печати в далёком 1872 году. Сильно изменился за это время мир, изменилась и Россия, другими стали взрослые и дети: и духовно, и социально… А сказки Кота-Мурлыки окажут, вероятно, то же воздействие, что и век назад. Горнфельд не ошибся: «Сказки Кота-Мурлыки останутся ещё надолго».

Н. Бахтин в своей статье, опубликованной в журнале «Педагогическая мысль», заметил, что Г. Х. Андерсен известен всему миру; о датском сказочнике существует огромное количество литературы, ему воздвигнут памятник, а сочинения издаются и переиздаются постоянно; и «ничего подобного не имеет наш Вагнер и не потому, чтобы он этого не стоил; наоборот, он остаётся в тени совершенно незаслуженно. Пора воздать ему должное, пора признать его классиком русской детской литературы со всеми вытекающими отсюда последствиями».

В годы революции память о сказочнике по-прежнему сохранялась. Так, в 1919 году, в разгар

Гражданской войны, в Нижнем Новгороде на улице Рождественской открылась Детская библиотека «Кота-Мурлыки», но грядущая эпоха требовала других сказок, других лозунгов и героев, способных выработать у детей чёткие классовые представления.

Известно, какие события происходили в Советской России в это время. В 1922 году выслали за границу русских философов-идеалистов, многих писателей и учёных. Надолго наступили пугающе-жестокие времена. Поэтому столетие, как и 150-летие со дня рождения Н. П. Вагнера, отмечено не было. Писатель-нереалист не интересовал новые власти, он был скорее идейно опасен и не вписывался в новые лекала, предназначенные для советской литературы. Только в эпоху перестройки, пусть и с огромной задержкой, имя писателя вернулось и стало возможным познакомиться с его творческим наследием. В 2006 году студия «Анимос» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации выпустила мультфильм — экранизацию сказки «Курилка» — «Новогодняя фантазия Кота-Мурлыки».

Впервые довольно обстоятельно научная и писательская биография Вагнера изложена В. И. Мильдоном в биографическом словаре «Русские

писатели 1800–1917» (М., 1989. Т. 1), с того же времени началось и научное осмысление сказок Кота-Мурлыки.

Н. П. Вагнер не оставил нерушимого свода «Сказок Кота-Мурлыки», в каноническом списке в среднем двадцать пять сказок. Ряд сказок, вошедших в первое издание, был исключён из второго, скорее всего, по цензурным соображениям. Иногда сам писатель, что называется, тасовал «взрослые» и «детские» сказки. Но кажется, что Кот-Мурлыка писал не только для детей, но и для тех взрослых, в которых осталась детская душа, не задавленная тяготами взрослой жизни. Вообще незаметно сформировался тот род литературы, тот книжный поток, который с равным удовольствием приемлют дети и взрослые, утоляя свою духовную жажду. Как было бы здорово и правильно, если бы современные родители, оторвавшись от каждодневных забот и гаджетов, почитали подобные произведения вместе с детьми! Не жалея усилий и времени, читали бы вслух сказки, как в старые добрые времена, когда не было ни радио, ни телевидения, когда родители с детворой ставили домашние спектакли, выпускали газеты, обсуждали окружающий мир, спорили о добре и зле. Воскреснут ли в XXI веке

и появятся ли вновь благодатные воспоминания детства? Отправятся ли современные дети во взрослую жизнь с помощью и под защитой волшебных добрых сил? Никто не знает, но судьба Николая Петровича Вагнера даёт потрясающий урок родителям, опасающимся вредного влияния сказок на их детей.

Вместо послесловия

Завершая наш разговор о Н. П. Вагнере, въедливый читатель спросит: «Так почему же он так и не стал полноценным “русским Андерсеном”, которого знает весь мир?» Что, мол, у нас кишка тонка?

Неподъёмный вопрос, и не найти на земле на него точного, эдакого железобетонного ответа, что в веках стоять станет и не шелохнётся. Можно лишь только предполагать, что Николай Петрович, в отличие от датского классика, мало использовал фольклорные традиции, современных героев, открытия науки, явления природы, а ещё Андерсен фактически создал европейскую литературную сказку (Л. Ю. Брауде), а Вагнер, распыляя во все стороны свои таланты, только слепо следовал за ним и Гофманом, не сделав

хоть несколько шагов вперёд. Также непомерно отстают и сюжеты сказок. Безусловно, в сказках классиков они более захватывающие («Снежная королева» или «Щелкунчик и мышиный король») в отличие от сказок нашего героя. А что тут удивляться, коли Андерсен всю свою жизнь совершенствовал своё ремесло, начав с обработки народных сказок, позднее принялся их смело трансформировать, добавляя свои фантазии, и в конце концов стал сочинять литературные сказки («Огниво», «Свинопас» и др.), которые не утратили связи с народной, проникнутые её настроением и во многом подчиняющиеся её законам. А Вагнер почерпнул психологизм и социальность, сатиру на современное общество, симпатии к простому народу, философичность (сказка «Камень мудрецов») у датского сказочника, но этого оказалось недостаточно. Впрочем, это не умаляет его заслуг перед русской литературой, о чём, кстати, красноречиво напоминает его прозвище «русский Андерсен». И в XIX веке, и поныне подобные прозвища с отсылкой к мировым знаменитостям, например, «русский Байрон» или «русский Стивен Кинг», скорее признание таланта, чем намёк на вторичность местного дарования, хотя решать читателю…

* * *

Наиболее удачным синтезом европейской (следует ещё добавить, что с долгими древнеримскими корнями, тянувшимися аж от самого Апулея) и русской сказок служит всем известная и всеми любимая сказка «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, записанная им со слов «ключницы Пелагеи». Сказка была опубликована в 1858 году, за год до смерти писателя, в это время уже сильно болевшего и почти ослепшего, как приложение к автобиографии «Детские годы Багрова-внука». Мы не станем отвлекать читателя хитрыми перипетиями появления сюжета сказки в России, для этого найдётся немало литературы, начиная от статьи Ю. Бегунова (Источники сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1) или Л. А. Курышева «О первом русском переводе сказки М. Лепренс де Бомон “Красавица и зверь”». Но отметим, что стилизации ключницы и известного писателя, выполненные народным языком, в яркой стилистике народного сказа, легли на очень знакомый для нас сюжет фольклорных сказок о заколдованном юноше и о девушке, которая силой самоотверженной любви спасает его. Это один из самых распространённых

сюжетов и встречается, например, не менее чем в десяти русских сказках: «Зачарованный царевич», «Заклятой царевич», и в известной сказке «Пёрышко Финиста — Ясна сокола» и так далее. В результате на свет явилась одна из самых доныне популярных сказок в России, но если в сказке о Финисте основной воз проблем несёт вполне по-русски сама героиня, отправляясь искать возлюбленного, добиваясь заключения брака, то в «Аленьком цветочке» перед младшей дочерью, кстати, красавицей писаной, стоит совсем другая проблема (что часто путают, смешивая народную и литературную сказки): как жить, как полюбить отталкивающее создание чудовищной наружности? И она решает этот вопрос вполне в духе этики XVIII века — доброе к ней отношение и заботы со стороны чудовища перевешивают его страшный облик; выходит, что моральные качества супругов выше животной страсти. Возможно полюбить человека всей душой и сердцем только за его этические качества, что и происходит в «Аленьком цветке», героиня не ждёт и не надеется, как, например, в «Финисте», что главный герой обратится добрым молодцем, она действительно полюбила страшилище, которое, кстати, оказалось намного человечнее её родных

сестёр…

По сердцу пришлась нам сказка, и какая, в сущности, разница, где истоки её сюжета, вторичны ли они или оригинальны. Чудо-чудное диво-дивное свершилось, и спасибо всем авторам, кто приложил свою руку и душу к тексту нашего «Аленького цветочка».